

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

- Александрова О. В.*, д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы; Россия, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюпэгр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

- Новокрещенных И. А.* (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бочкарёва Н. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Фоминых Т. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта Е. В. Исаева.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей 10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание от 01.12.2015 г.

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa; Russia, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site E. V. Isaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Антипина З. С. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (на примере печати Пермского края)	5
Верина У. Ю. СЛЕДЫ ОРИГИНАЛЬНЫХ ИДИОСТИЛЕЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ (стихотворение Т. Венцловы «Памяти поэта. Вариант» в интерпретации И. Бродского и А. Герасимовой)	13
Гейн К. А. ТОПОИДЕОГРАММА: СУТЬ ПОНЯТИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ	20
Кривошапова Ю. А., Феоктистова Л. А. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ЛИЧНЫМ ИМЕНЕМ И ОТТОПОНИМИЧЕСКИМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ	30
Малькова Я. В. К СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ПРОДОЛЖЕНИЙ ПРАСЛАВ. *ВЪDR-	43
Маштакова Е. И. СЛОВАРЬ СОЦИОЛЕКТА СНОУБОРДИСТОВ	53
Русинова И. И., Шкураток Ю. А. МОТИВЫ ПЕРЕДАЧИ / ПОЛУЧЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ МАГИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ (на материале мифологических рассказов Пермского края)	59
Сироткина Т. А. ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ НАРОДОВ СИБИРИ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «ТОБОЛ»	70
Цзян Сюехуа. КИТАИЗМЫ В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	79
Челоне Ч. ВИДОВАЯ ОППОЗИЦИЯ РУССКИХ ИМПЕРАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ПРЕСКРИПТИВНЫХ И СУГГЕСТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ	87
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	97
Бочкарева Н. С. ПОЭТИКА И ПОЭТОЛОГИЯ: «ТОМАС БЕРНХАРД И МОДЕРНИСТСКИЙ МЕТАРОМАН»	97
Геллер Л. М. АВТОПОРТРЕТ ВО ВРЕМЯ БОЯ, НА ФОНЕ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ (о Федоре Глинке)	103
Джумайло О. А. «ВЕНЕЦИАНСКИЙ ТЕКСТ» И ЭСТЕТИКА ОТРАЖЕНИЙ В ФИЛЬМЕ ПОЛА ШРЕДЕРА «УТЕШЕНИЕ СТРАННИКОВ» ПО РОМАНУ ИЭНА МАКБЮЭНА	118
Селитрина Т. Л. ПАМЯТЬ И НАРРАТИВ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «ОСТАТОК ДНЯ»	125

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Antipina Z. S. LOCAL NEWSPAPERS IN SOCIAL NETWORKS AS INFORMATION AND COMMUNICATION RESOURCES (a Case Study of the Media in Perm Krai)	5
Verina U. Yu. TRACES OF ORIGINAL IDIOSTYLES IN POETIC TRANSLATIONS ('In Memory of the Poet. Variation' by T. Venclova in the Interpretation of J. Brodsky and A. Gerasimova)	13
Gejn K. A. TOPO-IDEOGRAM: THE ESSENCE OF THE CONCEPT AND THE POSSIBILITY OF ITS REPRESENTATION IN THE IDEOGRAPHIC DICTIONARY	20
Krivoshchapova Ju. A., Feoktistova L. A. COMPARATIVE STRUCTURES WITH A PERSONAL NAME AND AN ADJECTIVE DERIVED FROM A TOPONYM IN THE DIALECTS OF THE KOSTROMA REGION	30
Malkova Ya. V. CONTINUANTS OF THE PRE-SLAVIC *BǪDR- IN RUSSIAN DIALECTS: SEMANTIC AND MOTIVATIONAL INTERPRETATION	43
Mashtakova E. I. THE DICTIONARY OF SNOWBOARDERS' SOCIOLECT	53
Rusinova I. I., Shkuratok Iu. A. MOTIFS OF TRANSFERENCE / RECEIVAL OF VERBAL MAGIC AND THEIR REFLECTION IN LEXICAL UNITS (a Case Study of Mythological Narratives of Perm Krai)	59
Sirotkina T. A. ETHNIC IMAGES OF THE PEOPLES OF SIBERIA IN THE NOVEL 'TOBOL' BY A. IVANOV	70
Xuehua Jiang. CHINESE BORROWINGS IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN EMIGRANTS IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY	79
Chelone Ch. ASPECT-BASED OPPOSITION OF IMPERATIVE VERBS IN PRESCRIPTIVE AND SUGGESTIVE SPEECH ACTS (a Case Study of the Russian Language)	87
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	97
Bochkareva N. S. POETICS AND POETOLOGY: 'THOMAS BERNHARD AND THE MODERNIST METANOVEL'	97
Heller L. M. SELF-PORTRAIT DURING THE BATTLE, WITH A PICTURE GALLERY IN THE BACKGROUND (about Fyodor Glinka)	103
Dzhumaylo O. A. 'VENETIAN TEXT' AND AESTHETICS OF REFLECTIONS IN PAUL SCHRADER'S 'THE COMFORT OF STRANGERS' BASED ON THE NOVEL BY IAN McEWAN	118
Selitrina T. L. MEMORY AND NARRATIVE IN KAZUO ISHIGURO'S 'THE REMAINS OF THE DAY'	125

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 070: 004(470.53)
doi 10.17072/2037-6681-2018-4-5-12

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ РАЙОННЫХ ГАЗЕТ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (на примере печати Пермского края)¹

Зоя Сергеевна Антипина

**к. филол. н., старший преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет**
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Afaneor@yandex.ru

SPIN-код: 5097-7302

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1578-777X>

ResearcherID: G-3868-2018

Статья поступила в редакцию 22.12.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Антипина З. С. Информационно-коммуникативная роль районных газет в социальных сетях (на примере печати Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 5–12. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-5-12

Please cite this article in English as:

Antipina Z. S. Informatsionno-kommunikativnaya rol' rayonnykh gazet v sotsial'nykh setyakh (na primere pechati Permskogo kraia) [Local Newspapers in Social Networks as Information and Communication Resources (a Case Study of the Media in Perm Krai)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 5–12. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-5-12 (In Russ.)

Автор рассматривает особенности функционирования районной газеты в интернет-пространстве. На материале печати Пермского края изучается реализация газетами информационно-коммуникативной роли на официальных сайтах и страницах в социальных сетях. Статистический анализ показывает, что собственный сайт есть менее чем у половины газет, а предпочтительная платформа выхода издания в Интернет – социальная сеть «ВКонтакте». При этом научно-практическое обоснование относительно организации работы местной печати в социальных сетях отсутствует. Изначально журналисты главное назначение электронного ресурса издания видели в реализации информационной функции СМИ и организации коммуникации с аудиторией, социальные сети понимались в первую очередь как способ взаимодействия с читателями. Медиапотребление аудитории актуализировало проблему распространения в социальных сетях журналистского контента. На основе изучения в 2016 г. всего комплекса интернет-ресурсов районных газет Пермского края и выборочного анкетирования были сделаны следующие выводы. При общем доминировании стратегии print first представительство пермских районных газет в глобальной сети многообразно – от принципиального отсутствия («Северная звезда») до системного digital-развития («Парма-новости»). Распространение журналистской информации в Интернете затруднено из-за несоответствия технологических форматов публикации журналистского контента и форматов медиапотребления аудитории и отсутствия элементов социальной коммуникации на сайтах газет. Коммуникативная функция указывается журналистами в качестве основной при выходе газеты в социальные сети, однако фактически она почти не реализуется. Примеры устойчивой коммуникации на страницах газеты в социальных сетях единичны («Вестник Чернушки»).

Ключевые слова: районная пресса; информационная и коммуникативная функция; социальные сети.

Роль глобальной сети в развитии массовых коммуникаций и в трансформации журналистики часто рассматривается на материале глобальных медиакорпораций и новых медиа. Тогда как работа маленьких местных газет в бурно меняющемся информационно-коммуникативном и технологическом пространстве с трудом поддается системному описанию – слишком велика разница социально-политических, экономических и историко-культурных условий, в которых возникла и функционирует малая региональная печать. Районные газеты России объединяет, пожалуй, только тот факт, что как система они порождены государством. Но каждая из них в своей повседневности во многом зависит от конкретных местных условий – социально-экономической специфики региона, роли отдельных личностей (инициативности редактора, творческого потенциала сотрудников), отношений с районной администрацией и т. п.

Особенности функционирования СМИ, в особенности печати, в Интернете изучается давно и достаточно активно. Работы общего характера издаются с середины 2000-х гг. [Коханова, Калмыков 2005; Интернет-СМИ... 2010]. Диссертационные исследования и отдельные статьи затрагивают разные аспекты взаимодействия прессы и Интернета. Например, проблемы выполнения социальными сетями функций, смежных с журналистскими, и вопросы о статусе социальных сетей как СМИ нового типа [Браславец 2009], специфики медиапотребления разной аудиторией [Аникина 2006]. Стабильным остается интерес исследователей к проблеме взаимодействия местных газет с интернет-средой [Градюшко 2015; Ильиных 2014; Кислая 2017; Радионцева 2015].

Медиасистема в целом оперативно реагирует на все технологические новшества. Блоги, публичные выступления и Telegram-каналы российских медиаэкспертов А. Амзина, В. Гатова, С. Паранько, Н. Лосевой и других почти ежедневно предлагают своей аудитории обзор новых решений для разных задач работы медиа и СМИ. Однако на протяжении длительного периода остаются без внимания те частные вопросы, от которых зависит эффективность функционирования местных печатных СМИ в интернет-среде. Это, в частности, стратегия взаимодействия с социальными сетями, включая выработку содержательной модели официальной группы СМИ и правила взаимодействия с ее аудиторией.

Сегодня газеты выходят в интернет-сферу с помощью трех платформ: в виде официального сайта редакции (или раздела на партнёрском сайте), в виде группы (или публичной страницы) в социальных сетях, в виде канала в мессенджере².

Наиболее привычной формой присутствия районной газеты в Интернете является сайт или страница на сайте партнера (партнером выступает обычно местное отделение союза журналистов, муниципалитет или интернет-форум). Анализ практики пермских районных газет показывает, что сайт – не самая частотная форма выхода СМИ в сеть. В Пермском крае собственный сайт есть лишь у 45 % регулярно выходящих зарегистрированных общественно-политических или информационных газет. Остальные редакции предпочитают использовать возможности социальных сетей, прежде всего «ВКонтакте».

Взаимодействие с социальными сетями при видимой технологической простоте оказалось сложным вопросом для редакций местных печатных изданий. Социальные сети предложили СМИ готовую технологическую платформу, тем самым упростив выход газеты в глобальную сеть. Однако типологические особенности районной газеты, традиционные для нее проблемы (недостаток квалифицированных кадров, тесное взаимодействие с учредителями, сравнительно невысокие экономические показатели территории) ставят перед редакцией вопросы как тактического (какими средствами), так и стратегического характера (с какой целью).

Эксперты-практики и исследователи не предлагают готовых эффективных алгоритмов взаимодействия печати с интернет-средой в целом и с социальными сетями в особенности. Даже лидеры мировой прессы («The Guardian», «The Washington Post», «The New York Times» и многие другие), имея значительные технологические, кадровые и экономические ресурсы, находят результативные приемы работы в Интернете опытным путем. Главный редактор радио «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов на вопрос о мнении лидеров мировой журналистики («Поделитесь с нами идеями этих умных людей, которые вас впечатлили?») отвечает: «Вы знаете, у них же тоже нет ответов. В Washington Post мы встречались с руководством digital-подразделения, и нам было прямо сказано, что они не понимают, куда идут, но вкладываются в цифру, видя, что газеты будут отмирать» [Бочарский 2015].

Другой российский журналист, сегодня занятый исследованием медиасреды, Василий Гатов, утверждает, что «ясного и однозначного ответа о роли социальных сетей в судьбе более традиционных СМИ нет» [Соцсети пока не обеспечивают... 2017].

Эксперт по новым медиа и преподаватель Московского государственного университета Наталья Лосева выделяет коммуникативные и маркетинговые возможности социальных сетей

для СМИ, а также потенциал соцсетей как источника информации [Лосева 2011].

Главный редактор журнала «Журналистика и медиарынок» Владимир Касютин, хорошо знающий многие российские «районки», строит рекомендации редакторам с опорой на многочисленные удачные и неудачные кейсы, не предлагая, в общем, универсальных моделей и алгоритмов [Касютин 2013].

Исследовательские работы о взаимодействии традиционных видов средств массовой информации и социальных сетей, как правило, посвящены зарубежному опыту. Обзор англоязычных и российских публикаций с анализом феномена социальных сетей был предпринят О.В. Дьяченко. Исследовательница делает вывод, что работы о взаимодействии СМИ с социальными сетями чаще всего носят прикладной характер или анализируют «лишь конкретные аспекты взаимодействий СМИ с сайтами социальных сетей» [Дьяченко 2014].

Наиболее активное обсуждение этого вопроса ведется на профессиональных интернет-ресурсах (например, проект «Мы и Жо. Media and Journalism» Александра Амзина) и на различных научно-практических форумах.

В настоящей работе предметом внимания будет реализация районными газетами в социальных сетях своей основной – информационно-коммуникативной роли. Изучение функциональных особенностей районной прессы в Интернете проводилось на материале печатных средств массовой информации Пермского края, выходящих на территории муниципальных районов и городских округов, кроме Пермского муниципального района, и официальных интернет-ресурсов этих изданий в социальных сетях. Всего по данным реестра Роскомнадзора было отобрано 70 зарегистрированных газет, действующих как общественно-политические и информационные. Из них имеют любое интернет-представительство только 55 изданий, т. е. пятая часть газет (21 %) в сети не работает. Этот показатель соотносится с результатами исследования печати малых и средних городов России, проведенного коллективом ученых Московского государственного университета. Как указывает О.В. Смирнова, 13 % привлеченных к исследованию СМИ выпускают только печатную версию газеты [Смирнова 2016: 167]. Экспертные мнения по данной теме были получены с помощью интервьюирования, проведенного исследователями кафедры журналистики и массовой коммуникации Пермского университета [Интервью с журналистами и редакторами 2016].

Еще в 2001 г. редакторы ведущих российских изданий главное назначение электронного ресур-

са издания видели в реализации информационной функции СМИ, организации коммуникации с аудиторией и в продвижении издания [Зачем вашему изданию сайт? 2001]. Веб-редактор газеты «Комсомольская правда» так отвечал на вопрос «Зачем вашему изданию сайт?»: «Сайт нам нужен, чтобы, извините за выражение, лучше вести работу по информационному обслуживанию населения. <...> с помощью сайта мы увеличиваем аудиторию. А заодно получаем много полезных откликов и суждений». В эпоху социальных сетей редактор одной из районных газет Центральной России объясняла задачи сайта газеты: «Во-первых, это позволит установить возможность более тесного и простого общения с горшеченцами-интернетпользователями <...>. Во-вторых, большинство из них [журналистских публикаций] есть на сайте газеты – в разделе «Наши статьи». И их перечень в дальнейшем будет расширен. ... В-третьих, в отличие от газеты, которая выходит два раза в неделю, обновлять сайт и помещать на нем актуальные на данный момент новости мы можем в любой момент» [Бобрышева 2002].

На начальном этапе взаимодействия журналистики и социальных сетей последние воспринимались в первую очередь как способ взаимодействия с аудиторией. Во-первых, журналисты стремились общаться со своими читателями. Во-вторых, социальные сети и страницы пользователей воспринимались как новый источник информации. Публикация же в социальных сетях собственных журналистских материалов до сих пор остается для районных газет вопросом, на который каждая редакция ищет свой ответ. Таким образом, проблемным представляется взаимодействие редакции с социальными сетями именно в аспекте реализации СМИ своих журналистских функций.

Базисным понятием журналистики признается понятие массовой информации. Е. П. Прохоров называл информацию рабочим инструментом журналистики, а главной функцией журналистики называл функцию коммуникативную [Прохоров 2000: 44]. Петербургский исследователь С. Г. Корконосенко акцентирует внимание на сложности структуры функций журналистики и говорит о нескольких социальных ролях журналистики [Корконосенко 2004: 150–196]. В социальном измерении реализуется информационно-коммуникативная роль журналистики, занимающейся сбором, обработкой и периодическим распространением информации. Нам кажется важным предложение С. Г. Корконосенко использовать субъектный подход при анализе социальной роли журналистики. При изучении взаимодействия журналиста (редакции) и аудитории в со-

циальных сетях мы, как правило, рассматриваем в качестве субъекта отдельную личность (пользователя). По отношению к индивидууму функции журналистики будут обусловлены его потребностями, которые не поддаются исчерпывающему анализу и классификации. В работе мы будем исходить из представления о том, что в социальных сетях и, в частности, на страницах официальных групп местных газет потребности личности заключаются в получении информации и в коммуникации.

Районные газеты рассматривают сайты и социальные сети как каналы для осуществления прямой деятельности по распространению общественно значимой информации, для коммуникации с аудиторией и, дополнительно, для решения маркетинговых задач (последнее мы оставляем за рамками исследования).

Пермский опыт показывает, что на собственных и партнерских сайтах журналистские материалы публикуются по-разному: и как электронные варианты печатных номеров и газетных полос (в том числе в архаичном pdf-формате), и как отдельные журналистские тексты. Первый вариант выбирают преимущественно информационные издания с большим количеством рекламы или небольшие редакции, работающие в режиме отдела местной администрации («Вести Полазны»). Оперативное обращение к такому представлению газетных материалов маловероятно – pdf-формат и газетные полосы неудобны для просмотра с мобильных устройств. Следовательно, местное население со смартфонами и планшетами исключается из аудитории такого издания в Интернете. Сайт в этом случае выполняет функцию хранилища газетного номера. Второй вариант характерен в большей степени для современных редакций, созданных частными лицами и не связанных напрямую с муниципалитетом («Парма-новости»). Использование современных технологий дает возможности для расширения аудитории и распространения отдельных журналистских материалов в социальных сетях. Не газетный номер, а конкретный журналистский материал в таком случае нужно рассматривать как единицу распространения и потребления. В целом же пермские районки не поддерживают быстрый переход с сайта в социальные сети. Так, только 12 пермских районных изданий (17 %) предлагают посетителям своего сайта опубликовать газетный материал в социальных сетях³. Многие газеты, например, «Приобвинский край», приглашают читателей перейти из социальных сетей на сайт, но не обратно.

Функция по распространению информации в социальных сетях реализуется печатными изданиями несколькими способами (кроме того, что

газета может вести свою группу, но журналистские материалы в ней не публиковать). Самым технологически архаичным является публикация сканированных изображений газетных полос. Так публикует свои материалы газета «Частинская правда». Отсутствие современных технологических приемов не мешает популярности группы издания – каждая из журналистских публикаций имеет отметку в среднем 600 просмотров (для пермских районок это неплохой показатель). Александровская газета «Боевой путь» изображением первой полосы анонсирует выход каждого нового номера.

В социальных сетях в разном формате размещают журналистский контент 27 из 70 изданий (39 %). Как следует из интервью с журналистами, редакции стремятся реализовать прежде всего бумажную версию газеты. Для выработки и внедрения различных принципов оформления и публикации журналистских материалов в газете, на сайте и в социальных сетях редакциям, по их словам, не хватает квалификации либо новых специалистов. Главный редактор нытвенской газеты «Новый день» К. Ведерникова объясняет: «С сайтом у нас небольшие проблемы есть. Пока эта работа не совсем отлажена. Контент наполняется в основном по выходу газеты. Плановой работы пока нет – нет отдельного сотрудника для сайта» [Интервью с журналистами... 2006].

Самые современные приемы и правила подачи журналистских материалов в социальных сетях закономерно используются теми изданиями, которые целенаправленно развиваются в интернет-пространстве. Таковы, например, группы газет «Парма-новости» и «Куюдинский вестник», где публикуются журналистские тексты среднего объема с иллюстрациями. Полный формат подачи, принятый, в частности, при работе с социальными сетями интернет-СМИ, (краткая подводка или лид, картинка и ссылка на сайт), почти не используется пермскими районками. К редким исключениям относится та же «Парма-новости».

Коммуникативная функция сегодня, как и в начале 2000-х гг., указывается журналистами в качестве основной при выходе газеты в социальные сети. Однако детальное изучение существующих групп районок в самой популярной социальной сети «ВКонтакте» этого не подтверждает. Активное общение и распространение читателями журналистских материалов в социальных сетях – скорее исключение, чем практика. Пример издания, которое объединяет местное сообщество на своей странице в социальных сетях, – газета «Вестник Чернушки». На странице публикуются самые разные сообщения – журналистские материалы, официальная информация, пе-

репечатки с других ресурсов (в т. ч. СМИ), объявления о потерянных котах, справочные запросы, фотографии, видео и т. п. Публикации – журналистские материалы и собственные реплики участников сообщества – посвящены преимущественно общественной жизни города и района. Собственно отметок о положительной реакции и публикаций пользователями материалов со страницы группы на свои страницы немного, но почти все публикации имеют комментарии, что свидетельствует о наличии активного сообщества. Число комментариев под публикацией может исчисляться десятками.

Профессиональная журналистская модерация, безусловно, является важным критерием успешности группы СМИ «ВКонтакте» или городского форума. Татьяна Фельбер, березниковский журналист и модератор одного из активных местных форумов, отказывает газетам в возможности объединять сообщество и быстро реагировать на мнения аудитории, однако именно ее журналистский и редакторский опыт важен для успешного функционирования «Берфорума». На примере подобных местных коммуникативных площадок проявляется происходящее изменение функций современного журналиста. Поскольку журналист сегодня не обладает монополией на поиск, производство и распространение информации, он находит применение своим силам в качестве модератора, верификатора и фильтра новостей. То есть может сохранить за собой возможность формировать информационную повестку дня и прочие, кроме коммуникативной, функции (идеологическую, просветительскую и т. п.). Директор по медийной экосистеме социальной сети «ВКонтакте» С. Паранько в сборнике «Как новые медиа изменили журналистику» указывал: «В эпоху, когда на читателя буквально обрушивается шквал новостей, основной задачей журналиста становится не поиск информации, а ее фильтрация, проверка и толкование» [Как новые медиа... 2016: 6]. Другие эксперты по новой медийной реальности выражают аналогичные суждения. Работа местных пермских форумов, расцвет которых пришелся на конец 2000-х – первую половину 2010-х, подтверждала определяющую роль в ней профессионального журналистского участия.

В целом представительство пермских районных газет в глобальной сети многообразно. Мы можем привести примеры как аргументированного профессиональными интересами отказа работать в Интернете, так и системной работы редакции с сайтом и группой в социальных сетях. Распространение пермскими районными газетами журналистской информации через официальные сайты и социальные сети не всегда учитыва-

ет технологические и функциональные особенности Интернета. В частности, это касается формата публикуемых материалов, представления о тексте, а не газетном номере как единице журналистского контента. Издания, публикуя материал в сети, часто не обеспечивают технологических возможностей его дальнейшего самостоятельного распространения и, как следствие, теряют значительную часть потенциальной аудитории.

Издания с традиционной «бумажной» концепцией при выходе в социальные сети стремятся реализовать коммуникативную функцию, проводя интерактивные мероприятия среди своего сообщества. Опыт работы местных интернет-форумов и городских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» показывает, что ресурс развития региональной медиасистемы и, конкретно, районных СМИ связан с журналистской компетенцией отбора, проверки и интерпретации социально значимой информации.

С учетом роста дигитализации информационно-коммуникативной сферы даже при сохранении аудитории печатного номера газеты редакциям (и учредителям) районных газет придется подстраиваться под нового читателя и новые технологические условия работы.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Правительства Пермского края (проект № 16-14-59007 «Локальный медиадискурс: перспективы оптимизации информационно-коммуникативных процессов (на материале районных СМИ)»).

² Программы для обмена сообщениями в реальном времени через Интернет (например, Viber, Telegram).

³ Здесь и далее численные показатели приводятся по итогам фронтального обзора всей совокупности районных газет Пермского края в 2016 г.

Список литературы

Аникина М. Е. Молодежная аудитория печати: чтение в условиях развития Интернета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 20 с.

Бобрышева Е. Зачем районной газете сайт? // Маяк. 2012.26.01. URL: http://gazetamayak.ucoz.ru/blog/zachem_rajonnoj_gazete_sajt/2012-01-26-1 (дата обращения: 20.11.2017).

Бочарский К. Алексей Венедиктов: «Медиа проспала две цифровых революции и готовится проспать третью» (28.09.2015) // Pressfeed. URL: <https://news.pressfeed.ru/venediktov/> (дата обращения 20.11.2017).

Браславец Л. А. Социальные сети как средство массовой информации: к постановке проблемы //

Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология, журналистика. 2009. № 1. С. 125–132.

Градюшко А. А. Интернет-версия районной газеты в условиях конвергенции медиaproстранства // Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія. Педагагіка. Псіхалогія. 2015. № 1. С. 33–39.

Дьяченко О. В. Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: практики взаимодействия // Медиаскоп. 2014. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/1615> (дата обращения: 20.11.2017).

Зачем вашему изданию сайт? // Коммерсант. 03.08.2001. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/277057> (дата обращения: 20.11.2017).

Ильиных Д. Г. Информационный потенциал и диалоговые возможности региональных печатных средств массовой информации и сетевых версий изданий (на примере СМИ Уральского федерального округа): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2014. 25 с.

Интервью с журналистами и редакторами пермских районных СМИ. 2016 // Архив кафедры журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ.

Интернет-СМИ: теория и практика. М.: Аспект-пресс, 2010. 348 с.

Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2016. 304 с.

Касютин В. Живая газета. Практическое руководство по журналистике и управлению редакцией. М.: Изд. дом «Хроникёр», 2013. 336 с.

Кислая Л. Н. Сопротивление переменам: факторы низкой эффективности интернет-ресурсов районных (городских) газет Новосибирской области // Вестник НГУ. Серия: «История, филология». 2017. Т. 16, № 6: Журналистика. С. 65–73.

Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М.: Аспект-пресс, 2004. 287 с.

Коханова Л. А., Калмыков А. А. Интернет-журналистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 383 с.

Лосева Н. Социальные сети и СМИ: как жить дальше. Доклад на круглом столе «Будущее журналистики: количество против качества» 23-й международной выставки телекоммуникационного оборудования, систем управления, информационных технологий и услуг связи «СВЯЗЬ-ЭКСПОКОММ-2011». 2011.01.05. URL: http://vid1.rian.ru/ig/fmf/Social_media_2011.pdf (дата обращения: 20.11.2017).

Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М.: РИП-холдинг, 2000. 308 с.

Радионцева Е. С. Интеграция районных газет в интернет // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 4. С. 56–61.

Смирнова О. В. Местные газеты в новых технологических условиях // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 1, № 3. С. 164–170.

Соцсети пока не обеспечивают никакой разумной конверсии [интервью с Василием Гатовым] // Платформа [центр социального проектирования]. 2017.26.10. URL: <http://pltf.ru/2017/10/26/socseti-poka-ne-obespechivajut-nikakoj-razumnoj-konversii/> (дата обращения: 20.11.2017).

References

Anikina M. E. *Molodezhnaya auditoriya pechati: chtenie v usloviyakh razvitiya Interneta: avtoreferat diss. kand. filol. nauk* [Youth audience of the printed press: reading in the context of the Internet development. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 20 p. (In Russ.)

Bobrysheva E. *Zachem rayonnoy gazete sayt?* [What does a regional paper need a site for?]. *Mayak*. 26.01.2012. Available at: http://gazeta-mayak.ucoz.ru/blog/zachem_rajonnoj_gazete_sajt/2012-01-26-1 (accessed 20.11.2017). (In Russ.)

Bocharskiy K. *Aleksey Venediktov: Media prospali dve tsifrovyykh revolyutsii i gotovyatsya prospat' tret'yu* [Aleksey Venediktov: The media have slept through two digital revolutions and are going to sleep through the third one]. (28.09.2018). *Pressfeed*. Available at: <https://news.pressfeed.ru/venediktov/> (accessed 20.11.2017). (In Russ.)

Braslavets L. A. *Sotsialnye seti kak sredstvo massovoy informatsii: k postanovke problemy* [Social networks as mass media: to pose the problem]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya, zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2009, issue 1, pp. 125–132. (In Russ.)

Gradyushko A. A. *Internet-versiya rayonnoy gazety v usloviyakh konvergentsii mediaprostranstva* [Internet version of the regional newspaper in the context of convergence of the media space]. *Vestnik Grodzenskaga dzyarzhaj'naga y'niversiteta imya Yanki Kupaly. Seriya 3. Filalogiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology], 2015, issue 1, pp. 33–39. (In Russ.)

D'yachenko O. V. *Rossiyskie SMI v sotsial'nykh setyakh Facebook i v «VKontakte»: praktiki vzaimodeystviya* [Russian Mass Media in the Social Networks Facebook and VKontakte.ru: Convergence Practices]. *Mediaskop* [Mediascope], 2014, issue 4.

Available: <http://www.mediascope.ru/1615> (accessed 20.11.2017). (In Russ.)

Zachem vashemu izdaniyu sayt? [Why does your periodical need a site?]. *Kommersant*. 03.08.2001. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/27-7057> (accessed 20.11.2017). (In Russ.)

Il'inykh D. G. *Informatsionnyy potentsial i dialogovye vozmozhnosti regionalnykh pechatnykh sredstv massovoy informatsii i setevykh versiy izdaniy (na primere SMI Ural'skogo federal'nogo okruga)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Information potential and dialogue capabilities of the regional print media and online versions of publications (a case study of the media of the Urals Federal District). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2014. 25 p. (In Russ.)

Interv'yu s zhurnalistami i redaktorami perm-skikh rayonnykh SMI. 2016 [The interview with journalists and editors of Perm regional mass media]. *Arkhiv kafedry zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy PGNIU* [Archive of the Department of Journalism and Mass Communication of Perm State University]. (In Russ.)

Internet-SMI: teoriya i praktika [Internet media: theory and practice]. Moscow, Aspekt-press, 2010. 348 p. (In Russ.)

Kak novye media izmenili zhurnalistiku. 2012-2016 [How new media have changed journalism. 2012-2016]. Ekaterinburg, University for the Humanities Press, 2016. 304 p. (In Russ.)

Kasyutin V. *Zhivaya gazeta. Prakticheskoe rukovodstvo po zhurnalistike i upravleniyu redaktsiyey* [The Living Newspaper. Practical Guide to Journalism and Editorial Management]. Moscow, Khroniker Publ., 2013. 336 p. (In Russ.)

Kislaya L. N. Soprotivlenie peremenam: factory nizkoy effektivnosti internet-resursov rayonnykh (gorodskikh) gazet Novosibirskoy oblasti [Resistance to changes: factors of low efficiency of Internet resources of local newspapers of the Novosibirsk region]. *Vestnik NGU. Seriya: Istiriya, filologiya* [Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology], vol. 16, issue 6: Journalism, pp. 65–73. (In Russ.)

Korkonosenko S. G. *Osnovy zhurnalistiki* [Basics of journalism]. Moscow, Aspekt-press, 2004. 287 p. (In Russ.)

Kokhanova L. A., Kalmykov A. A. *Internet-zhurnalistika* [Internet-Journalism]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2005. 383 p. (In Russ.)

Loseva N. *Sotsial'nye seti i SMI: kak zhit' dal'she. Doklad na kruglom stole «Budushchee zhurnalistiki: kolichestvo protiv kachestva» 23-y mezhdunarodnoy vystavki telekommunikatsionnogo oborudovaniya, system upravleniya, informatsionnykh tekhnologiy i uslug svyazi “SVYaZ'-EKSPOKOMM-2011”* [Social networks and the mass media: how to keep living. The report at the round table “Future of journalism: quantity versus quality” of the 23rd international exhibition of telecommunication equipment, control systems, informational technology and communication services “SVYaZ'-EKSPOKOMM-2011”]. 01.05.2011. Available at: http://vid-1.rian.ru/ig/fmf/Social_media_2011.pdf (accessed 20.11.2017). (In Russ.)

Prokhorov E. P. *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki* [Introduction to the theory of journalism]. Moscow, RIP-kholding Publ., 2000. 308 p. (In Russ.)

Radiontseva E. S. Integratsiya rayonnykh gazet v internet [Integration of regional newspapers in the Internet]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [The Science of Person: Humanitarian Researches], 2015, issue 4, pp. 56–61. (In Russ.)

Smirnova O. V. Mestnye gazety v novykh tekhnologicheskikh usloviyakh [Local newspapers in the new technological conditions]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev], 2016, vol. 1, issue 3, pp. 164–170. (In Russ.)

Sotsseti poka ne obespechivayut nikakoy razumnoy konversii (interv'yu s Vasiliyem Gatovym) [Social networks do not yet provide any reasonable conversion (interview with Vasiliy Gatov)]. *Platforma (Tsentr sotsial'nogo proektirovaniya)* [Platform (The Center for Social Design)] 26.10.2017. Available at: <http://pltf.ru/2017/10/26/socseti-poka-ne-obespechivajut-nikakoj-razumnoj-konversii/> (accessed 20.11.2017). (In Russ.)

**LOCAL NEWSPAPERS IN SOCIAL NETWORKS
AS INFORMATION AND COMMUNICATION RESOURCES
(a Case Study of the Media in Perm Krai)**

Zoya S. Antipina

**Senior Lecturer in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. Afaneor@yandex.ru

SPIN-code: 5097-7302

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1578-777X>

ResearcherID: G-3868-2018

Submitted 22.12.2017

The paper deals with the peculiarities in functioning of local newspapers on the Internet. Based on the materials of the Perm Krai media, the author studies how newspapers perform the function of disseminating information and providing communication in social networking services and on their official websites. Less than half of the local newspapers have an official website of their own. The Internet platform they prefer to use is the social networking site “VKontakte”. The functioning of local newspapers in social networks lacks any rational ground. Initially, journalists considered official websites of newspapers to be a means of providing both information and communication, while social networks were only regarded as a way to communicate with readers. The media consumption entails the necessity to share content in social networks.

Content sharing in social networking services was studied in 2016 based on a complete sample of websites and other e-resources of local newspapers. Surveys conducted among journalists and editors-in-chief revealed the opinion of the professional community about the objectives of official websites and discussions in social networks. Analysis of the surveys allows us to see a diversity of the ways to represent a local newspaper on the Internet: from avoiding such representation (*The North Star*) to developing a system of digital representation (*The Parma News*). The strategy ‘print first’ dominated in the local media of Perm Krai. The discrepancy between the technological standards for the publication and the media consumption formats causes difficulties in content sharing and distribution on the Internet. Official websites do not provide services for social communication. Thus, the communication function is not represented on the websites, notwithstanding the fact that journalists mentioned the function as the basic one. A unique example of permanent communication in a newspaper account in the social media is *Herald of Tchernushka*.

Key words: local newspaper; information and communication function; social networks.

УДК 821.172.0

doi 10.17072/2037-6681-2018-4-13-19

**СЛЕДЫ ОРИГИНАЛЬНЫХ ИДИОСТИЛЕЙ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ
(стихотворение Т. Венцловы «Памяти поэта. Вариант»
в интерпретации И. Бродского и А. Герасимовой)**

Ульяна Юрьевна Верина**к. филол. н., доцент кафедры русской литературы****Белорусский государственный университет**

220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. К. Маркса, 31. verina14@rambler.ru

SPIN-код: 5620-9548

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6015-7160>

ResearcherID: F-2666-2018

*Статья поступила в редакцию 14.03.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Верина У. Ю. Следы оригинальных идиостилей в поэтических переводах (стихотворение Т. Венцловы «Памяти поэта. Вариант» в интерпретации И. Бродского и А. Герасимовой) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 13–19. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-13-19

Please cite this article in English as:

Verina U. Yu. Sledy original'nykh idiostiley v poeticheskikh perevodakh (stikhotvorenie T. Ventslovy «Pamyati poeta. Variant» v interpretatsii I. Brodskogo i A. Gerasimovoy) [Traces of Original Idiostyles in Poetic Translations ('In Memory of the Poet. Variation' by T. Venclova in the Interpretation of J. Brodsky and A. Gerasimova)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 13–19. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-13-19 (In Russ.)

Рассматриваются переводы стихотворения литовского поэта Т. Венцловы, выполненные И. Бродским и А. Герасимовой, представителями разных эпох и стилей. Стихотворение «Памяти поэта. Вариант», посвященное О. Мандельштаму, продолжает традицию эпитафий на смерть поэта и генетически связано с элегией И. Бродского «На смерть Т. С. Элиота». Анализ текста перевода, сопоставление с литовским оригиналом и стихами И. Бродского разных лет («Менуэт (Набросок)», «Aqua vita nuova» и др.) позволили определить, какие черты, характерные для собственных произведений, И. Бродский использовал в переводе, какую трактовку получили образы оригинального текста, будучи дополненными метафоричностью «большого стихотворения» – авторской жанровой формы, строящейся на вариациях и повторах, ассоциативных связях мотивов. Перевод А. Герасимовой более точен, поэтический язык упрощен. Переводчица пошла по пути сокращения развернутых метафор, числа эпитетов. Так же лапидарен и язык ее собственных стихов: восьмистиший, двух- и трехкатренных композиций, которые отличает ясность языка, образности, синтаксиса, строфики, преимущественная точность рифмовки.

И. Бродский и А. Герасимова передали поэтологический мотив оригинала в соответствии с собственными творческими установками: идея власти слова подчеркнута И. Бродским, отказ от высокой миссии поэта определяет поэтику перевода А. Герасимовой. Текст Т. Венцловы в переводах двух поэтов с несхожей стилистической стратегией обнаружил срединную позицию, уравнивающую смысловую сложность и простоту поэтического языка.

Ключевые слова: Т. Венцлова; И. Бродский; А. Герасимова (Умка); «Памяти поэта. Вариант»; «большое стихотворение»; поэтический перевод.

В поэтическом переводе неизбежны отступления от оригинала, которые высвечивают в нем новые смыслы и представляют собой особый род прочтения, в результате которого поверх источника пишется новый текст. Как правило, стихи переводят поэты – обладатели собственного художественного языка, и стилевые приметы их поэзии накладывают отпечаток на чужие тексты. Тогда понятие «второго оригинала», которое П. М. Топер полагает оксюмороном [Топер 1998: 183], приобретает значение, близкое к терминологическому. При многократных переводах произведение обогащается историей всех тех новых смыслов, которые были вложены в них переводчиками, и в этом случае особый интерес представляет сопоставление с оригиналом и вариантов перевода между собой, поскольку в «новых» произведениях, написанных поверх одного и того же текста, в отступлениях, схождениях и различиях ярко выявляются особенности идиостиля поэтов-переводчиков. И несмотря на то что в стихотворном переводе, выполненном поэтом с сильной творческой индивидуальностью, отклонения от оригинала «умножаются во много раз», «один стихотворный перевод нимало не препятствует появлению следующих, воплощающих новый опыт пересоздания оригинала» [Левин 1981: 366]. При этом особый интерес представляет сопоставление переводов разных периодов: синхронные будут представлять собой «соревнование талантов», тогда как диахронные способны выступать средством «накопления традиций» [Топер 1988: 30].

Книга Т. Венцловы «Metelinga» вышла в 2017 г., в год 80-летия литовского поэта, и ее состав отвечает задачам юбилейного издания: кроме стихотворений и переводов в ней приведены фотографии, автографы, письма, интервью, комментарии и др. Стихи и переводы, опубликованные на двух языках, занимают всего около трети объема книги, но их хронология охватывает период с 1956 по 2014 г. Кроме того, все это – новые переводы, выполненные А. Герасимовой, тогда как Т. Венцлову переводили И. Бродский, В. Гандельсман, В. Куллэ, Н. Горбаневская, Г. Ефремов. Издание 2017 г. продемонстрировало, как новый перевод актуализирует все предыдущие, неизбежно отсылает к ним, а кроме того, демонстрирует потенциал текстов, уже переведенных, освоенных и – как в случае со стихотворением Т. Венцловы «Памяти поэта. Вариант», к которому мы обратимся, – хорошо известных читателю. Во вступительном слове А. Герасимова отметила: «В этой книге, по определению “авторской”, многое переведено заново – не амбиции ради, а чтоб читатель мог сравнить. Получился своего рода “путеводитель по Венцлове”, как и в

случае с Радаускасом... (имеется в виду книга “Огнем по небесам” Г. Радаускаса в переводе А. Герасимовой, изданная в 2016 г. и включающая, помимо стихотворений, приведенных параллельно на двух языках, комментарии, “Биографический минимум”, письма, воспоминания. – У. В.). Томас Венцлова сказал, что надо бы и эту книгу, работа над которой уже начиналась, устроить так же: половина – стихи, а другая – то, что вокруг» [Герасимова 2017: 3].

Перевод стихотворения «Памяти поэта. Вариант», опубликованный И. Бродским в журнале «Континент» в 1976 г., сыграл особую роль в судьбе Т. Венцловы, поскольку «резко ускорил» его отъезд из СССР [Венцлова 1997: 267]. Литовский поэт признавал, что «перевод Бродского очень свободен и, несомненно, лучше оригинала» [там же]. Он отмечал также, что «слово “вариант” в заглавии указывает на некоторую зависимость этой вещи от эпитафии Бродского Элиоту (и далее, от эпитафии Одена Йейтсу)» [там же]. Речь идет о стихотворении, знакомство с которым стало поворотным пунктом в творческой биографии И. Бродского, открыв ему первенство языка и поэзии над временем и пространством. В том же 1965 г., когда поэт сделал это открытие, он написал стихотворение «На смерть Т. С. Элиота», сохранив композицию и ключевые мотивы элегии У. Х. Одена. Получается, что в стихотворение Т. Венцловы, посвященное О. Манельштаму, содержащее отклик на стихотворение И. Бродского, вошли также и претексты, которые, в свою очередь, были воскрешены переводчиком.

Т. Венцлова признавал, что в его стихах «нередки ритмические и иные цитаты из Бродского, есть пробы подхвата его тем, диалога с ним», но в то же время говорил, что у них «мало общего, если не считать некоторых совпадений в области вкуса, поэтических притяжений, а точнее – поэтических отталкиваний» [там же: 266–267]. И далее – о важном понятии объема не просто как длины стихотворений И. Бродского, а как объема входящей в его «большие стихотворения» культуры и соответствующей читательской работы: «Гигантская языковая и культурная клавиатура Бродского, его синтаксис, его мышление сверхстрофными образованиями ведут к тому, что читать его стихи означает тренировать душу: они увеличивают объем души (примерно так, как от бега или работы веслами увеличивается объем легких)» [Венцлова 1997: 267].

«Большое стихотворение» – жанровая форма, созданная и культивируемая И. Бродским, имеет ряд специфических черт: мотивы и образы связываются по ассоциации, композиция основана на приемах вариации и повтора [Азаренков 2017: 49]

и др. Сам поэт осмыслил особенности композиции, зависящие от длины текста, отметив, в частности, что «...после сорока строк любой размер приобретает некую критическую массу, которая требует вокальной разрядки, лирического разрешения» [Бродский 2003, т. VI: 340–341], что позволило исследователям в его собственных «больших стихотворениях» выделять трехчастную структуру (накопление «критической массы», «эвфонический взрыв» и заключительный «чистый лиризм» или «размытие фокуса»).

Стихотворение Т. Венцловы не так велико, его длина лишь немного превышает отмеченную И. Бродским величину: в нем 48 строк. Однако и на таком пространстве И. Бродским была реализована собственная художественная задача, важные мотивы творческого бессмертия, власти слова раскрыты с использованием характерных черт идиостиля, сложившегося в его оригинальном творчестве, а не в поэзии переводимого автора.

Прежде всего, отметим, что в переводе И. Бродского нет указания на конкретный зимний месяц – февраль, которое есть и в оригинале («Он удаляется в февральское утро...»)¹, и в переводе А. Герасимовой («Он так и уплывет неповторимым / В февральское бездонное окно») [Венцлова 2017: 20]. Время в переводе И. Бродского – зима вообще. Зимние мотивы – неотъемлемая часть элегий на смерть поэта. У. Б. Йейтс и Т. С. Элиот умерли в январе, в первой строке элегии И. Бродского точно указано: «Он умер в январе, в начале года» [Бродский 2001, т. III: 115]. Откуда в стихотворении Т. Венцловы возник именно февраль, сказать трудно: О. Мандельштам родился в январе и умер в декабре. Отсутствие точного указания конкретного зимнего месяца в переводе И. Бродского обобщает ситуацию «смерть поэта», отсылает к предшествующим «зимним» эпитафиям. И по другим, более очевидным, признакам можно проследить, как поэт вписывает свое видение темы в чужое стихотворение.

Так, по сравнению с оригиналом в переводе И. Бродского усилена идея власти слова, поразившая его в элегии У. Х. Одена. В заключительных строках Т. Венцловы использована цитата из О. Мандельштама:

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесем
[Мандельштам 1999: 149].

Заключительные строки стихотворения Т. Венцловы: «И звучит легкое и бессмысленное слово, / Почти такое же бессмысленное, как смерть»; в переводе А. Герасимовой: «И легкое бессмысленное слово / Возможно, не бессмыс-

ленной, чем смерть» [Венцлова 2017: 21]. Осторожной некатегорической формулировке оригинала («Почти такое же...») отвечает предположение, выраженное в переводе: «Возможно, не бессмысленной, чем...». И. Бродский в состязании слова со смертью отдает решительное предпочтение слову, подчеркивая: «И легкое бессмысленное слово / Звучит вдали отчетливой, чем смерть» [Бродский 2001, т. IV: 242]. Здесь достаточно ясно выражена идея И. Бродского, которую он подготавливает, используя повторяющийся мотив зрения, очей, глаз в тех местах текста, где его нет в оригинале. Эти повторы предваряют одну важную в стихотворении метафору Т. Венцловы, которую достаточно трудно передать на другом языке, поскольку она основана на двусмысленности слова *židinys*, означающего «камин, очаг» и физ. «фокус» [Liberis 2001: 942]. В подстрочнике: «...Но есть и вневременной очаг / И оптика, определившая судьбу, / Смысл которой – счастливые совпадения, / А иногда – просто встречи / И продолжение вечных форм». У И. Бродского: «Но есть очаг вневременный, и та / Есть оптика, что преломляет судьбы / До совпадения слова или сути, / До вечных форм, повторенных в сосуде, / На общие рассчитанном уста». Снова заметим, что вместо «счастливых совпадений» Т. Венцловы в переводе ясно звучит: «...слова или сути», – и «вечные формы» понимаются в том же поэтологическом ключе. К образу очага / оптического фокуса И. Бродский подводит с первой строфы. Вот соответствующие обороты, в которых у Т. Венцловы нет мотива зрения: «...Где, снегом выколов Адмиралтейства вид / Из глаз...», «...В грязь мостовой, в слезящееся веко...», «Уходит в зимнем сумраке незримо...», «Заочный и дослезный Петербург», и в следующей строфе говорится о «вневременном очаге» и оптике судеб. Первый из перечисленных оборотов встречается в стихотворении И. Бродского «Менуэт (Набросок)»: «И табурет сливается с постелью. / И город выколот из глаз метелью» [Бродский 2001, т. II: 122]. Это стихотворение датировано 1962 г., «Памяти поэта. Вариант» Т. Венцловы – 1969 г., а перевод появился значительно позже – в 1976 г. И. Бродский не единожды использовал эту метафору. В другом значении, не связанная с мотивами зимы, метели, она встречается также в стихотворении 1970 г. «Aqua vita nuova»: «...Что память из зрачка / не выколоть» [Бродский 2001, т. II: 396]. В элегии «На смерть Т. С. Элиота», к которой отсылает нас Т. Венцлова, есть сходные образы, возможно, и вдохновившие литовского поэта: «...При всем своем сиротстве / поэзия основана на сходстве / бегущих вдаль однообразных дней. / Плеснув в зрачке и растворившись в лимфе, / она сродни

лишь эолийской нимфе, / как друг Нарцисс. Но в календарной рифме / она другим наверняка видней» [Бродский 2001, т. II: 115]. И все же использованная в другом художественном контексте, в переводе, та же метафора приобрела дополнительное значение: предварять образ очага-горнило-оптического фокуса. В предпоследней строфе эта метафора объединяется с мотивом искусства, и в заключительных строках И. Бродский продолжает линию мотивов зрения: «Но как свидетель выживший, искусство / Буравит взглядом снега круговерть» (в оригинале: «...Но остается один свидетель – искусство, / Просвечивающий (проясняющий) зимнюю ночь»). Здесь сходятся все предыдущие мотивы и образы в концепции искусства как того самого очага-глаза-фокуса, в котором соединяются и перегорают времена, пространства, судьбы.

В сильных позициях текста, как в приведенном примере, где на стыке строк переносом разделены важнейшие слова («Оно / уходит», «рядно / десятилетий», «ритма / пурги», «вторая / жизнь»), И. Бродский в переводе использовал слова «непоэтичного», низкого стиля, что свойственно и его собственным стихам. Так, в предыдущей цитате акцент приходится на слово «буравит», достаточно выразительное, поскольку входит в ассоциативно-метафорическую связку. Таких примеров в переводе немало. Особенно явно антиромантизм И. Бродского сказан в предпоследней строфе, где Т. Венцлова употребляет развернутую метафору, восходящую к ветхозаветной притче о Ноевом ковчеге. В этой строфе, как сказано в комментарии, литовский поэт полемизировал с тогдашним официальным пониманием искусства, основанным на теории отражения [Венцлова 2017: 90]. Буквально в оригинале это высказано так: «Не отсвет (отражение), а перерыв в реальности, / Остров, вросший в пенный поток, / Замещая необретенный рай, / Вышелушивается из живого языка...». И далее возникает образ голубей, которые кружат над кораблем, «не смея отличить Арарат / От обычного цветущего холма». И здесь И. Бродский резче и конкретнее: «Взамен необретаемого Рая, / Из пенных волн что остров выпирая, / Не отраженье жизни, но вторая / Жизнь восстает из устной скорлупы. / И в свалке туч над мачтою ковчега / Ширяет голубь в поисках ночлега, / Не отличая обжитого берега / От Арарата. Голуби слепы» [Бродский 2001, т. IV: 242]. «Выпирая», «свалка туч», «ширяет» – эти слова работают на снижение звучания всего мотива в целом. И последнее полустилистическое, выделенное синтаксически, безапелляционно констатирует: «Голуби слепы».

Заметим, что и здесь в полемическую концепцию искусства, предложенную Т. Венцловой,

И. Бродский вписал свою: искусство – «вторая жизнь». Однако происхождение этой концепции, как и сам образный ряд, созданный Т. Венцловой, и кроме отмеченных случаев, возводимы к элегии И. Бродского. Движение морских волн у него служит метафоре жизни и смерти поэта, остров назван «сушей дней», местом настоящего времени, во второй части элегии встречаем строку «И туч плывут по небу корабли», у Т. Венцловы – «И во мгле облаков, над носом корабля...» (в переводе: «И в свалке туч над мачтою ковчега»). И. Бродский-переводчик не мог не заметить сходства, и многие его замены объяснимы приближением к исходному тексту – своему собственному.

А. Герасимова переводила с литовского стихи Г. Патацкаса, Г. Радаускаса, как литературовед исследовала творчество обэриутов, со второй половины 1980-х гг. известна также под псевдонимом Умка как автор и исполнитель песен, в 2012 г. вышла ее книга с провокационным названием «Стишки для детей и дураков». А. Герасимова являет собой полностью противоположное И. Бродскому отношение к поэтическому творчеству, к роли поэта. Ни тени серьезного отношения к слову, своему предназначению, наоборот, она стремится всеми возможными средствами избежать «серьеза» и высокого пафоса. Само слово «стишки», которое поэтесса сделала заглавным и на своем сайте, и на обложке своей книги, свидетельствует о показном пренебрежении к плодам творчества, но в то же время – о своеобразном пиетете перед истинной поэзией: «Я вообще-то не собиралась обнародовать эти тексты – как профессионалу, мне слишком хорошо известно, что такое стихи. В отличие от песен, моего главного занятия в последнее время, это другой жанр – стишки. Не более чем побочный продукт, реакция мозга на жизнь тела»².

В жизненном сценарии А. Герасимовой, полагает Н. В. Барковская, просматривается «детскость» [Барковская 2016: 501]: в 1990-х гг. поэтесса оставила все свои «серьезные» занятия, выступала с концертами, участвуя только в неформальной культурной жизни, заняла подчеркнуто аполитичную и асоциальную позицию. Себя А. Герасимова называет не поэтом, а переводчиком, «не только потому, что переводит на русский язык иноязычные произведения, но и потому, что “переводит” дискурс “высокого модернизма” на наш современный язык, не дает прерваться культурной традиции» [там же: 502]: «Я не поэт, я переводчик. / Я в куче запятых и точек / Чужие буквы ищу...». «Чужие буквы» в ее стихах – это обильные цитаты и реминисценции из других поэтов, как правило, это всем известные и потому легко узнаваемые стро-

ки: «Но авангарда век недолог», «Мне голос был: даю тебе карт-бланш», «У женщины-писателя бывает / Короткая, но длинная пора...» и др. «Дж. Г. Байрон, О. Манделштам, Н. Заболоцкий, А. Ахматова, Б. Пастернак, некоторые интонации В. Маяковского, М. Горький-романтик так или иначе присутствуют в ассоциативном поле книги, как и идущая от немецких романтиков антибуржуазность, ирония, демонстрирующая свободу от потребительского рынка, от города, в котором разыгрывается “восстание вещей, бесовестно дешевых” посреди “рака избытия”» [Барковская 2016: 504].

Стихотворения А. Герасимовой сравнительно коротки (четверостишия, двух- и трехкатренные композиции, встречаются стихотворения в 20 строк), их отличает простота языка, образности, синтаксиса, строфики, преимущественная точность рифмовки. В одном из стихотворений поэтессой сказано: «Короткое дыханье – мой конек. / Едва отчалила – уже хочу обратно...», и это своеобразная формула поэтического стиля автора. И как переводчик литовских поэтов прежде А. Герасимова имела дело с относительно небольшими текстами. Стихи Т. Венцловы не столько значительны по объему, сколько сама строка его стиха длиннее, устроена сложнее – прежде всего синтаксически, – чем у А. Герасимовой, Г. Патацкаса и Г. Радаускаса. Переводчица признавалась, что в начале работы испытывала сомнения именно в отношении длины текста, подлежащего переводу: справится ли она с таким «широким дыханием»? Однако книга «Metelinga» явилась несомненной удачей и поэта, и переводчика, получила ряд положительных отзывов, презентации, проходившие в разных городах России, Литвы, в Беларуси, показали, насколько велик интерес к поэзии и личности Т. Венцловы у современных читателей, а переводы А. Герасимовой, как она сообщила в предисловии, «обсуждались с автором, и публикуемые варианты получили его одобрение» [Герасимова 2017: 4].

В этих переводах заметно стремление к максимальной точности, достигаемой, однако, средствами не авторской поэтики, а идиостиля переводчицы. Тенденция к сокращению, упрощению, в противоположность стратегии И. Бродского, прослеживается в заменах развернутых метафор краткими и более конкретными: строки «Потускнели геометрические краски на плоскости», которые И. Бродский расцветил собственным олицетворением («геометрия продрогла»), А. Герасимова передает в полустилистике с помощью кратких прилагательных «...даль тускла, плоска»; строку «Включая электричество...», также расширенную И. Бродским введением дополнительной образности («...мощь выключаемого

света...»), А. Герасимова вкладывает в неполное предложение и сокращенную форму сложного слова: «Щелчок – проснется лампочка электро...». Некоторые слова лишаются в ее переводе эпитетов, обороты заменяются одним словом: «Тот же трамвай, поношенное пальто...» – «Пальто и шляпа не новей трамвая...»; «ритм» вместо дословного «приблизженный к снежному часу...», что, возможно, содержит скрытую отсылку к Б. Поплавскому³, получает образное определение «снежный»; лишается эпитета строка «Его взыскует логово волчицы» (в оригинале: «застывшее логово»); «черный Петербург» в стихотворении Т. Венцловы имел еще и определение «знакомый».

Пристрастие к цитатам – «чужим буковкам» – сказало и в переводе А. Герасимовой. Посвященное О. Манделштаму стихотворение включает строку, в которой перечислены трагические образы стихов и судьбы поэта: «Его зовет застывшее логово волчицы, / Сумасшедший дом, тюрьма и грязь, / Знакомый черный Петербург». И. Бродский усложняет и расширяет эти строки: «...Где зов волчицы переходит в общий / Конвойный вой умалишенных волчий, / В былую притчу во языцех – в отчий / Заочный и дослезный Петербург». А. Герасимова, как мы уже отметили, «вычеркивает» несколько эпитетов из этих строк, но вводит цитату из поэзии О. Манделштама: «Ему тюрьма, барак и психбольница», которая отсылает к первой строке стихотворения 1922 г. «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...». Цитаты из поэзии О. Манделштама, которые встречаются и в стихах А. Герасимовой, видоизменены подобным образом: в них сохранены ключевые слова, позволяющие безошибочно опознать источник (в данном случае редкое слово «арак», даже преобразованное в «барак», все равно напоминает о стихотворении О. Манделштама), или повторен характерный синтаксис (конструкция с дательным падежом и однородными дополнениями). В одном из стихотворений А. Герасимовой есть строчка «Ни кровящи, ни труса, ни хлипкой грязицы», которая так же безошибочно адресует нас к О. Манделштаму:

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязицы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе
[Манделштам 1994: 46].

В своем стихотворении А. Герасимова не только процитировала О. Манделштама, она написала свой текст в подобной модальности пожелания, позволяющей поэту высказать приемлемое / неприемлемое для себя, сформулировать позицию, не прибегая к дидактизму.

Лапидарная точность, скупость переводов А. Герасимовой не только засвидетельствовали наличие индивидуальных черт, составляющих стилистическое своеобразие творчества поэтессы и переводчицы, но в той сложной цепочке влияний и отголосков, в которой находятся тексты Т. Венцловы и И. Бродского, они выявили свойство, различающее их между собой: литовский поэт и в оригинале стремился к большей ясности в художественном освоении сложных вещей. «Сын трех литератур» и «продукт их слияния», как писал о нем И. Бродский, он «сплавил в своих стихах глубокий лиризм с интеллектуальной трезвостью, античную символику с северным пейзажем Балтики» [Полухина 1997: 265]. В перекрестье двух переводов, выполненных поэтами с такой несхожей творческой манерой, высветилась особенность стиля Т. Венцловы, его уравновешенная позиция: между сложной метафоричностью и простотой поэтического языка.

Примечания

¹ Используем подстрочный перевод стихотворения Т. Венцловы, выполненный А. Герасимовой и опубликованный в социальных сетях. *Герасимова А.* [Запись от 16 апреля 2015 г.]. URL: https://vk.com/wall14323754_14344 (дата обращения: 15.01.2018).

² Умка (Герасимова А.) [Персональный сайт]. URL: <http://www.umka.ru/liter/stishki.html> (дата обращения: 15.01.2018).

³ Книга Б. Поплавского «Снежный час» (1936) была выпущена друзьями уже после смерти поэта. Подобная аллюзия вполне возможна в стихотворении-эпитафии.

Список литературы

Азаренков А. Поэтика композиции «больших стихотворений» Иосифа Бродского: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2017. 220 с.

Барковская Н. В. Детские книги стихов: двойная адресация (М. Моравская, Умка, М. Яснгов) // Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси / Н. В. Барковская, У. Ю. Верина, Л. Д. Гутрина, В. Ю. Жибуль. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 496–513.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. II. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 440 с.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. III. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 312 с.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. IV. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 432 с.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Т. VI. СПб.: Пушкинский фонд, 2003. 456 с.

Венцлова Т. Развитие семантической поэтики // Полухина В. Бродский глазами современников: сб. интервью. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. С. 265–277.

Венцлова Т. Metelanga: Стихотворения и не только / пер. и сост. А. Герасимова. М.: Пробел-2000 – Umka-Press, 2017. 244 с.

Герасимова А. От составителя // Венцлова Т. Metelanga: Стихотворения и не только / пер. и сост. А. Герасимова. М.: Пробел-2000 – Umka-Press, 2017. С. 3–4.

Левин Ю. Д. К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность: сб. ст. Л.: Наука, 1981. С. 365–372.

Мандельштам О. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999. Т. 1. 366 с.

Мандельштам О. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. Т. 3. 527 с.

Полухина В. Бродский глазами современников: сб. интервью. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. 336 с.

Тонер П. М. [Анкета о критике перевода: ответы] // Теория и практика перевода: Респ. межведомств. науч. сб. Киев: Вища школа, 1988. С. 25–47.

Тонер П. М. Перевод и литература: творческая личность переводчика // Вопросы литературы. 1998. № 6. С. 178–199.

Liberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius: Mokslas, 2001. 951 p.

References

Azarenkov A. *Poetika kompozitsii “bol’shikh stikhotvorenyy” Iosifa Brodskogo.* Diss. kand. filol. nauk. [Poetics of the composition of “big poems” by Joseph Brodsky. Cand. philol. sci. diss.]. Smolensk, 2017. 220 p. (In Russ.)

Barkovskaya N. V. *Detskie knigi stikhov: dvoynaya adresatsiya* (M. Moravskaya, Umka, M. Yasnov) [Children’s books of poems: double addressing (M. Moravskaya, Umka, M. Yasnov)]. *Barkovskaya N. V., Verina U. Yu. Gutrina L. D., Zhibul’ V. Yu. Kniga stikhov kak fenomen kul’tury Rossii i Belarusi* [A book of poems as a culture phenomenon in Russia and Belarus]. Moscow, Ekaterinburg, Armchair Scientist Publ., 2016, pp. 496–513. (In Russ.)

Brodsky J. *Sochineniya Iosifa Brodskogo* [Works by Joseph Brodsky]. St. Petersburg, Pushkin Fund Publ., 2001, vol. 2. 440 p. (In Russ.)

Brodsky J. *Sochineniya Iosifa Brodskogo* [Works by Joseph Brodsky]. St. Petersburg, Pushkin Fund Publ., 2001, vol. 3. 312 p. (In Russ.)

Brodsky J. *Sochineniya Iosifa Brodskogo* [Works by Joseph Brodsky]. St. Petersburg, Pushkin Fund Publ., 2001, vol. 4. 432 p. (In Russ.)

Brodsky J. *Sochineniya Iosifa Brodskogo* [Works by Joseph Brodsky]. St. Petersburg, Pushkin Fund Publ., 2003, vol. 6. 456 p. (In Russ.)

Ventslova T. *Razvitie semanticheskoy poetiki* [The development of semantic poetics]. *Polukhina V. Brodskiy glazami sovremennikov: sb. interv’yū* [Brodsky through the eyes of his contempo-

raries: a collection of interviews]. St. Petersburg, Zhurnal "Zvezda", 1997, pp. 265–277. (In Russ.)

Ventslova T. *Metelinga: Stikhotvoreniya i ne tol'ko* [Metelinga: Poems and not only]. Transl. and comp. by A. Gerasimova. Moscow, Probel-2000 – Umka-Press, 2017, 244 p. (In Russ. and Lith.)

Gerasimova A. Ot sostavitelya [From the compiler]. Ventslova T. *Metelinga: Stikhotvoreniya i ne tol'ko* [Metelinga: Poems and not only]. Moscow, Probel-2000 – Umka-Press, 2017, pp. 3–4. (In Russ. and Lith.)

Levin Yu. D. K voprosu o perevodnoy mnozhestvennosti [On the issue of translated multiplicity]. *Klassicheskoe nasledie i sovremennost': sb. statey* [Classical heritage and modernity: a collection of articles]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 365–372. (In Russ.)

Mandelstam O. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Art-Business Center Publ., 1999, vol. 1. 366 p. (In Russ.)

Mandelstam O. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Art-Business Center Publ., 1999, vol. 3. 527 p. (In Russ.)

Polukhina V. *Brodskiy glazami sovremennikov: sb. interv'yu* [Brodsky through the eyes of his contemporaries: a collection of interviews]. St. Petersburg, "Zvezda" Journal Publ., 1997. 336 p. (In Russ.)

Toper P. M. Anketa o kritike perevoda: otvety [The questionnaire on translation criticism: answers]. *Teoriya i praktika perevoda: Resp. mezhdovedomstv. nauch. sb.* [Theory and practice of translation: Republican interdepartmental collection of scientific papers]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1988, pp. 25–47. (In Russ.)

Toper P. M. Perevod i literatura: tvorcheskaya lichnost' perevodchika [Translation and literature: the creative personality of an interpreter]. *Voprosy Literaturny*, 1998, issue 6, pp. 178–199. (In Russ.)

Liberis A. *Lithuanian-Russian dictionary*. Vilnius, Mokslas, 2001, 951 p. (In Russ. and Lith.)

TRACES OF ORIGINAL IDIOSTYLES IN POETIC TRANSLATIONS

(‘In Memory of the Poet. Variation’ by T. Venclova
in the Interpretation of J. Brodsky and A. Gerasimova)

Ulyana Yu. Verina

Associate Professor in the Department of Russian Literature
Belarusian State University

31, K. Marksa st., Minsk, 220030, Republic of Belarus. verina14@rambler.ru

SPIN-code: 5620-9548

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6015-7160>

ResearcherID: F-2666-2018

Submitted 14.03.2018

The article deals with translations of the poem by Tomas Venclova done by Josef Brodsky and Anna Gerasimova (Umka), who are representatives of different periods and styles. The poem *In Memory of the Poet. Variation*, dedicated to O. Mandelstam, continues the tradition of epitaphs on a poet and is genetically related to the elegy by J. Brodsky *Verses on the Death of T. S. Eliot*. Analysis of the target text, comparison with the Lithuanian original and Brodsky's verses of different years (*Minuet (Sketch)*, *Aqua vita nuova*, etc.) made it possible to discover which features characteristic of his own poems were used by J. Brodsky in the translation, what interpretation the images of the source text received, being supplemented by the metaphorical character of the “big poem” – Brodsky's genre form based on variations and repetitions, associative relations of motifs and images. The translation by A. Gerasimova is more precise, the poetic language is simplified. The translator reduced the number of expanded metaphors and epithets. The language of her own poems is also lapidary. They are mostly eight-verse, two- and three-quatrain compositions that are distinguished by the clarity of language, imagery, syntax, strophic form, accuracy of rhyme.

Josef Brodsky and Anna Gerasimova conveyed the poetological motif of the original in accordance with their own creative attitudes: the idea of the power of a word is emphasized by J. Brodsky, the rejection of the poet's high mission determines the poetics of the translation by A. Gerasimova. The text by Tomas Venclova in translation by two poets with different stylistic strategies found its middle position, balancing between semantic complexity and simplicity of the poetic language.

Key words: T. Venclova; J. Brodsky; A. Gerasimova (Umka); *In Memory of the Poet. Variation*; “big poem”; poetic translation.

УДК 81.373.23'37

doi 10.17072/2037-6681-2018-4-20-29

ТОПОИДЕОГРАММА: СУТЬ ПОНЯТИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Константин Александрович Гейн

старший преподаватель кафедры издательского дела

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19. kosgein@yandex.ru

SPIN-код: 1293-0302

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6753-5948>

ResearcherID: S-5615-2018

Статья поступила в редакцию 01.10.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гейн К. А. Топоидеогамма: суть понятия и возможности репрезентации в идеографическом словаре // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 20–29. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-20-29

Please cite this article in English as:

Gejn K. A. Topoideogramma: sut' ponyatiya i vozmozhnosti reprezentatsii v ideograficheskom slovare [Topoideogram: the Essence of the Concept and the Possibility of Its Representation in the Ideographic Dictionary]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 20–29. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-20-29 (In Russ.)

Уточняется понимание топоидеогаммы как разновидности идеогаммы имени собственного: в условиях дискуссии о семантике имени собственного ближайшей единицей понятийного уровня оказывается семантика основы исходного по отношению к нему апеллиатива. Такое понимание служит теоретической базой для разбиения топонимического материала в словаре: его реестровой единицей выбирается тематическое (идеографическое) поле топонимов. В статье рассматривается ряд приемов, используемых для корректной формулировки топоидеогаммы в случаях, когда топоним может быть потенциально соотнесен с несколькими апеллиативными основами.

Практическое воплощение интерпретации топоидеогаммы в результате лексикографической работы – топонимический идеографический словарь. Такой словарь – сравнительно новый ономастико-лексикографический жанр, позволяющий в силу не алфавитного, а тематического распределения материала взглянуть на смысловую, или, точнее, идейную сторону географических названий конкретного региона (материал статьи – микропонимы Вологодской области). Описаны необходимые условия создания топонимического идеографического словаря, сформулированы принципы лексикографического описания топонимов в идеографическом аспекте, приведены конкретные словарные статьи. Теоретическим результатом проведенной лексикографической работы становится представление о выборе номинирующим сознанием ряда денотативных сфер как актуальных, получивших репрезентацию в топонимии; раскрывается интерпретативный потенциал топонимического идеографического словаря: выделение специфических для микропонимии Вологодской области тематических, мотивационных, номинативных и количественных закономерностей, объяснение их языковой и экстралингвистической обусловленности. Материалы топонимической идеографии могут быть привлечены для исследований в области этнолингвистики и этнографии.

Ключевые слова: топонимия; топонимическая система; идеогамма; идеография; лексикография.

Идеограмма – вербализованное понятие, воплощенная в языке непосредственная единица содержания. Под топоидеогаммой подразумевается понятийное содержание производящего

апеллиатива независимо от причин его словопроизводственной связи с топонимом (подробнее см.: [Гейн 2014]). Признаки, присущие топообъектам, в языке первоначально воплощены в

идеограмме и, по существу, отражают смысловые запросы номинирующего сознания к языку (прежде всего к его лексическому составу) – идеограмма представляется ответом на такой запрос.

Лексикой, обслуживающую топоидеограммы, удобно разделить на предметную – например, «берёза» (покос *Берёзка*, поле *Берёзовое* и т. д.), «осина» (поле *Осиновик*), «синица» (покос *Синичьё*), «горб» ‘холм, бугор, гора’ [Мурзаев 1984: 153] (лес *Горб*); признаковую – например, «пологий» (покос *Пологий*), «сухой» (покос *Суханец*), «голодный» (поле *Голодная Гора*); акциональную, т. е. отражающую представления о действиях, производимых в связи с топообъектом, – например, «плакать» (покос *Плакущий Мыс* • *Там трава такая была, что плохо косить. Кто косил – плакали.*), «драть» (лес и покос *Дорища*) и дейктическую – например, «свой» (полоса леса *Свой Украек*), «наш» (лес *На Нашей Стороне*). Разумеется, словообразовательная деривация исходной лексемы несколько размывает границы между этими группами: так, предметная идеограмма «берёза» соотносится с одноименным семантическим типом, включающим топонимы с прилагательным *березовый*, но важно подчеркнуть, что этот признак – «отпредметный»: изначально в топонимы, содержащие прилагательные такого вида, вкладывалось отношение к предмету.

Идеографический словарь позволяет выявить означенное, обнаружить комплекс актуальных для номинирующего сознания денотативных сфер. Одной из наиболее заметных черт идеографических словарей (и, нужно подчеркнуть, выделяющих их из ряда словарей других типов) является их способность демонстрировать отношения смысловой близости, отражать существующие на понятийном уровне тематические общности, семантические типы лексем.

В отличие от идеографических описаний апеллятивной лексики (западноевропейской и русской), история которых насчитывает около двух тысяч лет (см., например, обзор истории идеографических словарей: [Морковкин 1970: 12–42]), ономастическая идеография достаточно молода. Одним из первых опытов региональных топоидеографических словарей является «Словарь топонимов Приенисейской Сибири» С. П. Васильевой [Васильева 2008]. Это не случайно: идеографические построения в зоне имен собственных затруднены отсутствием отчетливого и однозначного понимания онимической семантики.

Вследствие этого идеография на протяжении последнего полувека воспринималась как вспомогательный метод для решения частных задач, связанных с описанием, интерпретацией, этимо-

логией, семантической реконструкцией топонимов (см.: [Матвеев 1976; Фомин 1985; Овчар 1991; Жамсаранова 2005; Рут 2008; Васильева 2008; Кабинина 2011; Макарова 2013]).

Оптимальное определение идеограммы топонима подразумевает в первую очередь учет семантики исходной для топонима апеллятивной основы. Этого, однако, недостаточно, чтобы признать выбор идеограммы в ряде случаев корректным (некоторые вполне справедливые замечания по обнаружению топоидеограммы указаны К. П. Вольским: [Вольский 2015: 99–101]).

Прежде всего, нередки случаи, когда конкретный топоним потенциально соотнесен с несколькими апеллятивными и онимными основами, «претендующими» на статус производящих (например, название *Журавлиха* – болото в Верховажском районе Вологодской области – в отсутствие расширяющего топонимического контекста равновероятно соотносится с общенародным *журавль*, диал. *журавлиха* ‘клюква’ [СГРС, III: 386 – Влг: В-Важ], антропонимом *Журавлиха*). В этом случае необходим анализ соотносимых с конкретным топонимом основ: значительная часть из них многозначна, выбор нужного значения (с учетом диалектных, просторечных, жаргонных и т. п. условий функционирования апеллятивной лексемы и микрорегионального характера бытования онима) требует аккуратности в работе с топонимическим контекстом, отражающим в первую очередь условия и особенности функционирования имени собственного, которые схожи с условиями работы с именем собственным в целях однозначного установления тоposesемантики или мотивации. Е. Л. Березович выделяет пять факторов, на которые необходимо ориентироваться при экспликации мотивации топонимов, учет которых в значительной степени способствует и выявлению идеограмм:

- показания языкового сознания носителей тоposesистемы (при... определенной корректировке явных случаев народной этимологии);
- закономерности объектной соотнесенности названий;
- ареал распространения модели;
- данные тоposesемантики «контекста», т. е. названий смежных объектов, семантически или структурно соотнесенных с данным;
- семантика параллельных названий объекта [Березович 1998: 145–146].

Проиллюстрируем роль этих факторов в идеографическом исследовании топонимии.

Показания языкового сознания носителей тоposesистемы – важнейшая вспомогательная информация при установлении соотносимой с топонимом идеограммы: исследователь получает

информацию о понятии, опосредованном сознанием пользователя системы, лежащем в ассоциативном поле топонима и в конкретный момент соотносящемся с именем и с объектом одновременно. Например, относительно топонима *За Крестом* (поле в Верховажском районе Вологодской области) может быть произведено несколько гипотез об идеограмме «крест», положенной в его основу (идеограммы «крест¹» ‘перекресток’, «крест²» (геом.) ‘соответствующая конфигурация’, «крест³» ‘христианский символ’, «крест⁴» ‘основание суслона’ [СГРС, VI: 158 – Влг], ‘крестовина’). На наиболее вероятное соотнесение с идеограммой «крест³» в данном случае указывает сообщение о том, что «там часовенка была», сопровождающее топоним при сборе материала. Другой пример – топоним *Залужье* (название поля в том же районе), который в сознании носителей языка соотносится с *лужей*, а не с *лугом* (● *Думают, что это за лугом, а это за лужей. Лужа была там*).

При интерпретации **топонимов определенно-го типа** (например, гидронимов, или ойконимов, или названий сельхозугодий) каждый раз мы имеем дело с отдельным корпусом понятий, релевантным конкретному типу географических объектов: см. например, макрокомплексы понятий, характерных для формирования лимнонимического пласта топонимии, в работе: [Макарова 2013]: а) положение в пространстве, б) размер и конфигурация, в) свойства воды, г) ландшафт, д) флора, е) фауна, ж) культура, з) человек, и) хозяйство. Очевидно, что при составлении списка релевантных другому типу объектов (например, покосам) понятийных сфер какие-то комплексы (такие, как свойства воды) уйдут на второй план, а какие-то проявятся – например, актуальный для практико-хозяйственной деятельности объект на территории сельскохозяйственного угодья.

Ареал распространения идеографической модели восходит напрямую к принципу территориальности топонимического исследования. В конкретной местности складывается стереотип, традиция обращения к определенному понятийному фонду, специфичному для отдельного микрорегиона. Можно утверждать, что идеографическая сетка топонимии конкретной территории уникальна и строго дифференцирована с подобными сетками других территорий.

Метонимический перенос названия с одного объекта на другой, соположенный с первым, – мощный стимул номинации, который может проявить понятие в основе топонима, равно как и учет существования **семантических топосистем**, подробно описанных в статье: [Березович 1998].

Для иллюстрации значимости учета семантики параллельных названий объекта воспроизведем пример из этой статьи Е. Л. Березович: гидроним *Золотая Речка* имеет параллель *Дарица* (Вилегодский район Архангельской области), что позволяет выявить идеограмму «золото» ‘ценность как источника’, лежащую в ментальной плоскости между сознанием пользователей системы и собственно словом.

Наконец, нередко встречаются топонимы с неясной понятийной связью объекта и лексемы, не подлежащей однозначному установлению.

Немаловажен учет словообразовательного критерия: случаи, когда словообразовательная история конкретного топонима затрудняет поиск исходной основы, также нередки. Например, название покоса *Кочковатик*, которое фиксируется в Кирилловском районе Вологодской области, соотносимо с лексемой *кочка* и с севернорусским *кочковатик* ‘кочковатое место’ [СГРС, V: 104]. Однако структурная близость топонима *Кочковатик* названиям многочисленных микрообъектов: *Березоватик*, *Кругловатик*, *Кустоватик*, *Листоватик*, *Мостоватик*, *Ольховатик* – и даже субстратный топоним финно-угорского происхождения *Пиховатик* позволяют говорить о собственной топонимической словообразовательной модели, включающей топооснову с предметным значением и аффикс *-оватик*, что сообщает о более вероятной соотнесенности топонима *Кочковатик* с апеллятивом *кочка*, чем с диалектным *кочковатик*. Топонимические форманты и их специфическая семантика имеют в ряде случаев огромное значение для дифференциации идеограмм (см. описание многозначного аффикса *-иц-*, распространенного в вологодской микротопонимии: [Гейн 2017: 150]), для дальнейшей интеграции топонимов в идеографические ряды: [там же: 151], наконец, собственно для формулировки отдельных идеограмм: [там же].

Отношение производящей основы и топонима определяет его место в общей классификации, которая имеет сходство с семантической типологией, однако не является таковой в чистом виде. Семантическая типология в топонимии – это классификация лексических единиц, положенных в основу номинаций, а идеографическая классификация – это классификация понятий, которые заложены в основах производящих апеллятивов. Основной организующий принцип такого словаря – тематический, а словарный конструкт – тематическая (лексико-семантическая) группа топонимов.

Представление идеографического распределения топонимов дает возможность выявить парадигматические (типологические) отношения элементов топоидеографии и установить акту-

альные понятийные группы как инструменты номинирующего сознания. Значимость идеографического словаря топонимов определяется в первую очередь тем, что он является инструментом фиксации и демонстрации соотношения топонимов с номинируемыми ими объектами в аспекте их понятийной обусловленности, открывает возможность типологии на этом уровне. Кроме того, материалы словаря данного типа являются базой для сопоставительного анализа, во-первых, разных идеографических групп топонимов, во-вторых, топонимов разных территорий, в-третьих, разноязычных топонимических подсистем. Не меньшим потенциалом обладает идеографический топонимический словарь и для экспликации широкого спектра этнокультурных данных, причем не только в отношении народа – современного пользователя топонимической системы, но и относительно других этносов, состоящих в ситуации социальных или вторичных по отношению к социальным языковым контактам с преобладающим на территории функционирования топонимической системой народом. Функциональная задача данного словаря – охват всего тезауруса, инвентаря микропонимии региона (микрорегиона).

Остановимся на принципах составления и конечной организации словарной статьи топонимического идеографического словаря.

Структура словаря и идеографическая сетка. Общая последовательность расположения материала в словаре соответствует следующей схеме:

I. Природа

- 1.1. Растительный мир (флора)
 - 1.1.1. Лес
- 1.2. Животный мир (фауна)
- 1.3. Особенности земной поверхности
 - 1.3.1. Рельеф
 - 1.3.2. Почва

II. Человек

- 2.1. Человек как биологическое существо
 - 2.1.1. Части тела
 - 2.1.2. Возраст
 - 2.1.3. Пол
 - 2.1.4. Родственные отношения
 - 2.1.5. Физиологические состояния
 - 2.1.6. Чувства, эмоции
- 2.2. Труд
 - 2.2.1. Сельское хозяйство
 - 2.2.1.1. Возделывание земли
 - 2.2.1.1.1. Расчистка земли
 - 2.2.1.2. Выращивание культур
 - 2.2.1.3. Сенокос
 - 2.2.1.4. Животноводство
 - 2.2.2. Время использования
- 2.3. Быт
 - 2.3.1. Дом, придомовое хозяйство
 - 2.3.1.1. Постройки, сооружения

2.3.2. Еда

2.3.3. Одежда и обувь

2.4. Культура

2.4.1. Социальные отношения

2.4.1.1. Социальный статус

2.4.1.1.1. Дворянин

2.4.1.1.2. Чиновник

2.4.1.1.3. Представитель социальной группы

2.4.1.2. Экономические отношения

2.4.1.3. Внутрисоциумные отношения

2.4.2. Религия

2.4.2.1. Христианская религия и суеверия

2.4.2.2. Церковь как религиозный институт

III. Свойства объекта

3.1. Перцептивная характеристика объекта

3.1.1. Цвет

3.1.2. Форма

3.1.3. Размер

3.1.4. Звук, звучать

3.2. Временная характеристика объекта

3.3. Оценка

3.3.1. Позитивная оценка

3.3.2. Негативная оценка

IV. Пространство

4.1. Вне соотношенности с другими объектами

4.1.1. Низкий – высокий

4.1.2. Ближний – дальний

4.1.3. Левый – правый

4.1.4. Стороны света

4.2. Соотношенность с другими объектами, не эксплицированными в названии

4.2.1. Последний в ряду

4.2.2. Находящийся внутри

4.2.3. Расположение объектов в ряд

4.3. Расположение объекта относительно другого эксплицированного объекта

4.3.1. Ниже объекта

4.3.2. Где-ориентированные топонимы

4.3.3. Куда-ориентированные топонимы

Словарная статья включает идеограмму и микропонимы, ее репрезентирующие (тематический блок). Порядок следования блоков в словаре определяется выводимой дедуктивно структурой (см. выше идеографическую сетку); на одном семантико-логическом уровне – по убыванию частотности репрезентантов. При работе с микропонимическим материалом не учитываются топонимы, производные от антропонимов, названий производственных и коммерческих объектов, социальных объединений (колхозов), так как они не представляют собой источник сведений о связи географического объекта с идеограммой, однако в ряде случаев указание на

возможную метонимическую вторичность она дается с помощью знака *.

Этимологическая или мотивационная информация может приводиться в целях прояснения семантики топонима и подтверждения его места в идеографической классификации. Мотивация топонима может иллюстрироваться зафиксированным в полевых условиях мотивировочным контекстом, он подается после знака ●.

Порядок расположения подзаголовочных единиц в словаре отражает убывание степени отражения заголовочной идеограммы в топониме. Формально это отражено в словаре в учете степени словообразовательного осложнения основы, репрезентирующей идеограмму: топонимы расположены от названия с наименьшей степенью словообразовательного осложнения исходной основы к лексеме с наибольшей степенью такого осложнения; каждая следующая ступень словообразовательной производности помещается со сдвигом вправо, таким образом формируется порядок, при котором внутреннюю организацию словарной статьи задают непосредственные словообразовательные дериваты исходного апеллятива (идеограммы).

Графическое оформление лексикографического материала: полужирным шрифтом выделяются заголовочная единица, подзаголовочные единицы (словообразовательные дериваты первой ступени от лексемы – репрезентанта идеограммы). Фонетические и грамматические варианты разделены знаком //. Топонимы-омонимы (т. е. одинаковые топонимы, обозначающие разные объекты) подаются в словаре с числовыми индексами, причем индексы ставятся даже в случаях частичной омонимии, когда топоним варьирует и омонимом является только один из таких грамматико-фонетических вариантов:

Подберёзье¹ (пок.₁ – Вашк, пок.₂ – Тот), **Подберёзье²** // **Подберёзьё** // **Подберёзье** (пок. – Вашк).

Географические сведения, приводимые в словаре, – указание типа объекта и района бытования она – подаются в соответствии с принятыми сокращениями. Нижние индексы, сопровождающие информацию о типе географического объекта, различают неоднократную одинаковую номинацию однотипных объектов:

Берёзовка (р._{1,2}, пок.₁ – Влгд, р.₃₋₆, пок._{2,3} – Вож, р.₇₋₁₁, пок._{4,5} – В-Уст, р.₁₂₋₁₆, руч._{1,2} – Гряз, пок.₆ – Кад, р.₁₇₋₂₀, пок.₇ – Кир, пок.₈ – Баб, р.₂₁, бол. – Бабуш, мыс – Вашк, пок.₉₋₁₂, р.₂₂₋₂₅ – В-Важ, пок.₁₃₋₁₅, р._{26,27} – Нюкс, пок._{16,17}, р.₂₈₋₃₃, руч.₃₋₈, ур. – Сок, пок.₁₈, поле₁, р.₃₄₋₄₁ – Сямж, пок._{19,20} – Тарн, пок.₂₁ – Тот, р.₄₂₋₄₆, руч._{9,10} – У-Куб, лес, поле₂ – Чаг, р._{47,48}, пок.₂₂ – М-Реч).

Пример словарной статьи, отражающей вышеизложенные принципы:

1.1. Растительный мир: флора

Берёза (602 топонима, публикуется с некоторыми сокращениями)

Берёза (тоня₁ – Влгд, тоня₂ – Кир, бол. – Вашк), Берёзы (ур. – Влгд), Под Берёзу (тоня – Вашк), Над Берёзой (тоня – У-Куб), Под Берёзой (поле – В-Важ, пок. – Нюкс, пожня – Чаг), Под Берёзами (пожня – В-Важ), У Берёзы (поле – Бабуш), Бёлая Берёза (пок. – Бел), Косая Берёза (пок., ур. – Бел), Кривая Берёза (луга – Бел, ур. – В-Важ), Под Кривой Берёзой (бол. – Вашк), У Кривой Берёзы (пок. – Вашк), Опалённая Берёза (пок. – Вашк), У Погроматной Берёзы (пок. – Череп) Сухая Берёза (поле – Вашк), У Сухой Берёзы (пок. – Вашк), Три Берёзы (пок. – Вашк), У Трёх Берёз (поляна – Вашк), Три Берёзки (ур. – Сок), Под Берёзами Загумёница (поле – В-Важ), Черноберёз (пок. – В-Важ). Подберёзы (пок. – Сямж).

Берёзка (поляна – Баб, р. – Нюкс), Берёзки (гряда – Кир, лес_{1,2} – Тарн, пок._{1,2} – Хар), Берёзки (лес_{1,2} – Тарн, пожня – Тот), Берёзино Болото (бол. – Влгд), Под Берёзкой (пожня – Бабуш, поле – Нюкс), Под Берёзку (место на р. – В-Важ), У Берёзки (поле – Вашк), У Баские Берёзки // У Баския Берёзки (поле – Тарн), **Подберёзки** (поле, ур. – Хар).

Берёзкина (тоня – Вашк), Берёзкина (ур. – Вашк).

Берёзово (бол.* – Сок).

Берёзки (пок. – Хар).

Берёзок (пожня – Тот).

Берёзье (дорога* – Чаг).

Заберёзье // Заберёзьё' (ур – Чаг).

Подберёзье¹ (пок.₁ – Вашк, пок.₂ – Тот), **Подберёзье²** // **Подберёзьё** // **Подберёзье** (пок. – Вашк), **Подберёзья** (пок. – В-Важ), **Над Подберёзьем Нива** (поле – В-Важ), **Подберёзья** (пожня – Тот).

Берёзное (поле₁ – Влгд, поле₂ – Тарн).

Берёзина (лес₁, пок._{1,2}, ур. – Кад, бол, лес₂, пок.₃ – Бел, пок.₄, поле – Череп), Берёзина (пок. – Кад), Берёзино (пок._{1,2}, лес₁, бол.₁ – Кад, пок.₃, поле – Баб, лес₂ – Бел, бол.₂ – Сок, пок.₄ – Шексн), За Берёзино (бол. – Шексн), Берёзины (бол., пок. – Кад), Берёзина Нива (поле – Кад).

Берёзинское // Берёзенско (оз. – Вож), Берёзинское (Болото) (бол. – Сямж), Берёзинская (г. – Выт, пок. – Бел), Берёзинский Зимник (дорога – Баб).

Берёзник (бол.₁ – Влгд, пок.₁ – Вож, ур. – В-Уст, оз.₁, мыс – Выт, лес₁, луг, пастб, пок._{2,3}, руч. – Кир, лес_{2,5}, место, оз.₂, пожня₁, поле₁, ур.₁ – Бел, лес₆, место в лесу, пок.₄₋₁₀, поле₂, ур.₂ – Вашк, пок.₁₁, бол.₂ – В-Важ, лес₇ – Сок, пок.₁₂, ур.₃ – Сямж, бол.₃, пок._{13,14} – У-Куб, лес₈, пок.₁₅₋₁₈, поле_{3,5} – Хар, пожня₂ – Чаг, пок.₁₉ – Череп), Берёзник (лес, пок.₁, поле – Гряз, г. – Кир, пок.₂ – Хар), Берёзники (бол.₁ – Влгд, пок._{1,2}, лес₁, пастб₁ – Вож., пок.₃, лес_{2,3}, поле₁, ур.₁, мельница – В-Уст, пастб₂, поле₂ – Гряз, пожня, поле_{3,5}, ур.₂ – Кир, перекоп – Баб, лес₄, пок._{4,6} – Бабуш, лес_{5,6}, поле₆, ур., – Бел, пок.₇ – Вашк, пок.₈ – В-Важ, поле₇ – Нюкс, пок.₉ – Хар, бол.₂ – Шексн, пок.₁₀ – М-Реч), На Берёзники (пок. – Хар), Берёзники (пок., поле – Нюкс), <...>

Березнинское (бол., оз – Бел).

Березницкое (оз. – В-Уст.).

Березниковское // Березниковское (бол. – Кир), Березниковская Мельница (мельница – В-Уст), Березниковское Болото (бол. – Влгд), Березникозеро (оз. – Выт).

Березничек (лес, пастб. – Бел), Березнички (пок. – М-Реч).

Березничий Лѳм (пок. – Шексн).

Заберезник (пок. – Сямж).

Подберезник (пок. – Бабуш, поле – В-Важ, бол. – Хар), Подберезники (пок., пожня – Бабуш), Подберезник (ур. – Нюкс).

Подберезница (поле – Нюкс), Большая Подберезница (поле – Нюкс), Малая Подберезница (поле – Нюкс).

Березни (ур. – Сямж).

Березовый:

Березовый¹ (руч._{1,2} – Кад, мыс₁, о-в₁, пок.₁, руч._{3,4} – Кир, руч.₅ – Бабуш, о-в_{2,3} – Бел, мыс₂, руч.₆ – Вашк, пок._{2,3}, ур. – У-Куб), Березовый² // Березовый Остров (о-в леса на бол.), Березовый³ (Ручей) (руч._{1,3} – Вож), Березовой (пок.₁ – Кир, пок.₂ – Бабуш), Березов¹ (руч. – Кир, о-в – Бел), Березов² (Мыс) (мыс – Кир), Березов² (Ручей) (руч. – Кад), Березов Остров (о-в₁ – Кир, о-в₂, лес – Чаг), Березов Островок (ягодное место в лесу – Кир), <...>

Березовая¹ (лес, пок._{1,2}, пожня, лес, ур._{1,2}, л/уч. – Баб, пок.₃ – Бел, р. – Вашк, тоня – Влгд, г. – Гряз, пок.₄ – Тот) // Березовая² (Грядá) (каменная гряда – У-Куб), Березова(я) (пок. – Нюкс), Березова (р.₁ – В-Важ, р.₂ – Нюкс), Березова Становуха (лес – Чаг), Березова(я) Грива (возвышенность, поляна – Вож, лес₁ – Баб, лес₂ – Чаг), Березова Вельга (пок. – Баб), Березова(я) Голова (бол, мыс, пок. – У-Куб), За Березова Голову (бол. – У-Куб), Березовая Горюшка (пок. – У-Куб), Березовая Заводь (пок. – Бел), Березова(я) Курья (р., место на р. – Сок), Березова Лáхта (пок. – Тарн), Березовая Ляга (бол. – Кад), <...>

Березовое (пок.₁, ур. – Баб, бол._{1,3}, пок.₂ – Влгд, бол.₄ – Вож, оз. – Кад, пок._{3,4} – Кир, поле₁ – Тарн, поле₂ – Тот, лес, пок.₅ – У-Куб, бол.₅ – Хар), Березово¹ (залив – Влгд, бол.₁, лес₁, пок._{1,2} – Кир, бол._{2,3} – Бабуш, о-в – Бел, лес₂, пок._{3,5} – В-Важ, пок.₆, ур. – Нюкс, бол.₄, пок.₇, пожня₁ – Сок, лес₃, пок._{8,9} – Тарн, поле – Тот, пожня₂ – У-Куб), Березово²(е) (Болото) (бол. – Вашк, бол._{2,3} – В-Важ), Березово³ // Березовский Перекáт (место на р. – В-Уст), Березово⁴(е) (тоня – Влгд, пок. – Бабуш), Березово Болото (пок. – Кир), Березовое Поле (пок. – Влгд).

Подберезовое (поле – Тот), Подберезово (лог – В-Важ).

Березоватик¹ (луг, пок.₁ – В-Важ, пок.₂ – Сямж, пок.₃ – Тот, сенокос – М-Реч), Березоватик² // Березоватики (пок. – Бабуш).

Березовец (р.₁ – В-Уст., пок.₁, поле, ур.₁ – Выт, о-в₁, пок.₂ – Кир, бол., мыс, о-в₂ – Бел, пок.₂ – В-Важ, р._{2,3} – Тарн, о-в₃, пок.₃, ур.₂ – У-Куб), Березовцы (пок. – В-Важ), Березовец (г. – У-Куб).

Березовиц (пок.₁ – Вож, пок.₂ – У-Куб).

Березовица (р.₁ – Вож, пок.₁ – Гряз, пок.₂, пожня, р.₂ – Бабуш, г., пок._{3,5}, поле₁, р.₃ – В-Важ, поле₂, р.₄

– Нюкс, поле₃ – Тарн, пок.₆ – Тот), Березовица (р. – Тот), На Березовице (пок. – В-Важ), Захаренкова Березовица (пожня – Тот), Пányшина Березовица (пожня – Тот).

Березовитица (р. – Вож).

Березовик¹ (место на р., поле – Кад, дорога, пок.₁ – Баб, пожня – Бабуш, пок.₂ – Бел, пок.₃ – Хар, р. – Шексн), Березовик² // Березовик (руч. – Кад), Березовики (поле – Вож, пок. – Бабуш, пок. – В-Важ), Гáрькин Березовик (пок. – Бабуш).

Березовички (оз. – В-Важ).

Подберезовик (пок. – В-Важ).

Березовка (р. _{1,2}, пок.₁ – Влгд, р.₃₋₆, пок._{2,3} – Вож, р.₇₋₁₁, пок._{4,5} – В-Уст, р.₁₂₋₁₆, руч._{1,2} – Гряз, пок.₆ – Кад, р.₁₇₋₂₀, пок.₇ – Кир, пок.₈ – Баб, р.₂₁, бол. – Бабуш, мыс – Вашк, пок.₉₋₁₂, р.₂₂₋₂₅ – В-Важ, пок.₁₃₋₁₅, р._{26,27} – Нюкс, пок._{16,17}, р.₂₈₋₃₃, руч.₃₋₈, ур. – Сок, пок.₁₈, поле₁, р.₃₄₋₄₁ – Сямж, пок._{19,20} – Тарн, пок.₂₁ – Тот, р.₄₂₋₄₆, руч._{9,10} – У-Куб, лес, поле₂ – Чаг, р._{47,48}, пок.₂₂ – М-Реч).

Березовский (пок.₁, руч.₁ – Кад, руч.₂₋₆ – Кир, лес – Бабуш, пок.₂, поле – В-Важ, руч.₇ – Нюкс), Березовский Бор (лес – Вашк), Березовский Ручей (руч.₁, пок. – Вож, руч.₂ – Кад, руч.₃ – Кир., руч.₄ – В-Важ), Березовский Ручей (руч. – Нюкс), На Березовских Нива (поле – В-Важ), Березовская (пожня – Выт, ур. – Кад, залив – Бел, пок. – В-Важ), Березовская Выгорода (лес – Гряз.), Березовская Дорога (дорога – В-Важ), Березовская Заводь (залив – Кад), Березовская Полянка (поле – В-Важ), Березовская Рёлка (поле – Нюкс), Березовская Яма (яма – Баб), Березовское¹ (поле₁ – Вож, поле₂ – В-Уст, бол.₁, оз.₁, пок.₁ – Кир, оз.₂ – Бел, бол._{2,3} – Вашк, пок.₂ – В-Важ, место на р. – Сямж, бол.₄ – Тарн, бол.₄ – У-Куб), Березовское² (Болото) (бол.₁ – Выт, бол.₂ – В-Важ), Березочко < Березовское³ (пок. – В-Важ), Березовское (бол. – Тарн), <...>

Подберезовское (пок. – В-Важ).

Березу́га (пок._{1,2}, поле – Баб, пок.₃ – Чаг, пок.₄ – Череп), Березу́ги (ур. – Кад, пок.* – Шексн).

Березняк (пок.₁ – Кад, пок.₂ – Череп), Березняки (пок.₁ – Влгд, пок.₂ – Кир), Березняки (пок. – Выт), Березняки (пок.₁ – Тот, пок.₂, р. – Хар, пок.₃ – М-Реч), Большие Березняки (пок. – Нюкс).

Пример словарного воплощения идеограммы акционального содержания:

3.1.4. Звук, звучать (143 топонима, публикуется с некоторыми сокращениями)

3.1.4.1. Издавать звук, не воспринимающийся как звук живого существа.

3.1.4.1.1. **Брякать**

Брякун (руч.₁ – Устюж, руч.₂ – Кад).

3.1.4.1.2. **Бухать** ‘издавать глухой, гулкий звук’

Бухало (руч.₁ – Межд, руч.₂ – Хар), Бухалá (место на р. – Тот).

Бухунья (руч. – Хар).

Буховка (р. – У-Куб).

3.1.4.1.3. **Греметь**

Греметь (р._{1,2} – В-Уст) • *Гремит течет.*

- Гременное** (бол. – Вож).
Гременчуха (р. – Сок).
Гремиха (руч.₁ – Бел, пок., р.₁,
руч.₂ – Кир, р.₂ – Тот, р.₃ – Череп),
Гремихи (пок.* – Тот).
Гремишка (руч., пок. – Сямж), <...>
Гремичка (ур. – Чаг).
Гремечево (лес – Сок, пожня –
Тот), Гремячево (руч.₁ – В-Уст,
руч.₂ – Нюкс), <...>
Гремуша (р. – У-Куб) • *Рыбаков*
там сильный гром застал, ...
и назвали Гремуша.
Гремышка (руч. – Влгд).
Гремучий (руч. – Вож), Гремучее
(бол. – Хар).
Гремячий (руч.₁ – В-Важ, руч.₂ –
Нюкс), Гремячее (руч.₁ – В-Уст,
руч.₂ – Нюкс, бол. – У-Куб), Гремечая
(пашня – Тарн), Гремячье
(р. – Тарн), Гремечий (руч. – Тот),
Гремеча¹ (р._{1,2}, пок.₁, лес – В-Уст,
пок.₂ – Нюкс), Гремеча² (р. –
В-Уст), Гремечее (поле – В-Уст),
Гремечье (пок. – Вож), Гремячий
(руч.₁ – В-Уст, руч.₂ – Нюкс, руч.₃
– Устюж.), <...>
Гремечка (р. – Хар).
Гремечанка (р. – В-Уст).
Гремечевской Ручей (руч. –
В-Уст).
Гремячинский (руч. – В-Уст),
Гремячинское (бол. – Нюкс).
Гремяк (руч. – Межд), Гремяки
(руч. – Межд).
Гремун (руч., поле* – Кад).
Гремушка (пок. – Хар).
- 3.1.4.1.3. **Звенеть**
Звенечий (руч. – В-Важ), Звенечье
(пок. – Хар).
Звенечкой (руч. – В-Важ), Зве-
нечкое (пок. – Вож).
Звенигород (руч. – Нюкс). [По
всей видимости, актуальное **Зве-
неть** ассоциативно расширено до
прецедентного Звенигород]
Звенянка (р. – Сямж), Звенянки
(пастб.* – Сямж).
- 3.1.4.1.4. **Звонить**
Звонилово (бол., пок.* – У-Куб),
Звоновка (р. – У-Куб).
- 3.1.4.1.5. **Шуметь**
Шум (место на р. – Влгд • *Всё вре-
мя шумит*, пок. – Вож, бол. – Чаг).
Шумец (р. – Влгд).
Шумило (руч. – Межд).
Шумиха (руч.₁ – Бел, руч.₂ – Гряз,
руч.₃ – Кир, пок._{1,2} – Вож, пожня –
В-Уст, поле₁ – Сямж, поле₂ – Хар),
<...>
Шумишка (р. – Вож).
Шумичанка (пок. – Влгд).
- Шумечий** (руч.₁ – Бел, руч.₂ –
Вашк), <...>
Шумечка (пок. – Кир).
Шумечева // Шумечево (р. –
Сок).
Шумной Брод (место на р. –
В-Уст), Шумная Канава (руч. –
Вашк).
Шумлево (оз. – Тарн).
- 3.1.4.2. Издавать звук, воспринимающийся как
звук живого существа.
- 3.1.4.2.1. Издавать звук подобно человеку:
- 3.1.4.2.1.1. **Болтать** ‘говорить на отвлечен-
ные темы или бессодержательно’
Болтун (руч.₁ – Бел, руч.₂ –
Устюж, гряды, пожня – Кир),
Болтунья (р., пок.* – Тарн).
Болтуниха (пок. – Хар).
Болтуха (р. – В-Уст), Болтун-
ский Бор (лес – Кад).
- 3.1.4.2.1.2. **Бурчать**
Бурчанка (р. – Хар).
Буркун // Боркун¹ (руч.₁ – Бел,
руч.₂ – Череп), Боркун² (пожня –
Тарн).
Боркунья (пок. – Сок).
Боркунский (руч. – Череп).
Борчиха (пок., р. – Влгд).
Бурчушка (руч. – Устюж).
- 3.1.4.2.1.3. **Брюзжать**
Брюзгун (руч. – Нюкс).
- 3.1.4.2.1.4. **Брехать**
Бреховня (р. – Влгд), Брех (поле
– Сок).
- 3.1.4.2.1.5. **Реветь**
Ревун (низина – Вож).
Ревунья (бол. – Вож).
- 3.1.4.2.2. **Пищать**
Пискунок (руч. – Бел.), Пискун (бол.
• *Идешь, и земля пищит* – Сок).
- 3.1.4.2.3. **Ворковать**
Воркуша (руч. – Кир), Воркун (бол.
• *Воркует болото, газы там* – Сок).
- 3.1.4.2.4. **Рычать**
Рыкун (руч. – Устюж).
Рыкуля (руч. – Хар, р. – Вож), <...>
Рыкуши (пок. – Хар).
Рыкушка (руч. – Хар).

При достаточной полноте микропонимиче-
ского материала, представленного в идеографи-
ческом разбиении, в необходимой мере обеспе-
чиваются условия для изучения понятийной ос-
новы микропонимического фонда определен-
ной территории. Исходя из принципа territori-
альной специфичности ономастической идео-
графии наполнение сетки для каждой отдельной
микротерритории сугубо индивидуально; кон-
кретные идеографические модели обретают ло-
кальный характер, открывающий перспективы

ареально-идеографического исследования. По данным этого исследования, ареалы для конечных (с наиболее частным значением) групп идеографической классификации весьма четко очерчены. Приведем самые яркие примеры:

– «**рычащие**» топонимы – в основном идеографическая модель небольшой территории на севере Вологодской области (Харовский и Вожегодский районы) – 6 названий (и лишь одно название фиксируется на остальной территории Вологодской области);

– здесь же, но с более широким ареалом – в четырех граничащих друг с другом районах (Харовском, Вожегодском, Сямженском, Верховажском) – встречаются «**звенящие**» топонимы – 6 названий, 1 название вне указанного ареала;

– идеограмма «**болтать**» характерна топонимии юго-западной части Вологодской области – из 9 названий только одно находится на северо-востоке области (Великоустюгский район), остальные восемь сосредоточены в Белозерском, Кадуйском, Устюженском, Кирилловском районах.

Помимо этого, существуют повсеместно или достаточно широко распространенные идеографические модели:

– «**грометь**» (63 топонима): названия этой идеографической группы представлены в 18 из 26 районов; в этом случае, на наш взгляд, показателен локальный характер их отсутствия на периферии региона, в то время как при движении к центру региона «мощность» этой модели возрастает. Топонимы этой идеографической группы отсутствуют в Вытегорском, Бабаевском, Вашкинском районах – на северо-западе области, в Шекснинском, Грязовецком районах – на юге области, в Бабушкинском, Никольском и Кичменгско-Городецком районах – на юго-востоке области);

– «**шуметь**» (28 топонимов): топонимы представлены в 15 районах центральной, юго-западной и северо-восточной частей региона. Показательное отсутствие – на северо-западе (Бабаевский, Вытегорский районы), юго-востоке области (Бабушкинский, Никольский, Кичменгско-Городецкий районы).

Сюда же может быть отнесена рассмотренная в данной статье идеограмма «**береза**» (602 топонима).

Кроме того, в идеографическом топонимическом словаре могут быть выявлены специфические для микротопонимии Вологодской области номинативные и количественные закономерности, объяснена их языковая и экстралингвистическая обусловленность. В частности, немалова-

жен учет соотношенности наполнения идеографических групп и типологии географических объектов в свете рассмотрения идеографического словаря как генеративного тезауруса: между типами географических объектов и идеографическим распределением в топонимии есть связь. Например, название *Берёзовка* в большей степени характерно рекам и ручьям (на территории Вологодской области насчитывается 48 рек (63,15 % всех топонимов с таким названием) и 10 ручьев (13,15 %) *Берёзовка*, что отражено в соответствующих зонах словарной статьи), в меньшей степени – покосам (22 названия – 28,94 %), таких названий остальных типов географических объектов всего 6 (7,89 % – два названия полей и по одному – мыса, болота, урочища, леса). Названия идеографической группы «**издавать звук**» характерны, прежде всего, ручьям – 58 таких названий фиксируется на территории Вологодской области (40,27 % общего количества).

Идеографический топонимический словарь может служить опорой для этнолингвистических исследований, где топонимия понимается как носитель этнокультурной информации, а идеография служит одной из методик ее экспликации.

Список используемых сокращений

а) в типах географических объектов: бол. – болото, г. – гора, место на р. – место на реке, о-в – остров, оз. – озеро, пастб. – пастбище, пок. – покос, р. – река, руч. – ручей, ур. – урочище.

б) в названиях районов Вологодской области: Бабуш. – Бабушкинский, Баб. – Бабаевский, Бел. – Белозерский, Ваш. – Вашкинский, В-Важ. – Верховажский, Влгд. – Вологодский, Вож. – Вожегодский, В-Уст. – Великоустюгский, Выт. – Вытегорский, Гряз. – Грязовецкий, Кад. – Кадуйский, Кир. – Кирилловский, Межд. – Междуреченский, Нюкс. – Нюксенский, Сямж. – Сямженский, Тарн. – Тарногский, Тот. – Тотемский, У-Куб. – Усть-Кубинский, Устюж. – Устюженский, Хар. – Харовский, Чаг. – Чагодощенский, Череп. – Череповецкий, Шексн. – Шекснинский.

Список литературы

Березович Е. Л. Семантическая типология русских топонимов: проблемы, возможности, перспективы // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998. С. 129–148.

Васильева С. П. Идеографический словарь топонимов Приенисейской Сибири. Красноярск, 2008. 180 с.

Вольский К. П. О структуре топонимических словарей по идеографическому принципу // Национальная ассоциация ученых. Вып. 10(16). М.: ООО «Евразийское научное содружество», 2015. С. 97–101.

Гейн К. А. О некоторых проблемах идеографического описания топонимии // Вопросы ономастики. 2014. № 2(17). С. 68–75.

Гейн К. А. Из заметок по топонимической идеографии // В созвездии слов и имен: сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2017. С. 147–155.

Жамсаранова Р. Г. Материалы к региональному топонимическому словарю. Чита: Поиск, 2005. Вып. 1. 48 с.

Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. 342 с.

Макарова А. А. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 763 с.

Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 58–73.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.

Морковкин В. В. Идеографические словари. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 71 с.

Овчар Н. В. Опыт идеографического описания озерных гидронимов Русского Севера // Номинация в ономастике. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. С. 60–75.

Рут М. Э. Образная номинация в русской ономастике. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 192 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.

Фомин А. А. Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985. 239 с.

References

Berezovich E. L. Semanticheskaya tipologiya russkikh toponimov: problemy, vozmozhnosti, perspektivy [The semantic typology of the Russian toponyms: problems, opportunities, prospects]. *Onomastika i dialektnaya leksika* [Onomastics and Dialectic Vocabulary]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 1998, pp. 129–148. (In Russ.)

Vasil'eva S. P. *Ideograficheskiy slovar' toponimov Prieniseyskoy Sibiri* [The ideographic dictionary of toponyms of the Yenisei Siberia]. Krasno-

yarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University Press, 2008. 180 p. (In Russ.)

Vol'skiy K. P. O strukture toponimicheskikh slovarey po ideograficheskomu printsipu [On the structure of toponymic dictionaries according to the ideographic principle]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh* [National Association of Scientists]. Vol. 10(16). Moscow, Eurasian Scientific Community Limited Liability Company Publ., 2015, pp. 97–101. (In Russ.)

Gein K. A. O nekotorykh problemakh ideograficheskogo opisaniya toponimii [On some problems of the ideographic description of place names]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2014, vol. 2(17), pp. 68–75. (In Russ.)

Gein K. A. Iz zametok po toponimicheskoy ideografii [From notes on toponymic ideography]. *Vsozvezdii slov i imen: sb. nauch. st. k yubileyu Marii Eduardovny Rut* [In the Constellation of Words and Names: a collection of scientific articles to the anniversary of Mariya Eduardovna Rut]. Ed. by E. L. Berezovich, T. N. Dmitrieva, N. V. Kabinina et al. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2017, pp. 147–155. (In Russ.)

Zhamsaranova R. G. *Materialy k regional'nomu toponimicheskomu slovaryu* [Materials for the regional toponymic dictionary]. Chita, Poisk Publ., 2005, vol. 1. 48 p. (In Russ.)

Kabinina N. V. *Substratnaya toponimiya Arkhangel'skogo Pomor'ya* [Substrate Toponymy of Arkhangelsk Pomorye]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2011. 342 p. (In Russ.)

Makarova A. A. *Russkaya ozer'naya gidronimiya Belozer'ya: sistemno-funktsional'nyy aspekt. Dis. kand. filol. nauk* [Russian lake hydronomy of Belozerye: system-functional aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2013, 763 p. (In Russ.)

Matveev A. K. Etimologizatsiya substratnykh toponimov i modelirovanie komponentov toponimicheskikh sistem [Etymologization of substratum toponyms and patterning of toponymic system components]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. Moscow, 1976, vol. 3, pp. 58–73. (In Russ.)

Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [The dictionary of national geographic terms]. Moscow, Mysl' Publ., 1984, 653 p. (In Russ.)

Morkovkin V. V. *Ideograficheskie slovari* [Ideographic dictionaries]. Moscow, Moscow State University Press, 1970, 71 p. (In Russ.)

Ovchar N. V. Opyt ideograficheskogo opisaniya ozernykh gidronimov Russkogo Severa [The experience in the ideographic description of the lake hydronyms of the Russian North]. *Nominatsiya v ono-*

mastike [Nomination in Onomastics]. Sverdlovsk, Ural Federal University, 1991, pp. 60–75. (In Russ.)

Rut M. E. *Obraznaya nominatsiya v russkoy onomastike* [Figurative nomination In Russian onomastics]. Moscow, LKI Publ., 2008. 192 p. (In Russ.)

SGRS – Slovar' govorov Russkogo Severa [The dictionary of dialects of the Russian North]. Ed. by

A. K. Matveev, M. E. Rut. Ekaterinburg, 2001, vol. 1 (In Russ.)

Fomin A. A. *Semanticheskaya tipologiya ozer-nykh gidronimov Zaural'ya*. Dis. kand. filol. nauk [Semantic typology of lake hydronyms of the Trans-Urals. Cand. philol. sci. diss.]. Sverdlovsk, 1985. 239 p. (In Russ.)

TOPO-IDEOGRAM: THE ESSENCE OF THE CONCEPT AND THE POSSIBILITY OF ITS REPRESENTATION IN THE IDEOGRAPHIC DICTIONARY

Konstantin A. Gejn

Senior Lecturer in the Department of Publishing

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation. kosgein@yandex.ru

SPIN-code: 1293-0302

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6753-5948>

ResearcherID: S-5615-2018

Submitted 01.10.2018

The article clarifies the notion of topo-ideogram as a variation of the ideogram of a proper name: in the context of the discussion about semantics of the onym, it is semantics of the stem of the appellative being original for the toponym that appears to be the closest unit of the conceptual level. Such understanding serves as a theoretical basis for splitting material in a dictionary: the thematic (ideographic) field of toponyms is taken as the basic unit. The article considers a number of techniques used for the correct formulation of a topo-ideogram in cases where a toponym can potentially be correlated with several appellative stems.

Such theoretical comprehension and practical embodiment of the topo-ideogram interpretation in the course of lexicographic work results in the development of a toponymic ideographic dictionary. Such a dictionary is a comparatively new onomastic-lexicographic genre, allowing one to look at the semantic or, more precisely, the notional side of the geographical names of a particular region (this article is a case study of microtoponyms of the Vologda region) based not on the alphabetical but on the thematic grouping of the material. In this article, the conditions necessary for the creation of a toponymic ideographic dictionary are described, the principles of lexicographic description of toponyms in the ideographic aspect are formulated, specific dictionary entries are given. The result of this lexicographical work in the theoretical aspect is the notion of nominating consciousness selecting a number of denotative spheres as being topical and represented in toponymy; it also reveals the interpretive potential of a toponymic ideographic dictionary: thematic, motivational, nominative and quantitative regularities specific to the microtoponymy of the Vologda region are identified, linguistic and extralinguistic factors influencing those are explained. Materials of a toponymic ideography can be used for research in the field of ethnolinguistics and ethnography.

Key words: toponymy; toponymic system; ideogram; ideography; lexicography.

УДК 811.161.1'373.23 + 811.161.1'28
doi 10.17072/2037-6681-2018-4-30-42

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ЛИЧНЫМ ИМЕНЕМ И ОТТОПОНИМИЧЕСКИМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ¹

Юлия Александровна Кривошапова

к. филол. н., доцент кафедры филологии Специализированного учебно-научного центра
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Данилы Зверева, 30. insekt@yandex.ru

SPIN-код: 2680-6403

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3096-708X>

ResearcherID: Q-3496-2018

Любовь Александровна Феоктистова

к. филол. н., доцент кафедры русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. l.a.feoktistova@urfu.ru

SPIN-код: 2851-9740

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6640-4815>

ResearcherID: T-7885-2017

Статья поступила в редакцию 08.09.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кривошапова Ю. А., Феоктистова Л. А. Сравнительные конструкции с личным именем и оттопонимическим прилагательным в костромских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 30–42. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-30-42

Please cite this article in English as:

Krivoshchapova Ju. A., Feoktistova L. A. Sravnitel'nyie konstruktsii s lichnym imenem i ottoponimicheskim prilagatel'nyim v kostromskikh govorakh [Comparative Structures with a Personal Name and an Adjective Derived from a Toponym, in the Dialects of the Kostroma Region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 30–42. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-30-42 (In Russ.)

На материале костромских говоров рассматриваются сравнительные конструкции, содержащие личное имя и прилагательное, образованное от ойконима: *как Дуня касимовская* (< д. Касимово) 'о нелепо одетой женщине', *как Федя парюгский* (< д. Малый Парюг) 'о сумасшедшем человеке', и др. Данные устойчивые сочетания характеризуют человека, чье поведение не соответствует нормам деревенского (хотя и не только) социума (ср. *как Саня пёномская* 'о женщине, живущей вдали от других людей'). Эти конструкции рассматриваются с точки зрения их структуры и семантики, а также функций и ономастического статуса их составляющих. Авторы отмечают, что сравнение не всегда выражено эксплицитно и может включать различные предикаты (*Что нарядился, как Анисья климовская?!; Анисья климовская идёт*). Личное имя чаще представлено гипокористикой, оттопонимическое прилагательное обычно занимает постпозицию. Особое внимание уделяется анализу семантического «поведения» личного имени и адъектонима. По наблюдениям авторов, личные имена в сочетании с оттопонимическим прилагательным в составе сравнительных оборотов обладают теми же смысловыми особенностями, что и апеллятивные производные от одиночных личных имен: доминанта негативного, диффузность значения и / или полисемия, экспрессивность. Утверждается, что такие антропонимы выполняют функцию номинации-характеристики и находятся на первой ступени се-

мантической деривации и апеллятивизации. Вместе с тем адъектоним в рамках устойчивого сочетания практически не подвергается смысловым трансформациям. Его базовая функция географической привязки объекта остается неизменной, что до некоторой степени сдерживает апеллятивизацию антропонима, напоминая о том, что в основе номинации лежит сопоставление с реальным человеком.

Ключевые слова: апеллятивизация имени собственного; антропоним; личное имя; оттопонимическое прилагательное; адъектоним; сравнительный оборот; фразеологизм; семантическая деривация; костромские говоры.

В ходе полевых сборов на территории Костромской области участниками Топонимической экспедиции УрФУ неоднократно фиксировались сравнительные конструкции, которые включают личное имя жителя какой-либо деревни и – зачастую – прилагательное, образованное от названия этой деревни². См., например, как *Дуня касимовская* ‘о нелепо одетой женщине’: «У нас тут ещё одна ходила, как блаженная. Дуня касимовская. Вся юбка в пуговицах. Разные все и везде поподшиты. Ну и когда одета так, не пойми чего, говорят: “Ну, чего ты как Дуня касимовская!”» (Вохом.)³. Эти устойчивые, воспроизводимые в речи разных носителей одного говора сочетания представляют собой весьма любопытную разновидность прецедентной номинации. Само ее существование, надо полагать, обусловлено некоторыми особенностями коммуникации деревенского микросоциума.

Односельчане, будучи знакомыми с жителями окрестных деревень, для их идентификации в речи добавляют к личному имени оттопонимическое прилагательное. Сами же носители этих «прозвищ» нередко служат наглядным примером, «эталоном» того, что не соответствует принятой норме и осуждается социумом (какие-либо антропометрические характеристики, личностные качества, поведение). Е. Л. Березович считает, что таким образом деревенские жители удовлетворяют свою потребность в отпрецедентной номинации: имена исторических деятелей, литературных героев и т. п., нередко служащие этой цели, менее известны им и актуальны для них, соответственно, и макротопонимы, в отличие от местных названий, используются реже (см.: [Березович 2012: 42]).

В статье Е. Л. Березович устойчивые выражения с личным именем и адъектонимом рассматриваются по данным различных диалектных словарей в рамках модели «обозначение человека (в том числе апеллятив) + оттопонимическое прилагательное» в ономазиолого-мотивационном и семантическом планах (см.: [там же: 25–52]). Цель предпринятого нами исследования – описать структуру и семантику подобных отыменных номинаций, выявить их специфику. Отдельный вопрос – возможная лингвогеографическая информативность рассматриваемых языковых единиц, однако за недостатком материала по

другим территориям в данной публикации он не рассматривается. Основным источником материала стала электронная база ТЭ УрФУ, содержащая полевые записи лексики и фразеологии костромских говоров (ЛК ТЭ). Для удобства ознакомления со всем корпусом материала рассматриваемые сравнительные конструкции воспроизводятся вместе с контекстами в Приложении к статье в виде словаря.

Собиратели диалектной лексики нередко «обходят» подобные номинации своим вниманием ввиду их «сомнительного» языкового статуса, а лексикографы по той же причине не включают в словари. Сомнения относительно языкового (а не речевого) статуса сравнительных оборотов с личным именем и адъектонимом, очевидно, связаны с тем, что при наличии единичной фиксации трудно определить степень их воспроизводимости в речи. Следует иметь в виду и то, что степень идиоматичности подобных сравнительных конструкций минимальна; Е. С. Коган рассматривает их появление как первый этап становления фразеологизма [Коган 2014: 123]. Об идиоматичности атрибутивных сочетаний, связанных с конкретным носителем имени, в сравнении с теми, которые такого прецедента под собой не имеют, пишет и Е. Л. Березович [2012: 41–42].

1. Структура сравнительных оборотов с личным именем и адъектонимом

Структура таких языковых единиц предполагает наличие предиката высказывания, субъекта и объекта сравнения (соответственно – тот, с кем сравнивают, и тот, кого сравнивают и кто является субъектом действия). Однако предикат вследствие большой его вариативности непосредственно в состав устойчивых сочетаний, как правило, не включают (равно как и объект сравнения, что само собой разумеется). Ср., например: (*нарядиться*) (*как*) *Анисья климовская* ‘о человеке, вычурно одетом’: «Оденешься, что видят, что что-то не так, так говорят: “Что *нарядился, как Анисья климовская?!*”»; «Жила какая-то Анисья, плохо одевалась. Вот и говорят сейчас о плохо одетой женщине: “*Анисья климовская идёт*”» (Парф.).

Сравнение чаще всего выражено эксплицитно, с помощью союза *как* или *что*, но возможна

и его импликация. Одно и то же устойчивое сочетание может быть употреблено с разными союзами, с каким-либо одним союзом и / или без него. Ср. **(как)** *Павла годóвская* 'о человеке, который кричит, ругается' (Вохом.); **как** *Ваня дудíнский* 'о человеке с лохматыми, длинными волосами и в рваной одежде', *вырядиться что Ваня дудíнский* 'об одетом в рваную одежду человеке' (СППП: 89); *ходить как Миша слáвский* 'о грязном, плохо одетом, неухоженном человеке', *обрасти что Миша слáвский* 'об очень заросшем, бородатом и лохматом человеке' (там же: 105). В случае отсутствия союза на наличие сравнения в пресуппозиции может указывать антропоним, называющий субъекта сравнения, и / или свидетельства информантов (см. пример выше).

Антропоним представляет собой сочетание личного имени с оттопонимическим прилагательным или только личное имя. Ср. с приведенными выше: *с Нинку-Серафимку* 'о человеке невысокого роста с плотным телосложением': «Он маленький, как говорят, с Нинку-Серафимку. Была у нас Нинка-Серафимка, маленькая и толстенная» (Павин.); *как немытая Орина (Орина немытая)* 'о грязном, неопрятном человеке': «Ну, говорят, как немытая Орина, всё время как Орина немытая. Была женщина такая грязная, она на речку не ходила, худо умывалась, как, говорят, Орина немытая» (Вохом.).

Личное имя чаще употребляется в уменьшительной или уменьшительно-пренебрежительной форме, что соответствует неофициальному стилю речевой коммуникации диалектоносителей. См. также: *не манилко, а кóржинский Данилко* 'о человеке маленького роста' (Павин.); *как Периша (ипáтьевский)* 'о неопрятном, неухоженном человеке' (Вохом.) (*Периша* < *Перфилий*); *как Нинка дёменская* 'о глупой женщине' (Буйск.); *как Стёпка мáсловский* 'о глупом человеке' (Буйск.). Одно имя встречается и в полной, и в краткой форме: *Павлинья годóвска(я)* 'о неопрятной женщине' (Окт.); *как Павлинья годóвска(я)* 'о непричесанной женщине' (Окт.) и *(как) Павла годóвская* 'о человеке, который кричит, ругается' (Вохом.).

Особо следует сказать об антропониме в составе устойчивого выражения *разблажиться как Сидорка тяпнинский* 'о вспыльчивом человеке' (Парф.). В данном случае это «замаскированное» под личное имя отфамильное прозвище: «Говорят: “Разблажился как Сидорка тяпнинский”. Он жил в этом Тяпневе, очень по характеру был горячий, а фамилия была *Сидоров*. Так говорят, когда горячий, когда вспыльчивый, из рамок человек».

Адъектоним, как правило, находится в позиции к личному имени, что соответствует

«прозвищной» модели антропономинии (подробнее ниже). См., однако, *не Манилко, а кóржинский Данилко* 'о человеке маленького роста' (Павин.), где препозиция оттопонимического прилагательного обусловлена просодикой фразеологизма (его ритмом и рифмовкой логически противопоставленных друг другу именных компонентов).

Оттопонимическое прилагательное в подавляющем большинстве случаев образуется с помощью суффикса *-ск-*, который реализует идею отношения к топониму как к производящей основе. Зафиксировано только одно прилагательное *ипáтьевский* с суффиксом *-евск-*, образованное от топонима *Ипатовщина*. В качестве основы выступают региональные ойконимы (названия населенных пунктов сельской местности): *(как) Саня пёномская* < *Пёнома*, д. (Вохом.); *как Дуня касíмовская* < *Касíмово*, д. (Вохом.) и др. Во многих случаях топоним присутствует в контексте, что позволяет легко восстановить его форму: «Вот, скажут, что ты *как Дуня касимовская* ходишь! Дуня-то эта жила на *Касимове*, она очень красивая была, умная, а потом ей родители запретили замуж выйти за её любимого, так она и с ума сошла. Старая уж стала, а всё оденется в блузки нарядные, юбки и бантик себе на голову приделает, всё думает, что она красивая». Не исключено, что именно оттопонимическое прилагательное, употребленное в сравнительном обороте вместе с личным именем, является одним из стимулов для порождения мотивационного контекста с указанием местного ойконима.

Иногда информант при пояснении словосочетания использует сокращенный или неофициальный вариант названия населенного пункта, что требует обращения к карте местности и топонимическим материалам: «У нас Федя был такой, немножко вот такой парень. У нас был такой дурачок и из-за этого все говорят: “Ну, как Федя”. “Ой, – говорят, – *как Федя парюгскóй*”. На *Парюге* он был-то». Скорее всего, речь идет о д. Малый Парюг Вохомского района Костромской области, которая находится в девяти километрах к юго-востоку от д. Тихон, где и был записан контекст.

Е. Л. Березович обращает внимание на то, что поиск производящей для адъектонима основы может быть затруднен наличием омонимов, которые в узколокальной топонимической системе встречаются чаще, чем среди макротопонимов [Березович 2012: 34]. См. приводимый ею пример: перм. *(как) Максим опали́шенский* 'о неряшливо одетом человеке' (ФСПГ: 207). Согласно автору, деревень *Опалишино* или *Опалиха* в Оханском районе Пермской области, где было записано это устойчивое выражение, в настоящее время нет.

Деревни с названием *Опалиха* фиксируются в районах, которые не граничат с Оханским, – Нытвенском и Частинском; есть также д. *Верхняя Опалиха* в Кишертском районе. Углубленные поиски дают бывшую д. *Опалиха* в Оханском районе; она была снята с учета в 1964–1969 гг. Скорее всего, это название и легло, по мнению Е. Л. Березович, в основу номинации. Данный пример, на наш взгляд, указывает на еще один фактор демотивации оттопонимического прилагательного – забвение производящей для него основы.

Формула именования одного и того же лица (одно- или двухкомпонентная) может варьировать: см., в частности, выше как *Федя (парюгской)* ‘о сумасшедшем человеке’. Следует отметить, что в каких-то случаях рассматриваемая атрибутивная конструкция может сворачиваться до сравнения с личным именем, и тогда оттопонимическое прилагательное становится факультативным элементом словосочетания: как *Перша (ипатьевский)* ‘о неопрятном, неухоженном человеке’ (Вохом.): «Я его уже не застала, я пришла, Першы-то не было. Это не у нас, это в другой деревне. ...Этот Перша жил на Ипатовщине, дак это я вот пришла дак слыхала, что он колдовал якобы, этот Перша, но я его и не видала, видно, умер он до меня. Его Перфил звали, Перфилий, а в деревне уж Перша да Перша. Помню, мамаша говорила, им потыка́лись всё: “Ну, как *Перша*”. Это и мамаша часто употребляла. Он и грязный, и неухоженный, он жил один, наверно. В деревне потыка́лись: “Как *Перша*”»; «Он [деверь] придёт весь грязный, мамаша и говорит: “Ну, как *Перша ипатьевский*, пришел весь грязный”».

В рамках настоящей статьи мы ограничимся рассмотрением только тех антропонимов, в состав которых входит оттопонимическое прилагательное в качестве постоянного или факультативного компонента (о некоторых из них мы писали ранее, см.: [Феоктистова 2012: 259–260]).

2. Семантика сравнительных оборотов с личным именем и адъективом

От анализа структуры сравнительных конструкций перейдем к рассмотрению их семантики – тому, как они распределяются по тематическим сферам и какими системными отношениями связаны друг с другом.

Зафиксированные на территории нескольких районов Костромской области устойчивые сочетания с личным именем и оттопонимическим прилагательным входят в следующие тематические рубрики (отдельные примеры по другим территориям приводятся в статье Е. Л. Березович [2012: 41–42]):

а) **внешний вид** (5)⁴: *не манилко, а коржинский Данилко* ‘о человеке маленького роста’ (Павин.); *(нарядиться) как Анисья кли́мовская* ‘о человеке, вычурно одетом’ (Парф.); *Анисья кли́мовская* ‘о странно одетой женщине’ (Парф.); *как Дуня каси́мовская* ‘о нелепо одетом человеке (женщине)’ (Вохом.); *как Павлиная годо́вска(я)* ‘о непричесанной женщине’ (Окт.); *Павлинья годо́вска(я)* ‘о неопрятной женщине’ (Окт.); *как Перша (ипа́тьевский)* ‘о неопрятном, неухоженном человеке’ (Вохом.);

б) **интеллектуальные способности** (4): *как Дуня каси́мовская* ‘о ненормальном человеке’ (Вохом.); *как Нинка де́менская* ‘о глупой женщине’ (Буйск.); *как Стёпка ма́словский* ‘о глупом человеке’ (Буйск.); *как Федя (парюгской)* ‘о сумасшедшем человеке’ (Вохом.); *Яким са́ловский* ‘простак, простофиля’ (Макар.);

в) **двигательная активность** (1): *как Саня тага́нская сидеть* ‘не сидеть на месте, ёрзать’ (Окт.);

г) **поведение в социуме** (4): *(как) Павла годо́вская* ‘о человеке, который кричит, ругается’ (Вохом.); *разблажиться как Сидорка тя́нинский* ‘о вспыльчивом человеке’ (Парф.); *как Аля парюгская́* ‘о женщине, которая долго не выходит замуж’ (Вохом.); *как Саня пе́номская* ‘о женщине, живущей вдали от других людей’ (Вохом.).

С учетом общего небольшого количества устойчивых сочетаний рассматриваемого типа количественное преобладание тех сравнительных оборотов, которые описывают внешность человека, над остальными несущественно – важнее то, что все репрезентируемые данными оборотами идеогаммы весьма характерны для отантропонимической номинации. Ср. «рейтинг» идеогамм по их заполняемости апеллятивными производными от личных имен, составленный И. В. Родионовой [2005: 178–179]⁵.

В списке из 13 позиций на первом месте «умственные способности», на четвертом – «поведение в общении», на седьмом – «внешний вид, опрятность», на восьмом – «подвижность, физическая активность, ловкость». Наибольшее число номинаций в каждой тематической рубрике, составляющих таким образом ядро (9–10 и более деантропонимов) или среднюю зону (5–8 деантропонимов) соответствующего семантического поля, обозначают то или иное отклонение от нормы:

– «умственные способности»: ‘дурак’ и др. (ядерная зона поля);

– «поведение в общении»: ‘забияка, драчун, хулиган’ и др. (средняя зона; ядро поля деантропонимами не представлено);

– «внешний вид, опрятность»: ‘неряшливый, неопрятный’ (ядерная зона); примечательно, что

значение 'плохо (неуместно, неприлично) одетый' тоже фиксируется, но находится на периферии поля (четыре и менее деантропонимов);

– «подвижность, физическая активность, ловкость»: 'подвижный, беспокойный, суетливый' (средняя зона; ядро – 'неуклюжий, медлительный, вялый') [Родионова: 2005: 178–179].

В приведенном И. В. Родионовой языковом материале нет примеров, подобных костр. *как Аля парюгская* 'о женщине, которая долго не выходит замуж' и *как Саня пёномская* 'о женщине, живущей вдали от других людей' (Вохом.). Это, наверное, можно расценивать как свидетельство **потенциально более широкого**, чем для «невоплощенных» (т. е. не имеющих конкретно-референтной отнесенности) имен, **спектра идеограмм**, которые могут быть представлены именами «воплощенными»⁶.

Эти две номинации любопытны еще и с точки зрения **системных отношений**, также возможных для подобных наименований. См.: «Аля парюгская ещё у нас была, Саня пёномская. Вот выражения-ти наши. Ну, говорят, как Аля парюгская, как Саня пёномская». Системные отношения выстраиваются не только на синхронном уровне, когда употребление в речи одного сравнительного оборота влечет за собой упоминание другого, но и на диахронном, когда наличие одного служит основой для создания другого.

В целом, анализ семантики устойчивых сочетаний личного имени с адъектонимом показывает, что данному типу номинаций, как и следовало ожидать, присущи те же семантические особенности, что и одиночным деантропонимам: **доминанта негативного** (преобладание отрицательной характеристики человека по какому-либо параметру), **полисемия и / или диффузность значения** (см. о них подробнее: [там же: 176–180]). О двух последних стоит сказать подробнее.

Согласно И. В. Родионовой, в рамках исследуемого ею семантического поля деантропонимов довольно распространено явление, «когда одно имя фиксируется в качестве обозначения различных качеств характера (полисемия) либо когда значение, сформулированное в источнике весьма комплексно, касается ряда черт характера, так что номинация может быть представлена в двух-трех идеограммах (диффузность)» [там же: 180]. См. в нашем материале:

– «диффузность» или, точнее, комплексность семантики: *как Дуня касимовская* 'о ненормальном человеке' и 'о нелепо одетой женщине' (Вохом.). Оба этих значения представляют связанные друг с другом характеристики: манера одеваться носительницы имени выдает ее интеллектуальную неполноценность;

– полисемия: *как Павлинья годóвска(я)* 'о непричесанной женщине', *Павлинья годóвска(я)* 'о неопрятной женщине' (Окт.) и *(как) Павла годóвская* 'о человеке, который кричит, ругается' (Вохом.). Оттопонимическое прилагательное отсылает к названию деревни *Годовка* в Октябрьском районе Костромской области, распространение сравнительного оборота на соседней территории сопровождается переосмыслением его «внутренней формы» и значения (см. подробнее ниже).

В дополнение к названным семантическим особенностям деантропонимов можно указать **экспрессивность их семантики**, которая складывается за счет обозначения антинормы, а также прецедентного характера номинации (последнее только при условии, что деантропоним не утратил своей мотивированности). Ср. высказывание Е. Л. Березович, относящееся к устойчивым сочетаниям с личным именем и оттопонимическим прилагательным: «шутка становится острее, если объект вышучивания – не какой-то неизвестный *стёпа* или *яким*, а представитель соседней деревни» [Березович 2012: 43].

3. Семантика, функции и ономастический статус оттопонимического прилагательного в составе сравнительной конструкции с личным именем

Отдельного рассмотрения заслуживают смысловая нагрузка и функции оттопонимического прилагательного в составе сравнительных оборотов с личным именем.

Следует отметить, что в целом сочетаемый потенциал адъектонимов чрезвычайно высок: они могут соседствовать практически с любым существительным. Оказываясь в составе устойчивых адъективных сочетаний, оттопонимические прилагательные стремятся к апелляции и наряду с нейтральным «географическим» значением развивают оценочную характеризующую семантику, нередко значительно отстоящую от генетического геолокационного значения. Достаточно сравнить семантику одного и того же адъектонима в разных словосочетаниях, чтобы увидеть, как может ослабевать связь с производящим топонимом. Ср.: 1. *московское метро*, 2. *московская водка* 'название сорта водки' (ПОС 18: 379) и 3. *московский гриб* 'белый гриб, боровик' (СРГМорд А–Г: 128). В первом примере связь с топонимом *Москва* максимальна; во втором случае она уже слабее: водка этого сорта может быть изготовлена не только в Москве; в третьем словосочетании оттопонимическое прилагательное развивает значение 'самый лучший, благородный': связь с производящим топонимом здесь уже опосредованна и

ощущается через сему 'столичный = самый лучший'.

Анализируя сравнительные конструкции с личным именем и адъектонимом, необходимо в первую очередь выяснить, входит ли оттопонимическое прилагательное в состав устойчивого сочетания как часть сложного антропонима или же добавляется к личному имени в процессе вторичной номинации.

С одной стороны, атрибутивное сочетание, состоящее из личного имени и оттопонимического прилагательного, является одной из принятых антропонимических формул. С другой стороны, следует учитывать, что подобная номинация не только может носить «прозвищный» характер, но и быть ситуативным наименованием человека в определенных условиях речевой коммуникации. Адъектоним прежде всего выполняет **уточняющую функцию**, которая оказывается востребованной при несовпадении места жительства участников речевой ситуации (ситуации номинации) или незнании адресатом объекта речи (тогда географическая «привязка» личного имени как бы восполняет его информативную «ущербность»). Ср., к примеру, следующее высказывание информанта: «Тёща рассказывала, на тракторе всех повезли, а одну оставили. Так вот тёща кричит трактористу: “Стой! *Мильку зашильскую* забыли!”» (Буйск.).

Однако установить языковой или речевой характер подобных номинаций в составе устойчивого сочетания по имеющимся данным не представляется возможным. Этого не позволяет сделать ни иллюстративный контекст, ни запись прозвища как такового (в данном случае считаем возможным употребление этого термина, имея в виду, что характеризующая функция прозвища заключается в геолокации носителя имени).

В информационно-поисковой системе «Русский традиционный ономастикон: антропонимия, зоонимия, астронимия» (РТО), которая в том числе содержит индивидуальные прозвища, собранные участниками ТЭ УрФУ, нашлось только четыре личных имени в сочетании с оттопонимическим прилагательным из тринадцати встретившихся в сравнительных конструкциях (*Аля Парюгская, Анисья Климовская, Дуня Касимовская, Федя Парюгский*). При этом доподлинно неизвестно, были ли записаны эти атрибутивные сочетания как прозвища или же они были извлечены из контекста, содержащего сравнительный оборот.

В материалах ЛК ТЭ обращает на себя внимание разноречивость в написании личного имени и адъектонима в составе устойчивого сочетания, что отражает сомнения собирателя по поводу их ономастического статуса. Ср., к примеру:

1. «Про человека говорят – *Павла Годовская*. Это если кричит громко человек. Это на Вятке в Годовке жила Павла. Вот про неё и тут говорят: “Ну, чего ты как *Павла Годовская!*”»;
2. «Ходишь как *павлинья годовская*. Распустишь волосы, ходишь непричёсанная, как *росомаха!*»⁷. Однако написание с прописной буквы преобладают, т. е. «среднестатистический» собиратель воспринимает пару «личное имя + адъектоним» в сравнительной конструкции скорее как сложный антропоним. Это восприятие зависит также от иллюстративного контекста, позволяющего судить о степени мотивированности сравнительного оборота в сознании не только собирателя, но и диалектосителя. В первом из приведенных контекстов упоминается носитель имени, образ которого лег в основу сравнения, поэтому и в функции сравнения антропоним пишется с прописной буквы (*Павла Годовская*). Во втором примере внутренняя форма отпрецедентной номинации непрозрачна и оба ее компонента написаны со строчной буквы (*павлинья годовская*).

Таким образом, при анализе семантики личного имени и адъектонима в рамках сравнительной конструкции мы учитываем обе рассмотренные возможности – включение оттопонимического прилагательного в устойчивое сочетание в составе сложного антропонима (прозвища) и отдельно от антропонима, который в таком случае будет представлен только личным именем. Тем не менее в целях унификации мы предпочли прописное написание личного имени и строчное – оттопонимического прилагательного, подчеркивающее его промежуточное положение между онимом и апеллятивом.

Условия контекста могут быть таковы, что делают возможным употребление антропонима обобщенно, для обозначения чем-то похожего на «владельца» имени человека. См., например: «В той стороне были деревни *Дулово, Лемехово*. И вот говорю: ну, *дура лемяховская, дуручка лемяховская!* (...) А Шуры нет уже, царство ей небесное. *Шура-дура* всё звали. *Шура-дура из Лемехово*. Ой, *дура лемеховская*. Я помню, *Гриша* был, *Аннушка* была... Они такие были немножко вроде *Володи*, похожи на ружьё. И когда Тамара назвала *Гришей*, я думаю: почему *Вовку-то* всё в молодости *Гриша* звали, у него прозвище *Гриша*. И мне представляется вот этот *Гриша лемеховский*. *Гриша* этот дурачок был, он пас овец. *Шура* была такая простая. Долго замуж не выходила» (Буйск.).

Это как раз то, что можно было бы, вслед за Е. Л. Березович, назвать «**нулевой ступенью семантической деривации имени** – «нет изменения референциальной базы значения, для такого изменения только создаются предпосылки»

[Березович 2018: 16]⁸. Однако в составе сравнительного оборота такие изменения уже налично: носитель имени выступает не во всей совокупности присущих ему черт, а как некий «эталонный» представитель какой-либо одной черты. Соответственно, антропоним в данной ситуации приобретает функцию номинации-характеристики (см. об этом также: [Родионова 2005: 183–184]). Таким образом, появление подобных конструкций можно рассматривать не только как первую стадию фразеобразования (см.: [Коган 2014: 123]), но и как **первую ступень семантической деривации и апеллиативизации антропонима** (личного имени не только в сочетании с оттопонимическим прилагательным, но и само по себе).

В то же время тесная связь адъектонима с производящей основой и его возможное факультативное положение во фразеологизме – см. выше как *Перша (ипátьевский)*, как *Федя (парюгско́й)* – свидетельствуют скорее о том, что в большей степени смысловой трансформации подвергается личное имя. Основная же функция адъектонима в составе фразеологического оборота – **соотнесение определяемого предмета** (в данном случае – носителя имени) **с географическим объектом** (местом жительства). В случае отсутствия сравнительного союза именно оттопонимическое прилагательное может указывать на то, что в основе номинации лежит сопоставление с реальным носителем «воплощенного» личного имени (а не языковые и/или текстовые коннотации, присущие имени «невоплощенному»).

Сохранение адъектонимом своего топографического значения не исключает наличия у него каких-либо **коннотаций**, но эти коннотации «наследуются» им от производящего топонима. См. приводившийся выше контекст: «Про человека говорим *Павла годовская*. Это если кричит громко человек. Это на Вятке в Годовке жила Павла. Вот про неё и тут говорят: “Ну, чего ты как *Павла годовская!*”». Примечательно, что в контексте встречается топоним *Вятка*, обозначающий местность, где, по мнению информанта, находится д. Годовка. Разумеется, речь идет не о городе Кирове и даже не о Вятском регионе, а об Октябрьском районе Костромской области, который в сознании жителей Вохомского района и определяется как *вятский*, так как граничит на юго-востоке с Кировской областью (подробнее об этом «смещении вятских границ» см.: [Казакова 2011: 27–28]). Упоминание Вятки позволяет не только верно «привязать» *Павлу годовскую* к нужной д. Годовка, но и «подкрепить» географическую семантику адъектонима характеризующей «вятской». Жители Вохомского района называют жителей Октябрьского *вятченёнками*

синепуниками и воспринимают их как людей чужих, говорящих иначе (см.: [там же: 40–41]). В число таких *вятченёнков*, очевидно, попадает и *Павла годовская*, которая кричит и ругается⁹.

Дополнительными коннотациями адъектоним наделяется и тогда, когда образован от квазитопонима. Ср.: *Иён заболотский* ‘о придурковатом человеке’: «Это кто такой? *Иён заболотской!* Раньше у нас старичок такой был, по деревням ходил, он был немножко не в себе» (Шар.). Скорее всего, прилагательное *заболотский* генетически не связано с ойконимом и не столько отвечает за геолокацию объекта, сколько за оценочную характеристику, подчеркивая, что *Иён не в себе* еще и потому, что появился из неизвестного места *за болотом*. В другом случае прилагательное *валявкинские*, которое по форме напоминает адъектоним, характеризует *мужиков* с Ильинское Парфеньевского района Костромской области как ленивых, ср. костр. *валявка* ‘ленивый человек’ (ЛК ТЭ).

В целом, следует отметить, что **личное имя и адъектоним поддерживают ономастический статус друг друга**, оказавшись в составе фразеологического оборота.

Отсутствие или редукция атрибутирующего прилагательного, соответственно, ослабляют статус личного имени и сообщают ему деантропонимическое «ускорение», подталкивая к дальнейшей семантической деривации. Ср., например, костр. (*как*) *евло́га* ‘бродяга’, ‘плохо ходящий человек’, ‘слабоумный человек’, ‘лентяй’, ‘пьяница’ (Вохом.), *как у Евлоги* ‘о человеке, имеющем при себе много каких-либо вещей, предметов’: «Видишь, сколько бумаг – как у Евлоги. Это мужик у нас был “не все дома”, Евлога» (Окт.). Образ нищего, к которому восходят данные номинации, постепенно стирается: «Евлога – дак это прозвище у человека, по-моему. Ленивых называли, *как*, говорят, *евлога*. А кто такой? Ну, говорят, *евлога*. *Евлога*, наверно, мужчина был, лентяй»; имя же становится нарицательным: «Бездомные такие, *ходят как евлоги* – оно и сейчас встречается» (показательна и форма множественного числа деантропонима)¹⁰.

Вместе с тем иногда и при наличии адъектонима в составе устойчивого сочетания бывает затруднительно разграничить личное имя первой и последующих ступеней деривации. Если один и тот же деантропоним употребляется самостоятельно и в сочетании с оттопонимическим прилагательным, но на разных территориях, то можно предположить омонимию исходных «воплощенных» личных имен либо образование фразеологического сочетания из апеллиативного деривата личного имени и адъектонима. См. примеры Е. Л. Березович [2012: 42]: перм. *как мала-*

нья *кopyлoвская* ‘о забывчивом человеке’ (ФСПГ) – ср. свердл. *маланья* ‘простушка; глуповатая, недалёкая женщина, которую легко одурачить, обмануть’ (СРНГ 17: 318) и др.; яросл. *стёпа суцoвский* ‘о неумелом, нерасторопном человеке’ (ЯОС 9: 73) – ср. арх. *стёпа* ‘неумелый, неловкий человек’ (КСГРС). Если же территория одна, установить направление деривации – от апеллятивного производного личного имени или от подвергшегося деонимизации антропонима в составе устойчивого выражения – практически невозможно. Ср.: костр. *Яким са́ловский* ‘простак, простофиля’ и *яким* ‘необразованный человек, глупец’ (Макар.); влг. *Папи́ло фи́линский* ‘о бестолковом, беспутном человеке’ и *папи́ло* ‘то же’ (СРГК 4: 391), от имени *Папи́л* (церк. *Папила*, нар. *Папи́ло*) [Березович 2012: 42].

Этот ряд примеров можно дополнить:

– пск. *Филя тобольский* ‘о несообразительном, рассеянном человеке’ (СППП: 77) – ср. диал. *филя* ‘простофиля, простак, разиня, недоумок’ (Даль 4: 535), от имени *Филя* (уменьш. к *Филат*, *Филимон*, *Филипп*) (Фасмер 4: 195); подробнее о коннотациях данного имени см.: [Виноградов 1994: 578–581];

– влг. *Пантелей чистодoрский* ‘бранно’: «Сын-то пестерь такой, ничего делать не хочет, пьёт только, пантелей чистодорский»; «Баба его обругала: ой, ты, пантелей чистодорский»; «Накричит: ой ты, пантелей чистодорский, взрослым-то подражает» (СРГК 4: 390). Ср., к примеру, курган., кемер. новосиб., амур. *пантюха* ‘о нерасторопном, глуповатом, необразованном человеке’ («Муж пантюха такой, не работной человек, не добиться нигде ничего, у него в руках ничего не держится»; «А пантюха и чечас пантюха, значит, ни с чем пирожок, беспонятный») (СРНГ 25: 200)¹¹.

Употребление в составе атрибутивных конструкций апеллятивных производных от личных имен, не связанных с местными «прототипами», а также прилагательных, которые образованы от квазитопонимов, ведет к частичной онимизации данных компонентов. Это сопровождается изменением их смысловой и функциональной нагрузки в составе фразеологизмов. Добавление к апеллятиву топонимического определения, по мнению Е. Л. Березович [2012: 42], придает сочетанию иллюзию «достоверности» (рисуемый образ как бы обретает черты реального персонажа) и усиливает его экспрессивность (см. об этом выше).

Выводы

Анализ функционирующих в костромских говорах сравнительных конструкций с личным именем и оттопонимическим прилагательным позволяет в самом общем виде охарактеризовать

модель номинации, представленную подобными устойчивыми сочетаниями. Данная модель географически отнюдь не уникальна, о чем свидетельствуют спорадически фиксируемые на других территориях языковые факты.

Устойчивые выражения этого типа довольно вариативны по своему составу. Облигаторным компонентом словосочетания является только антропоним, обозначающий объект сравнения – человека, который по тем или иным параметрам не соответствует нормам деревенского сообщества (отмечаются отклонения во внешнем виде, интеллектуальной деятельности, двигательной активности и социальном поведении). Остальные же компоненты – сравнительный союз (*как* или *что*) и глагольный предикат – факультативны; может быть опущено и оттопонимическое прилагательное, которое в составе антропонимической формулы занимает постпозицию по отношению к личному имени. Открытым остается вопрос, следует ли считать личное имя и адъектоним элементами сложного антропонима или же оттопонимическое прилагательное присоединяется к личному имени уже на этапе семантической деривации при включении в состав сравнительной конструкции.

Несмотря на подвижность лексического состава, рассматриваемые словосочетания могут быть признаны фразеологическими, поскольку обладают устойчивостью, т. е. регулярно воспроизводятся в речи, и – главное – идиоматичностью. Степень идиоматичности фразеологизма в данном случае будет зависеть от знания или незнания адресатом речи объекта сравнения. Личное имя в составе сравнительного оборота приобретает функцию номинации-характеристики, обозначая референта имени как «эталонного» носителя каких-либо отрицательных свойств или форм поведения.

Наряду с именем, отсылающим к реальному носителю, в составе сравнения могут встречаться мнимые антропонимы, ономастический статус которых не очевиден. Однако в количественном отношении преобладают «воплощенные» имена, имеющие конкретно-референтную отнесенность, и набор идеограмм для них потенциально шире, нежели для «невоплощенных» имен.

В сочетании с адъектонимом личное имя реализует тот же семантико-деривационный потенциал, что и без него. Об этом свидетельствует совпадение перечня идеограмм и наличие ряда общих семантических черт для тех и других деантропонимов: доминанта негативного (преобладание отрицательной характеристики человека по какому-либо параметру), полисемия и/или диффузность значения, а также экспрессивность. Функция оттопонимического прилагательного в

составе антропонимической формулы – территориальная «привязка» имени и его носителя. При наличии адъектонима в составе сравнения укрепляет ономастический статус антропонима, напоминая о том, что в основе номинации лежит сопоставление с реальным носителем имени. Оказавшись без адъектонима, личное имя быстрее теряет связь с единичным объектом и в большей степени подвергается апеллятивизации.

Представленная модель прецедентной номинации нетривиальна тем, что позволяет увидеть не столько результат семантической деривации онимов, сколько динамичный процесс деонимизации языковых единиц.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351). Авторы искренне благодарны Е. Л. Березович за предложенную тему публикации.

² В отечественной лингвистике для обозначения этого производного используются следующие термины: *прилагательное от географического названия* [Левашов 1986], *ойконимическое прилагательное*, *оттопонимическое прилагательное* [Генералова 2016], *адъектоним* [Озтюрк 2018] – два последних являются «рабочими» и в настоящей статье.

³ Здесь и далее материалы лексической картотеки Топонимической экспедиции УрФУ не паспортизируются; в круглых же скобках указывается административный район Костромской области, на территории которого было зафиксирован тот или иной языковой факт: Буйск. – Буйский, Вохом. – Вохомский, Макар. – Макарьевский, Окт. – Октябрьский, Павин. – Павинский, Парф. – Парфеньевский, Шар. – Шарьинский.

⁴ С учетом «диффузности» или комплексности семантики сравнительных оборотов (см. подробнее ниже) в скобках указывается число языковых единиц, а не репрезентируемых ими идеограмм (лексических значений), если эти идеограммы (значения) относятся к одной тематической группе.

⁵ Автор рассматривает и устойчивые сочетания с личными именами и адъектонимами, отмечая их периферийное положение в рамках полевой структуры, которую образуют деантропонимы – характеристики человека. «...Здесь отступления от первичной функции антропонима минимальны: сохраняя сигнификативную сему единичности, имя на основе механизма сравнения – ср. частотность вхождения компонента *как* в состав номинативного оборота – отсылает к образу конкретной личности носителя данного имени» [Родионова 2005: 184]. Следует учиты-

вать и то, что атрибутивных сочетаний значительно меньше, чем апеллятивных производных от одиночных личных имен.

⁶ О терминах «воплощенное / невоплощенное имя» «актуальный» / «потенциальный (виртуальный) антропоним» и др. см.: [Смольников 2005].

⁷ Согласно современной норме правописания прилагательные, образованные от географических названий (если они не являются частью составного названия), пишутся со строчной буквы (*невские берега*). Если же они входят в состав сложных индивидуальных названий людей (в нашем случае в состав прозвища), то писать их следует с прописной (*Дмитрий Донской*) (см.: [Лопатин 2011: 150–154]).

⁸ Е. Л. Березович рассуждает о «нулевой ступени» деривации применительно к другому классу имен собственных – катойконимам – в случае обретения ими характеризующей (в том числе оценочной) семантики в узком или широком контексте, а также благодаря различным фонетическим, словообразовательным или лексическим преобразованиям. Например: «*Великодворяна*, что с них взять!» (жители куста деревень Великодворье в Тотемском районе Вологодской области); *настоящий уралец, коренной москвич; тамбовцы* (при аттракции к *овцы*) вместо *тамбовчане*, влг. *бандеровцы* ‘жители д. Байдарово Никольского района Вологодской области’ [Березович 2018: 14–16]. Однако, следуя заданным критериям разграничения ступеней деривации («изменение референциального значения»), эти примеры логичнее было бы, на наш взгляд, отнести не к «нулевой», а к первой ступени деривации.

⁹ Адъектоним может приобретать коннотации, отражающие стереотипные представления о жителях определенной местности, в сочетаниях с апеллятивом. Ср.: рус. *ленив, как клепенский мужик* ‘о лентяе, полном бездельнике’ (Смолен. губ., Сычевск. уезда, село Клепени, где все нищие, по обычаю) (Даль ПРН₂ 2: 51): предполагается, что все клепенские мужики – лентяи. Столь же коннотативно нагруженным оказывается оттопонимическое прилагательное в составе коллективного прозвища, хотя здесь оно занимает факультативное положение. Ср., к примеру, *завражные заводилы* ‘жители с. Завражье Кадынского р-на Костромской обл.’ («Мы-то окаем, а оне заводят, вот и зовут их завражные заводилы»); (*клима́тинские*) *паны* ‘жители д. Климатино Солигаличского р-на Костромской обл.’ [Воронцова 119]; (*чивóчинские*) *сапожники* ‘жители б. д. Чивочи Октябрьского р-на Костромской обл.’ (ЛК ТЭ).

¹⁰ Возможно, забвению образа носителя имени способствовало распространение деантропонима на территории граничащего с Вохомским Ок-

тябрьского района, на территории которого его еще помнят, хотя нищие бродяги, как и их имена, четкой географической «привязки» обычно не имеют.

¹¹ Ж. Ж. Варбот включает лексему *пантюха* в одно морфосемантическое поле со словом *пентюх*, для которого также не исключена возможность вторичной паронимической аттракции с именем *Пантелеймон* (ее просторечной формы – *Пентелеймон*, распространенной преимущественно в низших социальных слоях) [Варбот 2011: 343–344, 338, 568].

Приложение

Сравнительные конструкции

с личным именем и адъектонимом в говорах Костромской области под данным [ЛК ТЭ]

Устойчивые сочетания приводятся по опорному слову – личному имени, но сам антропоним при этом не дублируется, за исключением тех случаев, когда во фразеологизме личному имени предшествует оттопонимическое прилагательное (см. ***ДАНИЛКО КОРЖИНСКИЙ: НЕ МАНИЛКО, А КОРЖИНСКИЙ ДАНИЛКО**). Опорные слова выделены полужирным шрифтом и размещаются в алфавитном порядке. За толкованием значения фразеологизма следует сокращенное указание на административный район Костромской области, в котором был он записан; контекстные иллюстрации снабжены указанием на населенный пункт и сельскую администрацию этого района. В конце словарной статьи после знака ▲ дается название, послужившее производящей основой для адъектонима в составе сравнительной конструкции, указание на вид объекта (и также район, в случае несовпадения с районом фиксации фразеологизма).

КАК АЛЯ ПАРЮГСКАЯ. О женщине, которая долго не выходит замуж (Вохом.). «А Аля парюгская на Парюге жила одна. Она замуж не выходила, ничего, эдак вот и скажут: “Как Аля парюгская, замуж не можешь выйти”»; «Аля парюгская ещё у нас была, Саня пеномская. Вот выражения-ти наши. Ну, говорят, как Аля парюгская, как Саня пеномская. А Саня пеномская жила очень долго одна в деревне на Пенеме, в лесу. Деревня уж стала зарастать, она всё жила, потом сюда выехала. Вот где чего одиноко живёт человек, вот я на самом конце деревни, мне Валя часто: “Ну, ты как Саня пеномская! Живешь где-то на хуторе”» (с. Тихон, Тихоновская с/адм).

▲ **Малый Парюг**, д.

(НАРЯДИТЬСЯ) **КАК АНИСЬЯ КЛИМОВСКАЯ**. О человеке, вычурно одетом (Парф.). «Как Анисья климовская – то ли что повязала не так. Деревня была Климовское, двенадцать до-

мов было. (...) У ей родители померли, три брата, а она одна осталась. Она сроду была неумная, ну слабоумная. Она могла юбку на юбку надеть, бантов навяжет, гребёнок навтыкать. Оденешься, что видят, что что-то не так, так говорят: “Что нарядился, как Анисья климовская?!”»; «Жила какая-то Анисья, плохо одевалась. Вот и говорят сейчас о плохо одетой женщине: “Анисья климовская идёт”» (д. Никулино, Ширская с/адм).

▲ **Климовское**, д.

***ДАНИЛКО КОРЖИНСКИЙ: НЕ МАНИЛКО, А КОРЖИНСКИЙ ДАНИЛКО**. О человеке маленького роста (Пав.). «Идёт маленький человек, дак скажут: это не манилко, а коржинский Данилко. Был когда-то Данилко из деревни Коржино, он невысокий был, карлик» (д. Большой Завраг, Павинская с/адм).

▲ **Коржино**, д.

КАК ДУНЯ КАСИМОВСКАЯ. 1. О нелепо одетом человеке (женщине) (Вохом.). «Ой, и красивая была, богатая, умная – Дуня-то касимовская, а как умом тронулась... совсем не та стала. Найдёт на неё что – оденется как капуста, одна из-под одной одежды торчит, всё выставляется. (...) Сейчас кто так оденется как она, так скажут, что ты как Дуня касимовская оделась» (д. Поспехово, Обуховская с/адм). 2. О ненормальном человеке (Вохом.). «Вот, скажут, что ты как Дуня касимовская ходишь! Дуня-то эта жила на Касимове, она очень красивая была, умная, а потом ей родители запретили замуж выйти за её любимого, так она и с ума сошла. Старая уж стала, а всё оденется в блузки нарядные, юбки и бантик себе на голову приделает, всё думает, что она красивая»; «У нас тут ещё одна ходила, как блаженная. Дуня касимовская. Вся юбка в пуговицах. Разные все и везде поподшиты. Ну и когда одета так, не пойми чего, говорят: “Ну, чего ты как Дуня касимовская!”» (пос. Малое Раменье, Малораменская с/адм).

▲ **Касимово**, д.

(КАК) **НИНКА ДЕМЕНСКАЯ**. О глупой женщине, дурочке (Буйск.). «Нина была деменская, деревня Деменково, вот говорили: “Чё ты как Нинка деменская?”. Сроду, она родилась такая дурочка» (с. Шушкодом, Шушкодомская с/адм).

▲ **Деменково**, д.

(КАК) **ПАВЛА ГОДОВСКАЯ**. О человеке, который кричит, ругается (Вохом.). «Про человека говорят – Павла годовская. Это если кричит громко человек. Это на Вятке в Годовке жила Павла. Вот про неё и тут говорят: “Ну, чего ты как Павла годовская!”» (пос. Масленниково, Семеновская с/адм).

▲ **Годовка**, д. (Окт.).

(КАК) **ПАВЛИНЬЯ ГОДОВСКАЯ**. 1. **КАК ПАВЛИНЬЯ ГОДОВСКАЯ**. О непричесанной женщине (Окт.). «Ходишь как павлинья годовска. Распустишь волосы, ходишь непричесанная, как росомаха» (с. Соловецкое, Соловецкая

с/адм). 2. ПАВЛИНЬЯ ГОДОВСКА(Я). О неопрятной женщине (Окт.): «Ну, Павлинья годовска! Это выглядит плохо, неаккуратный. А уж какая была эта павлинья годовска – не знаю. На мужчину так не скажешь. “Павлин годовский” – так не говорили. А вот павлинья годовска – да, это про женщину говорили» (с. Соловецкое, Соловецкая с/адм). ▲ Годовска, д. (Окт.).

КАК ПЕРША (ИПАТЬЕВСКИЙ). О неопрятном, неухоженном человеке (Вохом.). «Я его уже не застала, я пришла, Першы-то не было. Это не у нас, это в другой деревне. ...Этот Перша жил на Ипатовщине, дак это я вот пришла, дак слыхала, что он колдовал якобы, этот Перша, но я его и не видала, видно, умер он до меня. Его Перфил звали, Перфилий, а в деревне уж Перша да Перша. Помню, мамаша говорила, им потыкались всё: “Ну, как Перша”. Это и мамаша часто употребляла. Он и грязный, и неухоженный, он жил один, наверное. В деревне потыкались: “Как Перша»; «Он [деверь] придёт весь грязный, мамаша и говорит: “Ну, как Перша ипатьяевский, пришел весь грязный”» (д. Чурино, Сосновская с/адм). ▲ Ипатовщина, д.

КАК САНЯ ПЕНОМСКАЯ. О женщине, живущей вдали от других людей Вохом.). «Аля парюгская ещё у нас была, Саня пеномская. Вот выражения-ти наши. Ну, говорят, как Аля парюгская, как Саня пеномская. А Саня пеномская жила очень долго одна в деревне на Пеноме, в лесу. Деревня уж стала зарастать, она всё жила, потом сюда выехала. Вот где чего одиноко живёт человек, вот я на самом конце деревни, мне Валя часто: “Ну, ты как Саня пеномская! Живешь где-то на хуторе”» (с. Тихон, Тихоновская с/адм).

▲ Пенома, д.

КАК САНЯ ТАГАНСКАЯ СИДЕТЬ. Не сидеть на месте, ёрзать (Окт.). «Ты что как Саня таганская выгибаешься» (д. Лямино, Власовская с/адм). ▲ Таганка, пос.

РАЗБЛАЖИТЬСЯ КАК СИДОРКА ТЯПНИНСКИЙ. О вспыльчивом человеке (Парф.). «Говорят: “Разблажился как Сидорка тяпнинский”. Он жил в этом Тяпневе, очень по характеру был горячий, а фамилия была Сидоров. Так говорят, когда горячий, когда вспыльчивый, из рамок человек» (с. Никулино, Ширская с/адм).

▲ Тяпнево, д.

КАК СТЁПКА МАСЛОВСКИЙ. О глупом человеке (Буйск.). «Ты дурачок, как Стёпка масловский. Был Степка дурачок в Маслове. Парень или мужчина дурачок, говорили: “Ну, ты как Стёпка масловский. Стёпка возил молоко в Маслове”» (с. Шушкодом, Шушкодомская с/адм).

▲ Маслово, д.

КАК ФЕДЯ ПАРЮГСКОЙ. О сумасшедшем человеке (Вохом.). «У нас Федя был такой,

немножко вот такой парень. У нас был такой дурачок, и из-за этого все говорят: “Ну, как Федя”. „Ой, – говорят, – как Федя парюгской”. На Парюге он был-то» (с. Тихон, Тихоновская с/адм).

▲ Малый Парюг, д.

ЯКИМ САЛОВСКИЙ. Простак, простофиля (Макар.). «Простой-общой, кто всё отдаст, доброй-от какой, что как Яким саловской всё отдал, нынче нет таких людей, мало простофиль» (д. Фролово, Нежитинская с/адм). ▲ Сало́во, д.

Список источников

Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. 448 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Репр. изд.] СПб.: Диамант, 1996.

Даль ПРН₂ – *Пословицы* русского народа: в 3 т. / сб. В. Даля. М.: Русская книга, 1993.

КСГРС – *картотека «Словаря говоров Русского Севера»* (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

ЛК ТЭ – *лексическая* картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

СППП – *Словарь псковских пословиц и поговорок* / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб.: НОРИНТ, 2001. 173 с.

СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.

ФСППГ – *Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров*. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.

ЯОС – *Ярославский областной словарь* / отв. ред. Г. Г. Мельниченко: в 10 вып. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

Список литературы

Березович Е. Л. Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики // *Язык и прошлое народа*: сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2012. С. 25–52.

Березович Е. Л. Славянские оттопонимические названия жителей как источник семантической деривации // XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 7–34.

Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 648 с.

Виноградов В. В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5 000 слов, с ними связанных / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Толк, 1994. 1138 с.

Генералова Е. В. О развитии значений оттопонимических прилагательных в русском языке (на примере истории лексемы *московский*) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 157–171.

Казакова Е. В. *Вятка* и *вятчане* в русской языковой традиции // Вопросы ономастики. 2011. № 2(11). С. 19–50.

Коган Е. С. Имя собственное в диалектном фразеологизме: этапы идиоматизации // Вопросы ономастики. 2014. № 1(16). С. 122–127.

Левашиов Е. А. Словарь прилагательных от географических названий. М.: Рус. яз., 1986. 550 с.

Правила русской орфографии и пунктуации: полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М., 2011. С. 150–154.

Озтюрк Л. И. Региональный аспект в исследованиях адъектонимии современного русского языка // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 229–236.

Родионова И. В. Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2(10). С. 159–189.

Смольников С. Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 23–35.

Феоктистова Л. А. Лексика и фразеология с антропонимическим компонентом в говорах Поволжья // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: материалы междунар. науч.-практ. конф. 22–24 марта 2012 г. / под науч. ред. А. М. Мелерович. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. С. 259–261.

References

Berezovich E. L. Mestnye toponimy v svete derivatsionnoy i frazeologicheskoy semantiki [Local toponyms in the light of derivational and phraseological semantics]. *Yazyk i proshloe naroda: sbornik nauchnykh statey pamyati prof. A. K. Matveeva* [The people's language and past: collection of scientific articles in memory of Prof. Alexander K. Matveev].

Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2012, pp. 25–52. (In Russ.)

Berezovich E. L. Slavyanskije ottoponimicheskie nazvaniya zhiteley kak istochnik semanticheskoy derivatsii [The Slavic names of inhabitants derived from toponyms as a source of semantic derivation]. *XVI Mezhdunarodnyy s'ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiyskoy delegatsii* [XVI International Congress of Slavists. Belgrade, 20–27 August 2018. Papers of the Russian delegation]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2018, pp. 7–34. (In Russ.)

Varbot Zh. Zh. *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Research on Russian and Slavic Etymology]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012. 648 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Istoriya slov: okolo 1500 slov i vyrazheniy i bolee 5000 slov, s nimi svyazannykh* [The History of words: about 1,500 words and expressions and more than 5,000 words related to them]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Tolk Publ., 1994. 1138 p. (In Russ.)

Generalova E. V. O razvitiy znacheniy ottoponimicheskikh prilagatel'nykh v russkom yazyke (na primere istorii leksemy *moskovskiy*) [About semantic development of the adjectives formed from place names in the Russian language (at the example of the history of the word «Moscow» («Muscovite»)]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2016, issue 3, pp. 157–171. (In Russ.)

Kazakova E. V. *Vyatka i vyatchane v russkoy yazykovoy traditsii* [*Vyatka and Vyatkans in the Russian linguistic tradition*]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2011, issue 2(11), pp. 19–50. (In Russ.)

Kogan E. S. Imya sobstvennoe v dialektnom frazeologizme: etapy idiomatizatsii [Proper names in dialectal idioms: stages of idiomatization]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2014, issue 1(16), pp. 122–127. (In Russ.)

Levashov E. A. *Slovar' prilagatel'nykh ot geograficheskikh nazvaniy* [The Dictionary of adjectives derived from geographical names]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1986. 550 p. (In Russ.)

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii: polnyy akademicheskij spravochnik (razdel «Geograficheskie i administrativno-territorial'nye nazvaniya i proizvodnye ot nikh slova», § 177) [The rules of Russian orthography and punctuation: complete academic reference book (section “Geographical and administrative-territorial names and words derived from them”, § 177)]. Ed. by V. V. Lopatin. Moscow, 2011, pp. 150–154. (In Russ.)

Oztyurk L. I. Regional'nyy aspekt v issledovaniyakh ad'ektonimii sovremennogo russkogo yazyka [The regional dimension in the study of toponymic adjectives of the modern Russian language]. *Vestnik*

Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Chuvash University. Series of Humanities], 2008, issue 4 (16), pp. 229–236. (In Russ.)

Rodionova I. V. Kharakterologicheskie nominatsii antroponimicheskogo proiskhozhdeniya v russkikh narodnykh govorakh [Characterological nouns formed from anthroponyms In Russian dialects]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2005, issue 2 (10), pp. 159–189. (In Russ.)

Smolnikov S. N. Aktual'naya i potentsial'naya russkaya antroponimiya [Actual and Potential Russian Anthroponymy]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2005, issue 2(10), pp. 23–35. (In Russ.)

Feoktistova L. A. Leksika i frazeologiya s antroponimicheskim komponentom v govorakh Povetluzh'ya [Vocabulary and phraseology with anthroponymic components in the dialects of the region of Vetluga]. *Natsional'no-kul'turnyy i kognitivnyy aspekty izucheniya edinitis yazykovoy nominatsii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 22–24 marta 2012 g.* [National-cultural and cognitive aspects of studying units of language nomination: proceedings of international scientific-practical conference, 22–24 March 2012]. Ed. by A. M. Melerovich. Kostroma, Kostroma State University named after N. A. Nekrasov Press, 2012, pp. 259–261. (In Russ.)

COMPARATIVE STRUCTURES WITH A PERSONAL NAME AND AN ADJECTIVE DERIVED FROM A TOPONYM IN THE DIALECTS OF THE KOSTROMA REGION

Julia A. Krivoshchapova

Associate Professor in the Department of Philology of the Specialized Education and Research Center

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

30, Danily Zvereva st., Ekaterinburg, 620137, Russian Federation. insekt@yandex.ru

SPIN-code: 2680-6403

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3096-708X>

ResearcherID: Q-3496-2018

Lyubov A. Feoktistova

Associate Professor in the Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina prospekt, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation. l.a.feoktistova@urfu.ru

SPIN-code: 2851-9740

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6640-4815>

ResearcherID: T-7885-2017

Submitted 08.09.2018

The article deals with comparative structures found in the dialects of the Kostroma region which include a personal name and an adjective derived from an oikonym: *kak Dunya kasimovskaya* <like Dunya kasimovskaya> (< village *Kasimovo*) 'about an awkwardly dressed woman', *kak Fedya paryugskiy* <like Fedya paryugskiy> (< village *Malyi Paryug*) 'about a mad person', and so on. These idioms characterize a person whose behavior does not conform to the norms of the village (and not only) community (cf. *kak Sanya penomskaya* <like Sanya penomskaya> 'about a woman living away from other people'). These idioms are discussed in terms of their structure and semantics, as well as the functions and onomastic status of their constituents. The authors note that the comparison is not always explicitly expressed and can include different predicates (*Chto naryadilsya, kak Anis'ya klimovskaya?!* <Why are you **dressed up like** Anisya klimovskaya?>; *Anis'ya klimovskaya idet* <Anisya klimovskaya **is walking along**>). The personal name is often presented by a diminutive, the adjective is usually in the postposition. Particular attention is paid to the analysis of the semantic "behavior" of the personal name and the adjective. According to the authors, in comparative structures personal names in combination with adjectives derived from toponyms have the same semantic peculiarities as common derivatives of single personal names: dominance of the negative, diffusivity of meaning and/or polysemy, expressiveness. It is argued that such anthroponyms function as nomination-characteristics and are at the first level of semantic derivation and appellativization. However, the adjective is little exposed to semantic transformations within idioms. Its basic function of geo-referencing the object remains unchanged, which, to a certain extent, restrains appellativization of the anthroponym, thus reminding that the nomination is based on the comparison with a real person.

Key words: appellativization of proper names; proper name; personal name; adjective derived from a toponym; comparative structure; phraseological unit; semantic derivation; Kostroma dialects.

УДК 811.161.1'28

doi 10.17072/2037-6681-2018-4-43-52

К СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ПРОДОЛЖЕНИЙ ПРАСЛАВ. *bъdr-¹

Яна Владимировна Малькова

лаборант-исследователь топонимической лаборатории

кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620083, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. yana-malkova@list.ru

SPIN-код: 2391-6261

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

ResearcherID: P-8937-2018

Статья поступила в редакцию 09.09.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Малькова Я. В. К семантико-мотивационной интерпретации русских диалектных продолжений праслав. *bъdr- // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 43–52. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-43-52

Please cite this article in English as:

Malkova Ya. V. K semantiko-motivatsionnoy interpretatsii russkikh dialektnykh prodolzheniy praslav. *bъdr- [Continuants of the Pre-Slavic *bъdr- in Russian Dialects: Semantic and Motivational Interpretation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 43–52. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-43-52 (In Russ.)

Рассматриваются русские диалектные слова, восходящие к корню *bъdr-. Материал изучается с точки зрения мотивационных отношений, связывающих лексемы в гнезде. Ключевой, исходной для семантического развития слов, происходящих от *bъdr-, является идея жизненной энергии, полноты сил, активности, заключенная в значении праславянского корня. Анализируются в статье и лексемы, образующиеся в ходе дальнейшей деривации внутри гнезда. Спектр значений включает в себя наименования эмоций, предметов, качеств, общей оценки, физических и психологических характеристик, поведения, различных неспециализированных действий. Для сравнения привлекаются элементы близких по семантической структуре гнезд *vesel- и *dobr-. Сопоставление дает основание для подтверждения некоторых мотивационных моделей, а также позволяет сделать наблюдения о развитии семантики полноты жизненных сил в русских диалектах. Так, продолжения *vesel- и *bъdr- переключаются в обозначениях доброго расположения духа, высокой скорости действия, процессов брожения. Сходство *dobr- и *bъdr- наблюдается в обозначении общей положительной оценки, хорошего качества, здоровья и вегетативных сил. Отдельно автор останавливается на изучении семантико-мотивационного своеобразия влг. бодриться 'пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением', бодрый 'такой, кто отказывается от угощения, пренебрегает гостеприимством'. Внимание к этим лексемам обусловлено значимостью приведенных идеограмм в народном социуме: проявленная в гостях брезгливость, отказ от угощения расценивается как неуважение к хозяевам дома, проявление высокомерия.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; семантика; мотивология; этнолингвистика; этимолого-словообразовательное гнездо.

В статье будут рассмотрены русские диалектные лексемы, являющиеся элементами этимолого-словообразовательного гнезда **bьdrь(jь)*, с точки зрения мотивационных отношений, которые их связывают.

Данные многих диалектных словарей русского языка, а также факты, содержащиеся в неопубликованной полевой картотеке «Словаря говоров Русского Севера», свидетельствуют о том, что **bьdr-* имеет множество продолжений в русских говорах, которые развивают значения, не свойственные литературному языку.

Особое внимание будет нами сосредоточено на таких словах, как *бодриться* ‘пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением’, ‘пренебрегать общением или угощением, вести себя заносчиво’, *бодрый* ‘такой, кто отказывается от угощения, пренебрегает гостеприимством’ [КСГРС]. Они были записаны сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского университета в 2017 г. в ходе работы в Тотемском районе Вологодской области. Эти лексемы ранее не фиксировались, предположительно, в лексикографической литературе. Релевантность этих значений для семантического пространства диалектной лексики обусловлена существованием социальной регуляции приема пищи в традиционном обществе, в особенности в ситуации угощения (см. об этом: [Леонтьева 2012; Кабакова 2013: 17–23]). Проявление брезгливости в чужом доме, по данным языка, наносит личную обиду хозяевам дома и ведет к возникновению межличностных конфликтов (подробнее см.: [Малькова 2016: 90–91]). Таким образом, приведенные лексемы оказываются вписанными в круг диалектных фактов, связанных с функционированием традиционного общества, его взглядами и ценностями.

Остановимся на рассмотрении **основных мотивационных линий, представленных в гнезде.**

По мнению А. Е. Аникина, *бодрый* восходит к прасл. **bьdrь(jь)* со значением ‘бодрый, здоровый, смелый, бдительный’, а далее к и.-е. **bhudro-*, производному с суффиксом *-ro-* от **bheudh-*, которое продолжается в *бдеть*, *блюсти* [Аникин РЭС 3: 309–310].

По данным «Этимологического словаря славянских языков», прасл. **bьdrь(jь)* следует возводить к **bьdēti* как отглагольное прилагательное с суффиксом *-r-* [ЭССЯ 3: 111–112]. Этот глагол имеет такие продолжения, как др.-рус., рус.-цслав. *бьдѣти* ‘бодрствовать’, рус. стар. *бдеть* ‘проводить время без сна, бодрствовать’, ‘заботиться о ком-, чем-либо, наблюдать’ [там же: 109].

Первичные значения сохраняются в семантике лексем, маркирующих состояние бодрства:

литер. *бодрствовать*, алтай. *прободриться* ‘не спать ночью, гулять’ [СРГС 4: 24].

Идея бодрости (т. е. полноты жизненных сил, здоровья), таким образом, восходит к представлению о том, что человек не спит, а пребывает в состоянии активности. Это значение воплощается, например, в пск. *бодрый* ‘полный энергии, живости’: «Слишком была красивая девацка и бодрая, шустрая» [ПОС 2: 72]; смол. *бодрѣха* ‘бодрая энергичная женщина’: «Ну и бадрѣха ш ты! Ей уш пумирать скоро, а ина усѣ бадрицца, бегить» [ССГ 1: 204], *бодриться* ‘быть энергичной, бодрой’ [там же: 204–205], волог. *набодро* ‘бодро’ [СВГ 5: 20].

Вероятно, при развитии значения сыграло роль представление о том, что человек во время сна набирается энергии и по пробуждении чувствует себя особенно активным. Так, словари отмечают, что прасл. **bьdēti* родственно каузативному **buditi* (> рус. *будить*) [ЭССЯ 3: 109]. Значение пробуждения и нахождения в состоянии активности развивается также и у континуантов корня **bьdr-* в русских говорах: арх. *ободриться* ‘проснуться’ [СРНГ 22: 156–157].

Большинство семантических линий, развивающихся в рамках гнезда, связаны с идеей энергии и силы в различных проявлениях.

Наиболее близко в семантическом отношении к идее бодрости как наличия сил и энергии, по видимому, стоят лексемы, имеющие в своем значении сему ‘быстрый’. Например, это разнообразные номинации человека и животных, такие как пск. *бодряк*, *бодрак* ‘бодрый, резвый человек’ [ПОС 2: 72], пск. *бодрак* (удар?) ‘резвый мальчик’ [СРНГ 3: 56], смол. *бодрѣха* ‘резвое животное’ [ССГ 1: 204]. Сюда же примыкают слова со значением высокой скорости действия: брянск. *бодре* ‘быстро, поспешно’ [СБГ 1: 63].

В ходе семантического развития рождаются значения типа пск. *бодриться* ‘баловаться, шалить’ [ПОС 2: 72], арх. *бодрить* ‘шалить, озорничать’ [АОС 2: 46], пск. *бодряшка* ‘забияка, шалун’ [ПОС 2: 72]. Излишнее проявление подвижности, резвости расценивается как проказливое, хулиганское поведение, непослушание.

С другой стороны, наблюдение за быстротой реакций, резвостью движений того или иного человека обуславливает возникновение представлений о его соответствующих интеллектуальных качествах, таких как ловкость, сообразительность, изобретательность, предприимчивость: арх. *бодристой* ‘уверенный в себе, ловкий’ [АОС 2: 46], *бодряга* новг. ‘бодрый, бойкий (человек), хват’ [СРНГ 3: 58], пск. ‘бойкий человек’ [ПОС 2: 72], смол. *бодрѣха* ‘бодрая, ретивая женщина’ [СРНГ 3: 56].

Другой крупный семантический блок производной семантики – это обозначение веселья, задора. Идея жизненной энергии в данном случае понимается расширительно и связывается с добрым состоянием духа, внутренним оживлением, приподнятым настроением. Это может быть обозначение конкретных эмоциональных состояний, как в пск. *бодрённый*, *бодрущий* экспр. ‘веселый, общительный’ [ПОС 2: 72], Лит. ССР *разбодри́ть* ‘развлечь, развеселить’, *разбодри́ться* Лит. ССР ‘взбодриться, развеселиться’ [СРНГ 33: 265], смол. ‘развеселиться’ [ССГ 9: 82], яросл. *ободре́вать* ‘ободрять’ [ЯОС 7: 16]. С другой стороны, лексемы, созданные по этой мотивационной модели, могут обозначать и в целом жизненную позицию: арх. *бодруля* ‘веселая, жизнерадостная женщина’ [КСГРС].

Возникновение таких значений, вероятно, связано с тем, что прилив сил обыкновенно сопровождается повышением настроения, появлением весёлости. Приведенные значения вполне могли развиваться через ступень, связанную с обозначением энергичного выполнения работы: пск. *бо́дрость* ‘сильное увлечение работой, задор’: «В Тарафцэ фсё артёлем косят, пайдёш жать, так и разбирае тябя бо́драсть» [ПОС 2: 72]. Активный труд рождает определенный настрой, представления о котором воплощаются с помощью приведенной выше лексики.

Здесь стоит также обратить внимание и на другие комплексные значения, которые сочетают в себе обозначение физической активности и положительных эмоций: пск., твер. *бо́дер*, *бо́дра*, о ‘весел, резов’ [СРНГ 3: 57–58], новг. *бодрёный* ‘веселый, полный энергии’ [НОС: 49].

Поскольку первичная семантика связана с обозначением внутреннего состояния организма, то переход значения может осуществляться в этом же направлении. Семантика нахождения в состоянии активности в противоположность сну, наличия у человека сил и энергии служат мотивационным импульсом к появлению комплекса значений, связанных с обозначением крепкого здоровья. Это может быть указание непосредственно на внутреннее состояние организма, как в ср.-урал. *бодрящей*, *бодрящий* ‘бодрый, здоровый человек’ [СРГСУ/Д: 33], арх. *бодер* (удар.?) ‘сильный, здоровый’ [СРНГ 3: 57–58], брянск. *бо́дрость* ‘сила, здоровье’ [СБГ 1: 63], или же на особенности телосложения и внешнего вида: свердл. *бо́дрой*, *бо́дреной* ‘красивый, здоровый’ [СРГСУ 1: 48], арх. *бодряный* ‘бодрый, крепкий; дюжий, дебелий, здоровый; здоровый на вид’ [СРНГ 3: 58], калуж. *бо́дрый* ‘мужественный, крепкий’, пск., твер. *бо́дер*, *бо́дра* ‘крепок телом’ [там же: 57–58].

Идея накопления сил ярко реализуется в обозначении процесса взросления: ср.-урал. *бодрёт* ‘взрослеть, крепнуть’ [СРГСУ/Д: 33].

В причинно-следственные отношения вступают номинации напитков, которые получают наименование с помощью корня *-бодр-* благодаря их свойствам давать человеку энергию: перм. *бодряжка* ‘то, что придает бодрость; освежающий напиток’.

Лексему *бодряжка* без указ. места ‘народное блюдо из гречишной муки с простоквашей’ [СРНГ 3: 58] можно интерпретировать двояко. С одной стороны, вероятно, ее происхождение связано со способностью этого блюда наполнять человека энергией. С другой стороны, возможно предположить, что мотивационно значимым оказался признак брожения, который может быть обозначен с помощью корня *-бодр-*.

Для шуточных номинаций типа *бодряжка* краснояр. ‘водка’, перм. ‘вино, водка’, казан. ‘простое вино’ [там же], ворон. *бодрило* ‘водка’ [там же: 56] мотивационными импульсами послужили как семантика прилива сил, энергии, так и значения, связанные с веселым расположением духа.

Значение полноты сил может связываться с семантикой плодородия при характеристике урожая: яросл. *бо́дрый* ‘о семенах – хорошие, полные, свежие’ [ЯОС 2: 7], арх. *бодрой* ‘обильный, богатый, хороший (об урожае)’ [АОС 2: 46].

При семантическом развитии может актуализироваться идея полноты, изобилия, которая также заключена в продолжениях корня *-бодр-*, к примеру, новосиб. *набодри́ть* ‘положить друг на друга’: «Набодришь на тарелку много лепешек, кремом зальешь» [СРГС 2: 314]. Это слово уже демонстрирует предметное, «вещественное» значение, дающее существенный отход от семантики бодрости, и интерпретировать его позволяет только понимание общих закономерностей, организующих смысловое пространство изучаемого гнезда.

Сочетаясь с номинациями предметов, континуанты изучаемого корня дают семантику хорошего качества, прочности, неизношенности: арх. *бодряный* ‘неизношенный, крепкий’ [СРНГ 3: 58], арх., олон. *боде́р* ‘крепок (об одежде)’: «Пониток-то на тебе бодёр еще» [там же: 57–58], ‘о вещи, хорош, цел, крепок, прочен, годен’: «Кафтан-от бодёр ещо» [Даль I: 260]. Глаголы в последнем случае приобретают значение воздействия на какой-либо объект с целью улучшения его качества: ср.-урал. *бодри́ть* ‘поправлять, пытаться сделать лучше’ [СРГСУ/Д: 33], *подбодри́ть* волог. ‘заменить, обновить’ [СВГ 7: 87], ср.-

урал. 'придать более красивый вид, подновить': «Лавка старая, подбодрил» [СРГСУ/Д: 415]. Вероятно, сюда следует включить и орл. *бодрік* 'холстинное кольцо, накладываемое на голову для того, чтоб выше стояла сорока (верхний головной платок) и кичка' [СРНГ 3: 56]. Эта деталь, по всей видимости, «ободряет» головной убор.

Ряд лексем из гнезда **bъdr-* связан с номинациями психологических черт человека и его эмоциональных состояний.

Комплекс лексем с корнем *-бодр-* может употребляться для обозначения смелого человека, к примеру, пск. *бо́дрый* 'храбрый, смелый' [ПОС 2: 72], астрах. *бо́др* 'смелый' [СРНГ 3: 57–58], брянск. *бо́дрый* 'полный сил, деятельности; храбрый' [СБГ 1: 63], его поведения (пск. *забо́дриться* 'освоиться, осмелеть' [ПОС 11: 25]), стремления придать соответствующий настрой духа, как в арх. *бодрить* 'подбадривать себя, храбриться, хорохориться' [АОС 2: 46], пск. *бодриться, бодряться* 'стараться проявить бодрость; храбриться' [ПОС 2: 72], или же абстрактного качества (пск. *бо́дрость* 'храбрость, смелость' [там же]).

Вероятно, значение 'храбрый, смелый' связано с существовавшим в древнерусском языке комплексным значением *бъдрѣствовати* 'бодрствовать; быть бдительным', *бъдрый* 'бодрствующий, бдительный' [СлРЯ XI–XVII 1: 270]. Как отмечают М. А. Бобрик и Д. Я. Калугин, «в древнерусской письменности церковнославянский топоним *бодрый дух* находил реализацию в двух основных контекстах – воинском и монашеском. Бодрствование подразумевало активное, деятельное начало и понималось при этом как синоним мужества в борьбе с врагом, в христианском контексте – дьяволом и грехом» [Бобрик, Калугин 2016: 347]. Таким образом, можно предполагать выделение значения храбрости из синкретичной семантики активности, смелости, бдительности, которая актуализировалась при обозначении борьбы.

Значение пск., твер. *бо́дер* 'опрометчив' [Даль I: 260] образуется от значения 'храбрый', когда излишнее проявление смелости расценивается как поспешная решительность, бездумное отсутствие страха перед опасностью.

Вероятно, обозначение арх. *бодрить* 'сердить, злить' [АОС 2: 46] связано с идеей сильного эмоционального воздействия. Семантическое развитие в таком случае, по-видимому, шло в следующем направлении: 'придавать силы, веселить' → 'вызывать сильные эмоции' → 'сердить, злить'.

Возможно, что с рассмотренной выше лексемой энантиосемичными отношениями связаны

слова *взба́дривать* экспр. хакас. 'бить, наказывать, сечь' [СРГС 1: 145], ср.-урал. 'бить' [СРГСУ 1: 77], свердл. *навзба́дривать* 'избить кого-либо' [СРНГ 19: 163]. Однако в большей степени представляется, что данные слова являются самостоятельными образованиями, несущими семантику воздействия на человека с целью отрезвления, возвращения к адекватному восприятию действительности.

Семантика бодрости может интерпретироваться как состояние организованности, психологической готовности, как в новосиб. *подбодриться* 'собратиться' [СРГС 3: 281].

В целом, нужно отметить, что как этимологически первичная семантика, так и большинство рассмотренных производных значений обладают положительными коннотациями. Это позволяет развиваться сугубо оценочной семантике одес. *бо́дро* 'хорошо' [СРГО I: 43].

Оценочные значения, в свою очередь, с помощью актуализации коннотативных сем в ходе переноса значения формируют единичные лексемы с различной положительной семантикой типа новосиб. *подбодрить* 'положить что-либо так, чтобы было удобнее пользоваться' [СРГС 3: 281] и сев. *ободронушка* 'полное довольство; нега' [СРНГ 22: 157].

Особого внимания заслуживают элементы изучаемого гнезда с семантикой **брезгливости, пренебрежения**, которые стоят особняком среди «психологических» значений изучаемого корня. Эти слова отмечены Топонимической экспедицией УрФУ в Тотемском районе Вологодской области: *бо́дриться* 'пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением', 'пренебрегать общением или угощением, вести себя заносчиво': «Не бо́дрись, ешь до отвороту», *побо́дриться* 'побрезговать, пренебечь угощением', *бо́дрый* 'такой, кто отказывается от угощения, пренебрегает гостеприимством': «Чего бо́дришься, не ешь? Хлеба не поела, побо́дрилась. Бо́рых гостей-то не любили», *небо́дрый* 'такой, кто не пренебрегает гостеприимством': «Бо́дрится иной раз гостя, ты ей пирога, а она не ест. Ты вот небо́драя гостя, хорошо поела» [КСГРС]. На той же территории зафиксированы близкие значения заносчивости, высокомерия: *бо́дриться* 'вести себя заносчиво', 'отказываться от еды', *бодриться* 'высокомерно насмехаться' [там же].

Приведенные значения кажутся достаточно поздним образованием на фоне этимологической семантики корня **bъdr-*.

Как кажется, непосредственным мотивационным импульсом для формирования семантики

брезгливости стало значение ‘отказываться от еды’. В традиционной культуре отказ от еды обыкновенно воспринимается как проявление брезгливости, высокомерия, как личное оскорбление, нанесенное хозяевам дома, – поэтому следующей ступенью могло выступать значение ‘вести себя заносчиво’. Так, цепочку семантического развития можно реконструировать следующим образом: ‘отказываться от еды’ → ‘вести себя заносчиво’ → ‘пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением’.

В лексикографической литературе также находим принадлежащие к гнезду *bьdr- лексемы с семантикой высокомерия: волог. *бодриться* ‘кичиться, чрезмерно гордиться, превозноситься’: «Всё бодритесь, не едите моего хлѣ-то» [СВГ 1: 35], волог. *бодѣр, бодра, о* ‘спесив, чванлив, ломлив’ [СРНГ 3: 57–58], смол. *бодрость* ‘заносчивость, зазнайство’ [ССГ 1: 205].

Модель, указывающая на представление о высокомерии, заносчивости брезгливого человека, обладает продуктивностью в русских говорах. Приведем некоторые примеры лексем, где представление о спеси заключено уже на уровне внутренней формы: влад., яросл. *спесивиться* ‘брезговать’ [СРНГ 40: 135], перм. *спесивый* ‘брезгливый’ [СПГ 2: 382] ← *спесивый* ‘высокомерный, надменный’; помор. *цьвѣнной* ‘брезгливый’ [Дуров 2011: 436] ← *чванный* ‘спесивый, тщеславный’; смол. *гордаты, гордиться* ‘брезгать, гнушаться’ [ССГ 3: 55–56], *погордиться* арх. ‘побрезговать’ [СРНГ 27: 307–308].

В русских диалектах также встречаем примеры комплексных значений, сочетающих семантику брезгливости и чрезмерного самомнения: яросл. *покухнѣться* ‘пренебречь чем-, кем-л. из чувства высокомерия, заносчивости, отвращения и т. п.; погнушаться’ [ЯОС 8: 47], яросл. *перемѣтина* ‘чванливый, брезгливый человек’ [ЯОС 7: 96], сев.-зап., пск. *гордовѣть* ‘вести себя заносчиво, пренебрегать, гнушаться кем-либо’ [СРНГ 7: 28].

В то же время, вероятно, комплекс слов с семантикой высокомерия может мотивировать появление лексемы арх. *бодрый* ‘церемонный’ [СРНГ 3: 57–58].

Теперь обратимся к «левой мотивации»² принадлежащей к гнезду *bьdrъ(jь) лексики с семантикой высокомерия: смол. *бодриться* ‘гордиться, зазнаваться’ [ССГ 1: 204–205], твер. *бодер* (удар.?) ‘горд, самонадеян’ [СРНГ 3: 57–58], смол. *бодрость* ‘заносчивость, зазнайство’ [ССГ 1: 205]. Предполагаем, что данные значения происходят от лексем со значениями волог. *бодрить, бодрить* ‘идти мерным шагом, навязать» [СРНГ 3: 56], арх. *бодѣр* ‘мужествен, осан-

нист’ [там же: 57–58]; морд. *бодрый* ‘стройный, осанистый’ [СРГМ 1: 36]. Подобный переход представляется возможным ввиду существования представлений о модели поведения высокомерного человека: осознавая свое превосходство над другими, он ходит прямо, неспешно, с высоко поднятой головой (ср. перм., ср.-урал. *вздыморылить* ‘заноситься, задаваться, важничать’ [СРНГ 4: 262], перм., урал. *здыморыл* ‘человек с большим самомнением, гордец, зазнайка’ [СРНГ 11: 239]), может упереть руки в бока (ср. иркут., том. *подбодряться, подбодриться* ‘подбочениться’ [СРНГ 22: 156], новосиб. *подбодриться* ‘принять гордую, независимую позу; подбочениться’ [СРГС 3: 281])³.

В свою очередь, возможность обозначения осанки, особой выправки с помощью продолжений корня *-бодр-* обусловлено выделяющимся внешним видом здорового, полного сил человека.

На территории Русского Севера бытует также ряд лексем, которые могут иметь связи с рассмотренными выше, а именно группа лексики, обозначающая хорошо одевающихся людей, которые следят за своим внешним видом. Во-первых, это слова, называющие щеголей и щегольское поведение: арх. *бодруня* ‘хорошо одевающаяся женщина, модница’ [АОС 2: 46], влг. *бодруня* ‘щеголиха’ [СВГ 1: 35], волог. *бодруха* ‘то же’ [СРНГ 3: 57], арх. *бодрить, бодриться* ‘модничать’ [АОС 2: 46]. Во-вторых, это лексика, именующая нарядных людей и их действия: арх. *бодрой* ‘нарядный’ [там же], *бодрый* волог. ‘нарядный’ [СВГ 1: 35], арх. ‘красивый, нарядный’ [СРНГ 3: 57–58], *бодро* сев.-двин., волог. ‘красиво’ [там же: 57], арх. ‘нарядно, красиво’ [АОС 2: 46], арх. *бодруля* ‘хорошо одевающаяся, аккуратная женщина’ [КСГРС], арх. *бодриться* ‘нарядиться, прихорашиваться’ [СГРС 1: 131], волог. *бодриться* ‘нарядиться, хорошо, нарядно одеваться’ [СВГ 1: 35], арх. *выбодриться* ‘одеть красивую одежду, нарядиться’ [АОС 7: 106], арх. *забодриться* ‘начать прихорашиваться’ [СГРС 4: 12], смол., сев.-двин., новг., курск., ряз. *набодриться* ‘нарядиться’ [СРНГ 19: 122]⁴.

Связь между обозначениями нарядных и брезгливых людей вполне естественна, поскольку она отражает наблюдения за поведением щеголей, которые, с одной стороны, гордятся своим внешним видом, отличаясь от остальных людей, могут вести себя высокомерно, хвастливо, ср., например, тобол. *выбодриться* ‘принять форсистый, франтовый вид’: «Эк, ведь выбодрилась... и ногу отставила» [СРНГ 5: 247], орл, ворон. *пободриться* ‘пощеголять, пофорситься’ [СРНГ 27: 199], а также смол. *пободриться* ‘покрасоваться’

[ССГ 8: 89]. В таком случае линия мотивационного развития выглядит следующим образом: 'щеголь' → 'высокомерный человек' → 'брезгливый человек', 'нарядяться' → 'вести себя высокомерно' → 'брезговать'.

С другой стороны, нельзя не отметить, что франты, щеголи, одеваясь нарядно, неподходяще для выполнения крестьянской работы, могут чураться повседневных обязанностей, брезговать грязной работой, что отражается в лексической семантике: смол. *бодрый* 'нарядный; праздничный': «У будинь день ндывали хвэртучок свойский, сами ткали с пылытна. У празники ндывали бодрый хвартук. Яго дельли с шерсти, с сиццу» [ССГ 1: 205–206].

Если возвращаться к «левой мотивации» рассмотренных лексем, то думается, что формирование семем 'нарядный человек', 'нарядный', 'нарядяться' происходило от семантики бодрости. Так, возможно предположить семантический переход 'бодрить, придавать сил, веселить' → 'делать красивым, придавать чему-л. лучший вид' → 'нарядять, прихорашивать' на основе актуализации сем 'весёлый', 'радостный' в результате сходства полученных впечатлений.

Представляется, развитие семантики шло именно через промежуточное звено 'красивый', 'красиво', 'делать красивым', поскольку эти значения менее специализированы и также представлены в русских говорах: смол. *бодрый* 'красивый, эффектный', 'красивый, приятный на вид' [ССГ 1: 205–206], смол. *бодрость* 'красота' [там же: 205], новосиб. *набодрить* 'украсить кого-либо или что-либо' [СРГС 2: 314], а также ряз. *подбодрить* 'придать чему-л. лучший вид (сделать наряднее, чище и т. п.)' [СРНГ 27: 340], смол. *бодрить* 'приводить в порядок, прибирать' [ССГ 1: 204].

Для того чтобы ввести семантику продолжений изучаемого гнезда в типологический контекст, обратимся к **мотивационным параллелям *bьdr-** (словам других гнезд, развивающих сходные значения).

Спектр производных значений, обнаруженных в гнезде с вершиной *бодрый*, перекликается с мотивационными линиями, связывающими продолжения корней с семантикой жизненной силы, полноты, – *vesel-, *dobr-.

Об этимологической семантике корня *vesel- можно судить, исходя из того, что его продолжения обозначают новое, рождающееся, процветающее, полное сил (см. об этом в исследовании Н. И. Толстого и С. М. Толстой: [Толстая 2008: 252–274]), что коррелирует с семантикой корня *bьdr-.

В гнезде *veselь(jь) находим семантико-мотивационные параллели⁵ к континуантам корня *bьdr-:

1) обозначение доброго, радостного расположения духа, ср. арх., ленингр., вят., перм., свердл., том., алт. *весельство* 'веселье; радостное настроение; развлечение, увеселение' [СРНГ 4: 182], север., вят., калуж. *взвеселяться* 'делаться веселым, веселиться' [там же: 249] и *разбодриться* Лит. ССР 'взбодриться, развеселиться' [СРНГ 33: 265], смол. 'развеселиться' [ССГ 9: 82];

2) номинация процессов брожения, ср. *веселить* киров. 'заквашивать (о молоке)', ворон. 'класть хмель в пиво, брагу для брожения' [СРНГ 4: 179], *навеселивать* волог., сев.-двин., арх. 'усиливать брожение пива путем добавления дрожжей, хмеля', вят., Бурят АССР 'добавлять муки в квасную гущу', Бурят. АССР 'месить (тесто)' [СРНГ 19: 160] и без указ. места *бодряжка* 'народное блюдо из гречишной муки с простоквашей' [СРНГ 3: 58];

3) наименования, связанные с действием спиртных напитков, ср. амур., ряз. *веселуха* 'водка' [СРНГ 4: 180], яросл. *весёлые капли* 'то же' [там же: 181] и ворон. *бодрило* 'водка' [СРНГ 3: 56];

4) обозначения высокой скорости действия: казан. *весёлый* 'быстрый, скорый' [СРНГ 4: 181], казан. *веселó* 'быстро' [там же: 180] и брянск. *бодре* 'быстро, поспешно' [СБГ 1: 63].

При этом, конечно, стоит отметить, что спектр значений в гнезде *veselь(jь) не исчерпывается приведенными и значительно отличается от продолжений корня *bьdr-. Так, в частности, среди рефлексов *vesel- значительную часть занимают лексемы с культурной семантикой. С. М. Толстая и Н. И. Толстой, которые исследовали круг значений производных от *vesel- слов в контексте традиционной обрядности и фольклора, отмечают, что «могут быть выделены следующие основные семантические сферы, в которых представлена семантика и символика веселья: 1. рождение и Рождество, 2. весна и весенние праздники, 3. свадьба, 4. смерть, 5. светила и стихии» [Толстая 2008: 252–253]. Семантический охват может быть расширен, если обратиться к сфере бытовых значений континуантов *vesel-. Помимо приведенных выше лексем, это обозначения объектов природного мира (птиц, рыб, животных, растений), метеорологических явлений, различных праздников, соответствующих черт характера. Однако большинство из них так или иначе оказываются связанными с исходной семантикой полноты жизненной энергии.

Мотивационные параллели к моделям, представленным в гнезде *bъdr-, находим в гнезде с вершиной *dobrъ(jь).

Наметим основные совпадения в спектре значений составляющих двух гнезд:

1) обозначение общей положительной оценки, ср. *добряцкий* тюмен., тобол. 'хороший, добрый': «Этот конь добряцкий», «Добряцкий мужик-от, хозяйственный», перм. 'очень хороший' [СРНГ 8: 80–81], перм. *добрятко* 'очень хорошо' [там же: 80] и одес. *бóдро* 'хорошо' [СРГО I: 43];

2) номинация явлений и продуктов хорошего качества, ср. том. *доброта* 'хорошее качество чего-либо' [СРНГ 8: 78–79], без указ. места *сдобреть* 'стать добротнее (о вещи)' [СРНГ 37: 76] и арх. *бодряный* 'неизношенный, крепкий' [СРНГ 3: 58];

3) обозначение здоровья, сил, ср. пск., твер. *подобреть* 'стать здоровее, сильнее; окрепнуть' [СРНГ 28: 108], казаки-некрасовцы *недобрый* 'больной, нездоровый' [СРНГ 21: 15–16]⁶ и брянск. *бóдрость* 'сила, здоровье' [СБГ 1: 63];

4) обозначение плодородия, вегетативных сил, ср. новосиб. *подобреть* 'вырасти (о растениях)': «Подобреет в июле, что посеяно, вырастет. Подобреет, вырастет все» [СРНГ 28: 108]⁷ и арх. *бодрой* 'обильный, богатый, хороший (об урожае)' [АОС 2: 46];

5) номинации на основе семы интенсивности, ср. курск. *дóбре*, том. *добрé* 'много' [СРНГ 8: 75] и новосиб. *набодри́ть* 'положить друг на друга': «Набодришь на тарелку много лепешек, кремом зальешь» [СРГС 2: 314].

Взаимодействие продолжений *vesel- и *bъdr- осложняется возможностью контаминаций ввиду формально-семантического сходства корней. Приведем некоторые примеры.

Возникшими в результате контаминации представляются слова пенз. *доброта́* 'ретивость (о лошади)' [СРНГ 8: 78–79], *добрить* 'бодрить, погонять (лошадь)' [там же: 76]. Эти лексемы по своему семантическому наполнению ближе к *bъdr-. Кроме того, нужно отметить, что корень *dobr-, в отличие от *bъdr- (примеры см. выше), не развивает в русских диалектах семантику высокой скорости действия.

Еще один яркий пример развития контаминационных процессов: калуж. *бодрохóд* 'нечистая сила' [СРНГ 3: 57] < калуж., смол., орл. *доброхóт* 'бранное слово: черт, дьявол' [СРНГ 8: 79]. Последний является эвфемистическим наименованием нечистой силы⁸.

Скажем, наконец, и о том, что, несмотря на большое число совпадений в семантическом развитии продолжений *bъdr- и *dobr-, последнее

гнездо отличается набором значений. Не претендуя на исчерпывающую полноту описания, очертим основной семантический круг: это обозначение положительных свойств характера, таких как доброта, ум, радушие, гостеприимство, щедрость, и действий людей, обладающих этими чертами, к примеру, помощь другим, проявление нежности и т. д. Продолжения *dobr- могут быть связаны с идеей наполнения жизненными силами, откуда появляются значения 'кормить', 'улучшать вкус, питательные свойства пищи', 'потолстеть'. В гнезде присутствуют также наименование имущества, временные значения, семантика, связанная со свадебным обрядом, а также эвфемистические номинации.

Подытоживая вышесказанное, можно отметить, что развитие значений внутри гнезда -*бодр*- первоначально исходило из заключенной в этимологической семантике корня ключевой мысли о жизненной энергии, активности. Большинство семантических переходов происходило с ориентацией именно на эту идею. Меньшее число лексем появилось в ходе дальнейшей деривации внутри гнезда⁹.

Идея полноты сил дает широкий семантический спектр разнообразных номинаций. Семантика бодрости служит непосредственным импульсом к формированию обозначения эмоций (веселье), предметов и объектов действительности (еда, напитки), качеств (быстрый, полный, свежий, обильный, крепкий, прочный), физических (здоровый, сильный, красивый, мужественный, энергичный, осанистый) и психологических (общительный, жизнерадостный, деятельный, храбрый) характеристик, поведения (подбоchenиться), общей оценки (хороший, красивый), различных неспециализированных действий (положить друг на друга, собраться).

В ходе дальнейшей семантической деривации появляются номинации эмоций (злить; задор, довольство), качеств (поспешный), черт характера (уверенный в себе, ловкий, опрометчивый), поведения (баловаться, пренебрегать гостеприимством, брезговать угощением, вести себя заносчиво, отказываться от еды, наряжаться), неспециализированных действий (бить, наказывать; положить что-либо так, чтобы было удобнее пользоваться).

Анализ мотивационных параллелей, представленных в гнездах *veselъ(jь) и *dobrъ(jь), подтверждает выделение некоторых линий развития значения продолжений *bъdr-, указывает на особенности семантического развития идеи полноты жизненных сил.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

² По терминологии С. М. Толстой, «левая» мотивация» представляет собой воплощенные в лексике поля мотивационные модели [Толстая 2008: 192–193].

³ Ср. также размышления О. А. Кузнецовой о том, что в мировосприятии носителя традиционной культуры, по данным языка, гордый человек «держит себя прямо, величаво, его движения неторопливы и спокойны», он обладает «определенной осанкой, постановкой головы»... свад. *постатный* 'горделивый, красивый (о походке)' [СРНГ, вып. 30, с. 216]; костром., перм., твер. глагол *осаниться* 'принимать гордый, надменный вид' [СРНГ, вып. 23, с. 352]...» [Кузнецова 2015: 144–145].

⁴ Отметим при этом, что данная семантика существует гораздо шире: смол. *бодрун* 'нарядно одетый человек; франт' [ССГ 1: 205], *бодрый* перм., иван., свердл., тюмен., ряз. 'нарядно, шеголевато, по-праздничному одетый; расфранченный', смол. 'красивый, нарядный' [СРНГ 3: 57–58], перм. 'нарядный, красивый, праздничный' [СПГ 1: 44], хакас., тюмен. 'то же' [СРГС 1: 76], бурят., новосиб., хакас. *выбодряться* 'наряжаться; принимать франтовый вид' [там же: 193], омск. *выбодренный* экспр. 'нарядный' [там же], *набодриться* смол., новг., курск. 'нарядиться' [СРНГ 19: 122], карел. 'то же' [СРГК 3: 293].

⁵ См. о понимании семантико-мотивационных параллелей как «лексических рядов, демонстрирующих сходные модели смыслового развития слов, в рамках которого воспроизводится как собственно переход значения, так и его мотивация», [Березович 2014: 13].

⁶ Для данной леммы мы исходим из противоположного значения.

⁷ Сюда же с некоторой долей условности можно отнести свердл. *добрить* 'удобрять, вносить удобрения в почву' [СРНГ 8: 76], прииртыш., новосиб. *одобрять* 'то же' [СРНГ 23: 57], карел. *удобрьё* 'удобрение' [СРНГ 46: 305].

⁸ Исследователи указывают также на ритуальную функцию веселья как способа «предотвращения действий потусторонних, смертоносных или нечистых сил» [Толстой 1995: 347]. См. об этом подробнее: [Толстой 1995; Толстая 2008: 267–268].

⁹ Отметим также и то, что нами не были охвачены единичные факты, которые на данном эта-

пе исследования представляются темными: арх. *бодрёнка* 'растение с полым стеблем, части которого употреблялись в пищу' [КСГРС], тамб. *бодренник* [удар.?] 'растение из рода полыней, *Artemisia Abrotanum*' [СРНГ 3: 56], без указ. места *бодрянка* 'растение *Argelica Archangelica* L., ныне *Archangelica officinalis* Moenih., сем. зонтичных, *Umbelliferae*' [там же: 58].

Список источников

Аникин РЭС – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак: Нестор-История, 2007–. Вып. 1–.

АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909. Т. I–IV.

КСГРС – *карто́тека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

НОС – *Новгородский* областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

ПОС – *Псковский* областной словарь с историческими данными / под ред. А. И. Лебедевой [и др.]. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та; СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

СБГ – *Словарь* брянских говоров / под ред. В. А. Козырева, В. И. Чагишевой. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976–. Вып. 1–.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СлРЯ XI–XVII – *Словарь* русского языка XI–XVII вв.: в 28 вып. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М.: Наука, 1975–2008.

СРГМ – *Словарь* русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2013. Ч. I. С. 1–672. Ч. II. С. 673–1560.

СРГС – *Словарь* русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Фёдорова; сост. Н. Т. Бухарева [и др.]. Новосибирск: Наука, 1999–2006.

СРГСУ/Д – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССГ – *Словарь* смоленских говоров: в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск: СГПИ/СГПУ, 1974–2005.

ЭССЯ – *Этимологический словарь* славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

ЯОС – *Ярославский областной словарь*: в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1990.

Список литературы

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.

Бобрик М. А., Калугин Д. Я. «Бодрый наш народ»: семантика бодрости в контексте русской национальной идеи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 9: История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова / гл. ред. А. М. Молдован; отв. ред. вып. А. А. Пичхадзе, Ю. В. Кагарлицкий. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2016. С. 340–357.

Кабакова Г. И. Концепт чести в ритуале гостеприимства // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Lublin, 2013. № 25. S. 17–28.

Кузнецова О. А. Лексико-семантическое поле «Гордость»: мотивационно-генетический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Томск: 2015. 359 с.

Леонтьева Т. В. Социорегуляция приема пищи в зеркале русской диалектной лексики // *Язык и культура*. 2012. № 2. С. 27–43.

Малькова Я. В. Мотивационное своеобразие русской диалектной лексики со значениями 'брезговать', 'гнушаться', 'пренебрегать' // *Научный диалог*. 2016. № 2(50). С. 89–101.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Толстой Н. И. Веселье // *Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого*. М.: Междунар. отн., 1995. Т. 1. С. 346–348.

References

Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary in the general

Slavic context: semantic and motivational reconstruction]. Moscow, Russian Foundation for Education and Science Publ., 2014. 488 p. (In Russ.)

Bobrik M. A., Kalugin D. Ya. 'Bodryy nash narod': semantika boдрosti v kontekste russkoy natsional'noy idei ['Our Cheerful People': Semantics of cheerfulness in the context of the Russian national idea]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 9. Istoriya russkogo yazyka i kul'tury. Pamyati V. M. Zhivova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. Vol. 9. History of the Russian Language and Culture. In memoriam Viktor M. Zhivov]. Ed. by A. M. Moldovan, A. A. Pichkhadze, Yu. V. Kagarlitskiy. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 340–357. (In Russ.)

Kabakova G. I. Kontsept chesti v rituale gostepriimstva [The Russian concept of ČEST' in the ritual of receiving guests]. *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury* [Ethnolinguistics. Problems of Language and Culture], 2013, issue 25, pp. 17–28. (In Russ.)

Kuznetsova O. A. *Leksiko-semanticheskoye pole «Gordost'» motivatsionno-geneticheskij aspekt*. Diss. kand. filol. nauk [Lexical-semantical field 'Pride', motivational and genetic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2015. 359 p. (In Russ.)

Leont'eva T. V. Sotsioregulyatsiya priema pishchi v zerkale russkoy dialektnoy leksiki [Social Regulations of Eating Through the Prism of Russian Dialect Vocabulary]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2012, issue 2, pp. 27–43. (In Russ.)

Mal'kova Ya. V. Motivatsionnoe svoeobrazie russkoy dialektnoy leksiki so znacheniyami 'brezgovat', 'gnushat'sya', 'prenebregat' [Motivational Peculiarity of Russian Dialect Lexis with Meanings 'to Be Fastidious', 'to Shrink', 'to D disdain']. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2016, issue 2 (50), pp. 89–101. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshch斯拉vianskoy perspective* [The Space of a Word. Lexical Semantics in General Slavic Perspectives]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 528 p. (In Russ.)

Tolstoy N. I. Vesel'e [Fun]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: The ethnolinguistic dictionary]. Moscow, International Relations Publ., 1995, vol. 1, pp. 346–348. (In Russ.)

CONTINUANTS OF THE PRE-SLAVIC *BЪDR- IN RUSSIAN DIALECTS: SEMANTIC AND MOTIVATIONAL INTERPRETATION

Yana V. Malkova

**Research Assistant in the Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication**

Ural Federal University named after First President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenina prospekt, Ekaterinburg, 620083, Russian Federation. yana-malkova@list.ru

SPIN-code: 2391-6261

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

ResearcherID: P-8937-2018

Submitted 09.09.2018

The present article deals with Russian dialect words originating from the root **bъdr-*. The material is analyzed in terms of motivational relationships between lexemes within the word family. The study shows that the key idea, which was an original one for the semantic development of the words from the root **bъdr-* and is contained in the etymological meaning of the pre-Slavic root, is the idea of vital energy, force, activity. The article also refers to some lexemes which were formed during the further derivation inside the word family. The scope of meanings include emotions, objects, qualities, general appraisal, physical and psychological characteristics, behavior, different non-specialized actions. The continuants of the semantically related roots **vesel-* and **dobr-* are compared with the root in question. This comparison gives grounds for corroboration of some motivational models, as well as allows us to make some conclusions about the development of semantics of vital force plenitude in Russian dialects. For example, continuants of **vesel-* and **bъdr-* are traced in the nominations of good mood, high speed of action and process of fermentation. The resemblance of **dobr-* and **bъdr-* can be noted in general positive assessment, good quality, health and vegetative force. The author pays particular attention to the semantic and motivational peculiarities of the verb *bódritysya* ‘to neglect hospitality, to be squeamish about food’, and the adjective *bódryy* ‘about a person who refuses to eat, neglecting the hospitality’ (the Vologda region). The attention to these lexemes is due to their importance for ordinary folk: squeamishness and refusal to eat are regarded as disrespect towards the hosts, a sign of arrogance.

Key words: Russian dialect vocabulary; semantics; motivation; ethnolinguistics; etymological and morphological word family.

УДК 81'276+81'374.26]: 796
doi 10.17072/2037-6681-2018-4-53-58

СЛОВАРЬ СОЦИОЛЕКТА СНОУБОРДИСТОВ

Екатерина Игоревна Маштакова

соискатель кафедры теоретического и практического языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. astra.kate@bk.ru

SPIN-код: 1110-1883

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9049-8898>

ResearcherID: I-5296-2018

Статья поступила в редакцию 14.05.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Маштакова Е. И. Словарь социолекта сноубордистов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 53–58. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-53-58

Please cite this article in English as:

Mashtakova E. I. Slovar' sotsiolekta snoubordistov [The Dictionary of Snowboarders' Sociolect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 53–58. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-53-58 (In Russ.)

Рассматриваются особенности социолекта сноубордистов. Подобно тому как субкультура является подсистемой культуры, социолект формируется на базе лексических систем языкового кода и других субкодов. Так, в основе социолекта сноубордистов лежит лексика литературного языка, молодежного социолекта, горнолыжного социолекта и социолекта альпинистов. В результате многочисленных заимствований лексемы приобретают дополнительные коннотации, которые не всегда очевидны для широкого круга людей. Решение проблемы – создание наиболее полного словаря социолекта сноубордистов, в который войдут специфические лексемы и их дефиниции. Сбор материала проходил путем включенного наблюдения в естественной для сноубордистов среде – на горнолыжных склонах, на сноубордических соревнованиях, на премьере сноубордического фильма. Параллельно жаргонные единицы вычленились методом сплошной выборки из текстов тематических интернет-ресурсов. Чтобы подтвердить собранные данные, среди сноубордистов г. Перми был проведен социолингвистический эксперимент, в ходе которого информантам предлагалось написать как можно больше слов, которые, как им кажется, относятся к сноубордическому жаргону. В результате получено порядка 200 лексем, осмысляемых самими сноубордистами как жаргонные. Среди них были обнаружены термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, описывающие качество снега, уровень катания, снаряжение, трюки, элементы ландшафта и фигуры, исполнителя и стиль катания. Эти элементы составили корпус словаря социолекта сноубордистов, который на данный момент является наиболее объемным среди всех известных автору настоящей статьи.

Ключевые слова: культура; субкультура; социолект; сноубордисты; словарь.

В сознании каждого человека формируется уникальная картина мира, структуру которой определяют его биологические, психологические и социологические особенности. Многообразие вариантов отражения действительности неизбежно порождает сходства: люди с идентичными взглядами создают субкультурные объединения.

Понятие субкультуры тесно связано с понятием культуры как господствующей этической, эстетической, мировоззренческой системы [Ще-

панская 2003]. В середине XX в. все, что выходило за пределы элитарной культуры, лишалось культурного статуса, и термин субкультура обозначал явления, воспринимавшиеся как не- или вне-культурные. Английская приставка sub- (англ. 'под-') обозначала «скрытые, неофициальные культурные пласты, подстилающие “дневную поверхность” господствующей культуры. Это понятие использовалось в ряду таких, как subterranean culture (подземная культура) и underground (подполье)» [Щепанская 2003: 27].

Современные исследователи отмечают тенденцию «перехода от “контркультурной субкультуры” к субкультуре как способу самореализации» [Гаранович 2013: 33]. Подчеркивается, что «на современном этапе развития общества члены различных субкультурных объединений стремятся скорее к самоидентификации, самовыражению, нежели к противопоставлению себя общей культуре» [Павлова 2013: 86]. Понятие субкультуры стало использоваться для определения подсистемы культуры, которая раскрывает мультикультурный характер современного общества.

Согласно современной точке зрения, субкультура – это «особая сфера культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся особым ценностным строем, обычаями, нормами» [Гуревич 1998: 236]. Такое понимание субкультуры (как культурной подсистемы) подразумевает ее самостоятельность: субкультура формируется «в рамках более общей системы, определяющей основу данной цивилизации и целостность данного социума» [Щепанская 2003: 53].

Не каждая социальная группа обладает собственной субкультурой. Н. Н. Слюсаревский выделяет основные признаки, наличие которых у социальной группы указывает на полноценность соответствующей субкультуры: знание (картина мира в узком смысле), ценности, стиль и образ жизни, социальные роли и статусы, социальные институты, системы норм и предписаний, процедурное знание, потребности, склонности [Слюсаревский 2002: 124–125]. При этом акцент переносится на «язык» субкультуры, потому что «именно наличие вербальной специфики – особого арго и сложившегося фольклора – служит наиболее яркими и легко фиксируемыми признаками существования субкультур» [Щепанская 2003: 30]. Такой групповой, или коллективный, язык мы вслед за представителями пермской школы социолингвистики обозначим как социолект.

Социолект – это «речевая общность того или иного коллектива» [Ерофеева Т. И. 2013: 93], «речь “среднего индивида”, представляющего свою социальную группу, культуру; иными словами, социолект – инвариантная, социально маркированная подсистема языка» [Ерофеева Т. И. 2010: 21].

Е. В. Ерофеева выделяет 5 основных признаков социальных диалектов: социальная ограниченность, необщепонятность, системность, ограниченная нормированность, ограниченное стилистическое варьирование [Ерофеева Е. В. 2005]. «Обычно различного рода жаргоны представлены особыми лексическими единицами (и моде-

лями их построения), совокупность которых является дополнительной лексической системой, недостаточной, однако, для самостоятельного функционирования» [Ерофеева Е. В. 2003: 6]. Таким образом, социолект – это производная форма существования национального языка, которая не является самостоятельным кодом.

Фактически, термин «социолект» понимается представителями пермской школы социолингвистики как «биопсихосоциолект», поскольку включает в себя систему речевых средств, которые «детерминированы рядом факторов (страт. – прим. Е. И.), имеющих не только социальный, но и биологический характер: место рождения, специальность, уровень образования, возраст, пол, темперамент и т. д.» [Ерофеева Т. И. 2010: 21].

С точки зрения социальной психологии страта (лат. *stratum* ‘строй’) – группа людей, объединенных каким-либо общим признаком, чаще всего социальным. Т. И. Ерофеева, а вслед за ней и остальные представители пермской школы социолингвистики, вкладывают в понятие *страта* более широкое значение: это «основополагающий, цементирующий признак любой общности (группы) людей, который может иметь и социальную, и биологическую, и психологическую природу» [Ерофеева Т. И. 2010: 22]. Такие страты, как место рождения, возраст, специальность, род занятий, пол и т. д., влияют на речевое поведение говорящего, активизируя (или блокируя) элементы кодов, которыми владеет индивид [Ерофеева Т. И. 2009].

Структура социолекта гетерогенна и включает в себя элементы других социолектов. Наглядный пример – молодежный социолект, носители которого детерминированы стратой «возраст». Он включает в себя, кроме элементов литературного языка, просторечия и территориальных диалектов, социолекты школьников и студентов, различных музыкальных субкультур, хиппи, футбольных фанатов, веганов, хипстеров и в том числе сноубордистов.

Объект нашего исследования – социолект сноубордистов, который является частью молодежной субкультуры. Помимо наличия у них собственного языка, существует несколько причин считать сноубордистов субкультурой: социальные роли и статусы (от новичка до прорайдера – профессионального сноубордиста, получающего материальную и информационную поддержку спонсоров); процедурные знания (система трюков, каждый из которых имеет нормативы и стандарты выполнения); собственный стиль в одежде (комфортные непромокаемые вещи свободного кроя, которые не сковывают движений); материальные ценности (сноуборд и экипировка).

Сноуборд (англ. *snow* 'снег', *board* 'доска') – это «доска с пластиковым покрытием и с креплениями для обеих ног для занятий сноубордингом» [Wikipedia]. Сноуборд, а также необходимая экипировка – ботинки, защита, непромокаемая одежда – составляют ядро материальных ценностей сноубордиста, необходимое для занятий сноубордингом. Сноубординг – это «спуск с гор по снежной трассе (или вне трасс. – прим. Е. М.) на специальной доске (сноуборде), сопровождаемый выполнением прыжков и сальто [там же]; «зимний олимпийский вид спорта, заключающийся в спуске с заснеженных склонов и гор на специальном снаряде – сноуборде» [там же].

Чтобы доказать, что субкультура сноубордистов обладает собственным языком, достаточно процитировать монолог одного из них: «*Фаново в стрите гоняли сегодня, нашли четкую кинковую перилку недалеко от бетона, там выкат огонь. Построили кикер, я там уехал фифтак туса аут, потом бордслайд трёху недокрутил, в итоге хотел дезик прыгнуть и убрался, повис там полотенцем*». Из 28 лексем – 22 относятся к социолекту сноубордистов и представляют собой профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, а также элементы, заимствованные из общерусской лексики и наделенные дополнительными коннотациями. Как следствие – индивиды, которые не занимаются экстремальными видами спорта, не могут уловить все оттенки значения тех или иных слов, что затрудняет коммуникацию и понимание. Эта проблема натолкнула нас на создание словаря социолекта сноубордистов, в котором собрали все известные нам специфические лексемы и их дефиниции.

При сборе материала мы воспользовались методикой включенного наблюдения, общаясь со сноубордистами в естественной для них среде – на горнолыжных склонах, на сноубордических соревнованиях, на презентации местного сноубордического видеofilmа. В ходе наблюдения нам удалось собрать немало примеров использования специфических слов и выражений в разговорной речи. Параллельно автор настоящей статьи изучил тематические интернет-ресурсы (insnow.ru, vk.com/snowandfly, vk.com/nitrosnowboards), вычленив жаргонные единицы методом сплошной выборки.

Сноубордисты, как мы понимаем, – это молодые люди, которые не только уверенно стоят на сноуборде, но и прогрессируют в этом виде спорта. Для подтверждения собранных данных мы провели социолингвистический эксперимент, в котором приняли участие 20 сноубордистов г. Перми. Информанты должны были написать как можно больше слов, которые, как им кажется, относятся к сноубордическому сленгу. Таким

образом мы получили порядка 200 лексем, которые осмысляются самими носителями социолекта как принадлежащие сноубордингу.

Социолект сноубордистов включает в себя множество терминов, профессионализмов и профессиональных жаргонизмов, описывающих снаряжение, трюки, элементы ландшафта и фигуры, исполнителя и стиль катания. Как и любой другой субкод, он не является изолированным или автономным вариантом языка – его элементы перешли из других подсистем и систем, среди которых:

1) горнолыжный социолект (*кантоваться* 'в движении перемещать вес с переднего на задний кант и обратно', *подъемник* 'механизм для подъема на вершину горы', *трасса* 'участок склона, предназначенный для спуска на сноуборде');

2) социолект альпинистов (*цирк* 'хребет с несколькими вершинами в форме полукруга', *траверс* 'курс, перпендикулярный направлению спуска', *кулуар* 'ложбина в склоне горы, широкая в верхней части и сужающаяся книзу');

3) молодежный социолект (*шматка* 'падение', *печенька* 'начинающий сноубордист', *вафлить* 'медлить, трусить', *задрочить* 'довести исполнение трюка до идеала');

4) литературный язык (*четкий* 'хороший', *бетон* 'скейт-парк', *фанера* 'сноуборд', *расчесаться* 'упасть').

Профессионализмы и термины чаще всего включаются в социолект сноубордистов без изменений. Но единицы, заимствованные из литературного языка и молодежного жаргона, как правило, развивают новое значение. Например, глагол *уехать*, помимо основного значения 'отправиться куда-нибудь', приобретает в социолекте сноубордистов дополнительную коннотацию 'удачно приземлиться' и образует устойчивое сочетание с названием трюка (*уехать бэкфлип*). Просторечный глагол *убраться* в значении 'уйти' приобретает в социолекте сноубордистов коннотацию 'упасть'.

Активные процессы заимствования из английского языка характерны для всех жаргонов в целом, но особенно ярко проявляются в социолекте сноубордистов: лексемы с английскими корнями составляют 45 % всего корпуса словаря. Сноубординг зародился на Западе и распространился посредством англоязычного видеоконтента, из которого российские сноубордисты узнавали, как в этом виде спорта называются трюки, фигуры и снаряжение. Кроме того, российские спортсмены контактируют с иностранными коллегами, которые приезжают в Россию.

Копируются не только названия трюков, но и лексемы, аналоги которых существуют в русском

языке: *стрит* 'катание на улицах города', *стафф* 'снаряжение', *контест* 'соревнования', *спот* 'место катания', *фан* 'веселье', *хоумис* 'друзья'. Как правило, заимствования создают лексическую избыточность, но именно употребление и понимание англоязычных вариантов позволяет принять говорящего за «своего». Некоторые англицизмы оформляются морфологическими средствами русского языка, поэтому появляются такие лексемы, как *слайдить* 'скользить', *дропнуть* 'спрыгнуть', *читовый* 'дешевый'.

Многочисленные заимствования порождают синонимические ряды, характерные для любого социолекта. В них входят официальные полные названия (термины), неофициальные названия, принятые в данной профессиональной среде, и экспрессивно окрашенные неофициальные единицы (профессиональные жаргонизмы).

Примеры синонимических рядов:

- *сноуборд* / *борд* / *доска* / *фанера*, где *сноуборд* – заимствованный термин, *борд* – профессионализм, *доска* – профессионализм из русского языка, *фанера* – жаргонизм;

- *паудер* / *рыхлый снег* / *пухляк*, где *паудер* – заимствованный профессионализм, *рыхлый снег* – профессионализм из русского языка, *пухляк* – профессиональный жаргонизм;

- *кикер* / *трамплин* / *кочка* / *выкидушка*, где *кикер* – заимствованный термин, *трамплин* – термин из русского языка, *кочка* – профессионализм, *выкидушка* – профессиональный жаргонизм.

В ходе сбора материала мы обнаружили дериваты, которые образуются по следующему принципу: к начальной части лексемы прибавляется уменьшительно-ласкательный суффикс *-ик*, а ударение переносится на первый слог. Примеры таких образований: *трамплин* – *трампик*, *снегоход* – *снежик*, *радео* – *радик*, *фронтсайд* – *фронсик*, *уанэйти* – *ванетик*. Учитывая, что подобных дериватов достаточно много, мы можем говорить об определенной тенденции в их образовании. Еще один суффикс субъективной оценки, который часто встречался в дериватах лексем, – суффикс *-очк* (*шматка* – *шматочка* 'падение', *уборка* – *уборочка* 'падение', *размотка* – *размоточка* 'падение'). В социолекте сноубордистов нам встретилось два примера образования деривата посредством усечения основы: *соревнования* – *соревы*, *крепления* – *крепы*.

Особая форма варьирования в жаргоне – обилие жаргонных вариантов топонимов (названий горнолыжных баз и курортов). Основная тенденция в этом случае – обыгрывание фонетического звучания на основе сходства с русским или английским словом. Нами были собраны следующие жаргонные варианты топонимов: Жебреи –

Жабры – *Жабы*, *Гамово* – *Говново*, *Шерегеш* – *Шерелэнд*, *Сочи* – *Сочифорния*.

Все эти особенности нашли отражение в нашем словаре, каждая словарная статья которого строится по следующей схеме:

- заглавное слово в форме И. п. ед. ч. (применительно к существительным) либо в форме инфинитива (применительно к глаголам);

- соответствующая помета, указывающая, термин это, профессиональный жаргон или жаргонизм;

- толкование;

- пример из обиходной речи.

Например:

ДЖИББИНГ (англ. *jibbing*) *проф.* – скольжение, прыжки и передвижение по специально подготовленным фигурам или по элементам городской архитектуры (перила, парапеты). *Джиббинг* — не мое. Я больше люблю вне трасс кататься, по лесу.

КАНТОВАТЬСЯ *проф.* – в процессе спуска путем распределения веса и работы ног ставить сноуборд под углом к склону по очереди передним и задним кантом. *Она неправильно кантуется, вот шматки и ловит.*

КРЕПЫ, КРЕПКИ *проф. жарг.* – то же, что и **КРЕПЛЕНИЯ**. Необходимая составляющая снаряжения; крепятся на болты к сноуборду или лыжам и благодаря специальным застегкам фиксируются на ботинках, обеспечивая надежное соединение ботинок и снаряда. *Я себе к сезону новые крепки заказал, порадую себя и до сочку.*

ПУХЛЯК *проф.* – толстый слой рыхлого свежеснежавшего снега. *Ночью выпало полметра пухляка, гоу взрывать его.*

РАТРАК (англ. *ratrak*) *проф.* – специальная снегоуплотнительная машина на гусеничном ходу, используемая для подготовки лыжных склонов. *Вчера в парке задержались, так нас ратрак наверх поднял – бугеля уже не работали.*

ФАН (англ. *fun*) *проф. жарг.* – удовольствие, которое спортсмен получает в процессе катания. *Я катаюсь ради фана.*

На данный момент наш словарь является самым объемным среди всех известных нам словарей социолекта сноубордистов, поскольку степень изученности и разработанности данной темы в лингвистике представляется минимальной (что определяет актуальность исследования).

Список литературы

Гаранович М. В. Лексикографическое описание лексики субкультур г. Перми // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 33–38.

Гуревич П. С. Субкультура // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 236.

Ерофеева Е. В. Вариативность в жаргоне любителей «Формулы-1» // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 64–73.

Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2005. 320 с.

Ерофеева Е. В. Пермская школа социолингвистики: итоги работы и перспективы развития // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2(26). С. 160–171.

Ерофеева Е. В., Крощачева М. А. Локальная вариативность значения жаргонного слова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2(34). С. 27–37.

Ерофеева Т. И. Субкультура в лингвистическом освещении // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 5–10.

Ерофеева Т. И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1(7). С. 21–25.

Крощачева М. А., Литвинова Е. С. Геймеры как субкультурный и культурный феномен // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. Вып. 3. С. 104–108.

Павлова Д. С. Субкультура моделистов работы органов ООН: вербальные и невербальные средства коммуникации // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 86–89.

Слюсаревский Н. Н. Субкультура как объект исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2012. Вып. 3. С. 117–127.

Щепанская Т. Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 27–33.

Wikipedia. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуборд_\(спортивный_инвентарь\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуборд_(спортивный_инвентарь)) (дата обращения: 12.05.2018).

Wikipedia. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуборд_\(вид_спорта\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуборд_(вид_спорта)) (дата обращения: 12.05.2018).

References

Garanovich M. V. Leksikograficheskoe opisanie leksiki subkul'tur g. Permi [Lexicographic description of the lexis of subcultures in Perm]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies], 2013, issue 1, pp. 33–38. (In Russ.)

Gurevich P. S. Subkul'tura [Subculture]. *Kul'turologiya. 20 vek. Entsiklopediya v 2 t.* [Culturology. 20th century. Encyclopedia in 2 vols.]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1998. 236 p. (In Russ.)

Erofeeva E. V. Variativnost' v zhargone lyubitelyey «Formuly-1» [Variability in the jargon of "Formula-1" fans]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies], 2013, issue 1, pp. 64–73. (In Russ.)

Erofeeva E. V. Veroyatnostnyye struktury idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect]. Perm, Perm State University Publ., 2005. 320 p. (In Russ.)

Erofeeva E. V. Permskaya shkola sotsiolingvistiki: itogi raboty i perspektivy razvitiya [Perm school of sociolinguistics: results and prospects for development]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 2(26), pp. 160–171. (In Russ.)

Erofeeva E. V., Kropacheva M. A. Lokal'naya variativnost' znacheniya zhargonnoy slova [Local variability of slang words]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 2(34), pp. 27–37. (In Russ.)

Erofeeva T. I. Subkul'tura v lingvisticheskom osveshchenii [Subculture in linguistic interpretation]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies], 2013, issue 1, pp. 5–10. (In Russ.)

Erofeeva T. I. Sotsiolekt kak instrument opisaniya yazykovoy situatsii regiona [Sociolect as a tool to describe the linguistic situation in the region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 1, pp. 21–25. (In Russ.)

Kropacheva M. A., Litvinova E. S. Geymery kak subkul'turnyy i kul'turnyy fenomen [Gamers as subcultural and cultural phenomenon]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies], 2015, issue 3, pp. 104–108. (In Russ.)

Pavlova D. S. Subkul'tura modelistov raboty organov OON: verbal'nye i neverbal'nye sredstva kommunikatsii [Subculture of UNO modelers: verbal and nonverbal means of communication]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic studies], 2015, issue 1, pp. 86–89. (In Russ.)

Slyusarevskiy N. N. Subkul'tura kak ob'ekt issledovaniya [Subculture as an object of study]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing], 2012, issue 3, pp. 117–127. (In Russ.)

Shechepanskaya T. B. Traditsii gorodskikh subkul'tur [Traditions of urban subcultures]. *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern Urban Folklore]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2003, pp. 27–33. (In Russ.)

Snoubord (sportivnyy inventar') [Snowboard]. *Vikipediya* [Wikipedia]. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуборд_\(спортивный_инвентарь\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуборд_(спортивный_инвентарь)). (accessed 12.05.2018). (In Russ.)

Snoubord (vid sporta) [Snowboarding]. *Wikipedia*. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуборд_\(вид_спорта\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сноуборд_(вид_спорта)). (accessed 12.05.2018). (In Russ.)

THE DICTIONARY OF SNOWBOARDERS' SOCIOLECT

Ekaterina I. Mashtakova

**Research Degree Seeker in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. astra.kate@bk.ru

SPIN-code: 1110-1883

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9049-8898>

ResearcherID: I-5296-2018

Submitted 14.05.2018

This article deals with the sociolect typical of the snowboarders' subculture. In the same way as a subculture is a subsystem of culture, formed based on culture as the prevailing ethical, aesthetic and worldview system, social dialect is formed on the basis of lexical systems of the dominant language code and other subcodes. Therefore, elements of the snowboarders' subculture sociolect are based on the lexicon of the literary language, the youth sociolect, the alpine skiing sociolect and the sociolect of climbers. As a result of borrowing, lexemes often get additional connotations, which are not always obvious for a wide range of people. A solution to this problem is the creation of a complete dictionary of snowboarders' subculture sociolect, where specific lexemes (including professionalisms, professional jargonisms and terms) would be defined. When collecting the language material, the author used the method of overt observation in the environment natural for snowboarders – on ski slopes, at snowboarding competitions, at the premiere of a snowboard film. In addition, slang words were identified in the Internet resources on the subject in question by means of the continuous sampling method. In order to confirm the collected data, a sociolinguistic experiment was conducted among snowboarders in Perm, in the course of which informants were asked to write as many words as they think are related to the snowboarding jargon. As a result, there were obtained about 200 lexemes regarded by snowboarders as slang. They include terms, professionalisms and professional jargon elements describing the quality of snow, the level of snowboarding skills, equipment, tricks, landscape elements, figures, the performer and the riding style. These elements formed the body of the dictionary of snowboarders' sociolect, which is at the moment the biggest one among all the known to the author of this article.

Key words: culture; subculture; sociolect; snowboarders; dictionary.

УДК 821.161.1: 398(470.53)
doi 10.17072/2037-6681-2018-4-59-69

МОТИВЫ ПЕРЕДАЧИ / ПОЛУЧЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ МАГИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ (на материале мифологических рассказов Пермского края)¹

Ирина Ивановна Русинова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. irusinova@mail.ru

SPIN-код: 1107-4967

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3500-1604>

ResearcherID: T-7474-2018

Юлия Анатольевна Шкураток

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. shkuratok@mail.ru

SPIN-код: 4745-5799

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2786-8734>

ResearcherID: T-6270-2018

Статья поступила в редакцию 31.01.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Русинова И. И., Шкураток Ю. А. Мотивы передачи / получения вербальной магии и их отражение в лексических единицах (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 59–69. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-59-69

Please cite this article in English as:

Rusinova I. I., Shkuratok Yu. A. Motivyy peredachi / polucheniya verbal'noy magii i ikh otrazheniye v leksicheskikh yedinitсах (na materiale mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraя [Motifs of Transference / Receival of Verbal Magic and Their Reflection in Lexical Units (a Case Study of Mythological Narratives of Perm Krai)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 59–69. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-59-69 (In Russ.)

Рассматриваются способы передачи вербальной магии, которая является частью магико-ритуальной традиции русских Пермского края. Источниками материала для статьи стали тексты мифологических рассказов из фольклорного и диалектологического архивов филологического факультета ПГНИУ, тексты из опубликованных источников.

Пермские русские мифологические тексты содержат несколько групп мотивов, связанных с условиями и способами передачи неопиту / получения неопитом способности оказывать воздействие на человека и окружающий мир с помощью вербальной магии. Первая группа мотивов описывает условия получения / передачи сакральных знаний (в том числе и вербальной магии). Вторая – способы передачи знаний неопиту. Третья – передачу «знающим» человеком кому-либо таких знаний перед смертью.

Наиболее частотной является группа мотивов, описывающих учебу неопита, которая проводится в полночь в бане. Там происходит контакт неопита с мифическим существом, принимающим обычно зооморфный облик (собаки, лягушки, жабы, в единичных случаях змеи, крокодила, свиньи, глухаря, щуки). Зачастую перед этим актом или после него неопиту нужно прочитать книгу «Черная магия», что обеспечивает знание сакральных текстов. Эти испытания настолько тяжелы для психики человека, что некоторые люди не выдерживают «учебы» до конца и сходят с ума. Как показывает

сравнительный анализ, описанные группы мотивов обнаруживают себя и в текстах Русского Севера. Правда, мотивы, реализующие контакт неопита с мифическим существом в бане, богаче представлены в пермской мифологии.

Место и роль вербального текста в магических обрядах весьма значительны, подтверждения этому положению находим не только в ряде тематических групп мифологической лексики: лексемах, которые называют сакральные тексты (*молитва, приговор, слова* и др.), воздействие с помощью вербальной магии (*говорить, шептать* и др.), людей, пользующихся в своей деятельности сакральными текстами (*словник, шепталь* и др.); но и в устойчивых выражениях, обозначающих акт передачи / приема вербальной магии (и – шире – магических способностей вообще) (*передать / передавать, перенять / перенимать, принять / принимать – слова, молитвы, знания, дар, силу, чертей*).

Ключевые слова: вербальная магия; Пермский край; колдун; мотив; мифологический рассказ; мифологическая лексика.

На территории Пермского края проживают разные народы. Первоначальное освоение пермских земель осуществлялось предками финно-угорских народов, с середины первого тысячелетия новой эры здесь появляются тюркские народы, а с XIV в. происходит освоение края русскими. В XIX в. здесь селятся евреи, поляки, немцы, эстонцы, белорусы и другие народы. В XX в. для этнокультурной истории края были характерны в основном те же процессы, которые протекали и во многих других регионах России: массовые миграции, урбанизация, разрушение традиционной культуры, ассимиляционные и интеграционные процессы. Сегодня Пермский край имеет сложный этнический состав, по данным переписи населения 2002 г., в нем проживают представители более 120 национальностей, русские при этом составляют более 85 % [Черных 2007: 34].

Несмотря на стремительное обновление современной жизни, появление в деревне таких продуктов цивилизации, как телевидение, Интернет и мобильная связь, сохранность традиционной культуры русских (как и других народов края) довольно хорошая. Особенно устойчивыми являются здесь народно-демонологические и магические представления.

В данной статье рассматриваются группы мотивов мифологических рассказов, описывающие условия и способы передачи вербальной магии, которая является частью традиционной культуры русских Пермского края, и отражение их в лексических единицах. Магические акты пронизывали (и пронизывают до сих пор) всю жизнь русского крестьянина. Они присутствовали не только в главных обрядах жизненного цикла человека, но и сопровождали его в быту, причем «...определенным знанием магических приемов может обладать любой житель деревни. В ряде бытовых ситуаций, в случае мелких неприятностей и повседневных нужд каждый может сам справиться при помощи “фонового” знания: чтобы остановить кровь, выгнать скот на пастбище, вылечить детскую бессонницу, найти потерянную вещь и т. п., не нужно обращаться к знат-

ку...» [Знатки, колдуны и чернокнижники... 2013: 9]. Однако чаще всего магические действия все-таки осуществляли «специалисты» – колдуны, знахари и под.

Представления о колдовстве и магии входят в сферу мифологического, поскольку колдун² осознается деревенским сообществом как человек, обладающий сверхъестественными (демоническими) способностями. Это позволило российским фольклористам считать его мифологическим персонажем (см. классификации мифологических персонажей: [Виноградова 2000: 27–67]).

Источниками материала для статьи стали тексты мифологических рассказов из фольклорного и диалектологического архивов филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, фольклорно-этнографические сборники и сборники мифологических текстов, выпущенные пермскими учеными, тексты из монографии О. Б. Христофоровой «Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России» [Христофорова 2010].

Сверхъестественные способности колдуна, описанные в мифологических рассказах Пермского края, находят отражение в его разных характеристиках:

– в социальном статусе (старик / инородец / иноверец / человек иной профессии (не крестьянин, человек, работающий не на виду у всех) и др.);

– во внешности (человек с черными (рыжими) волосами / человек, имеющий физические недостатки (однорукий, одноногий, косоглазый, горбатый и т. п.), и др.);

– обладании определенными магическими предметами (икона / святая (наговоренная) вода / книга «Черная магия» / «чертов палец» / «громовая стрела» / «ратная червь» / коготь медведя и др.);

– «дружбе» с нечистой силой (например, лешим);

– связи с духами-помощниками, которые в мифологических текстах Пермского края назы-

ваются чаще словами *черти, биси, икота* и представляют собой множество видимых обычно только колдуну или детям, но невидимых другим взрослым людям небольших существ – насекомых, птиц или мелких животных (*мух, комаров, жуков, пауков, ос, муравьев; воробьев; мышей, лягушек* и др.), с помощью которых колдун может причинять вред, вызывать болезни;

– способности влиять на людей и окружающий мир разными способами (с помощью мысли / взгляда / физического контакта с жертвой / магического предмета / нечистой силы / сакрального текста и др.).

Как видно из перечня, обладание сакральными текстами и умение с их помощью влиять на людей, животных, природу является одной из главных характеристик человека с магическими свойствами.

В научной литературе существует множество классификаций магии. Особняком стоит вопрос о так называемой магии слова – вербальной магии. Часть ученых настаивают на преобладании слова в любом магическом акте, они видят именно в словесной магии основную и первичную ее форму. Другие исследователи считают, что вербальная, или словесная, магия не представляет собой особого и самостоятельного типа магии: она является лишь аккомпанементом к совершаемому колдовскому действию (см. обзор различных точек зрения: [Токарев 1990: 426–506]). Но все согласны в одном: место и роль вербального текста в обряде весьма значительны, сама обрядовая ситуация основана на вере ее участников в действительную силу слова, способность слова изменить окружающий мир в интересах человека [Толстая 2009: 431].

Подтверждения этому положению находим в мифологических текстах, в которых очень частотным является следующий мотив: человек со сверхъестественными свойствами знает и использует в своей магической практике сакральные тексты («знает слова»). Такие тексты имеют несколько наименований в Пермском крае: *заговор, запука, наговор, молитва, отговор, отговорка, поговорка, приговор, припука, сказка* и др. Но абсолютным лидером выступает существительное *слово*, обычно во множественном числе *слова*. Оно может и самостоятельно, без определений, обозначать такие тексты, но иногда для того, чтобы подчеркнуть магический статус «слов», употребляются прилагательные *заговорные, знатные, сверхъестественные*. Для указания на цель вербальной магии это существительное выступает в сочетании с другими прилагательными. «Слова», которые используются для лечения или нейтрализации вредоносного магического воздействия, получают характеристики:

добрые, лечебные, хорошие, урочные, урочки, урошливые, урошные; «слова», которые используются с вредоносной целью, оцениваются противоположным образом: бесинские, бесовские, волшебные, вредные, плохие, урочные, урошные, худые, чертовские, чёрные. Повторяющиеся в этих двух рядах прилагательные *урочные, урошные* образованы от слова *урок* ‘вред, болезнь, вызванные колдовством’. Логика мотивации здесь такова: *урошными, урочными* могут называться как «слова», вызывающие «уроки», так и «слова», избавляющие от них. Иногда такие определения указывают на «узкую специализацию» «знающего» человека: *заячьи слова* используют охотники, чтобы их промысел был результативным; *пастушьи слова* используют пастухи, чтобы стадо было послушным и не подвергалось нападению хищных зверей, *присушные слова* используют в любовной магии.

Пермские русские мифологические тексты содержат несколько групп мотивов, связанных с обучением неопита способности оказывать воздействие на человека и окружающий его мир с помощью разных средств, в том числе и с помощью вербальной магии. В данной статье мы рассмотрим те из них, которые наиболее представлены в текстах мифологических рассказов. При группировке мотивов мы опирались на указатель мотивов, который опубликован в книге: [Знатки, колдуны и чернокнижники... 2013: 459–529], и на работу М. А. Грановой: [Гранова 2014].

1. Первая группа мотивов посвящена условиям получения / передачи колдовства.

– Условия получения «знатья», в том числе способности воздействовать на людей и природу с помощью сакральных текстов, в ряде случаев не оговариваются. Но иногда подчеркивается, что неопит должен обладать определенными способностями, иметь дар: *«Кроме этого, надо иметь предрасположенность к этому (т. е. лечению молитвами, заговорами). Вот у меня несколько братьев, сестёр, а говорю только я один. Каждый человек не может говорить, надо иметь определенную силу внутреннюю (Чердынь) [ДАКТИПЯ]*. Такое мнение записано от сына известной в крае народной целительницы. Как видно из примера, глагол *говорить* имеет в приведенном контексте особое значение – ‘обладать способностью заговорами, молитвами оказывать на кого-, что-либо магическое воздействие’. Такой дар (внутренняя энергия) часто в мифологических рассказах называется *силой*, а его носитель – *сильным*: *Да, колдуны раньше сильные были. Тут три сестры жили, все колдуньи. Старшая самая крепкая была. Пора придёт, она на берег выйдет, посреди реки пароходы останавливала. Просто так (Чер-*

моз Ильинского района) [ФА]. Передача колдовских способностей и вербальной магии часто осознается как передача силы: Колдуньи **силу-то передают**, слова ли, я не знаю (Тетерина Соликамского района) [ФА].

– Гораздо больше мотивов посвящено условиям передачи «знатья». Наиболее распространена такая: колдовские / знахарские знания передаются внутри рода (от старших к младшим) или внутри семьи (от жены к мужу, от мужа к жене, от свекрови к снохе и т. п.): Если дедушка, прадедушка знали это колдовство, достанется и всему отроку: от деда – к отцу, от отца – к детям, от детей – опять к детям (Губдор Краснов.) [ФА]. Она и скот лечила, поросят, например. Она говорила: «Мне нужно всё дочери отдать». А та не верит, не берёт. И другим нельзя отдать, только по наследству передаётся (Орел Усольского района) [ФА]. Одна была старенькая, хорошая бабка. Я к ей тоже много раз ходила. А у её была сноха, маленькая такая, Пашой звали. Вот бабка умерла, я к ей (т. е. снохе) опять ходила. Она (т. е. знахарка), видимо, ей **передала** (Ныроб Чердынского района) [ФА]. Лекарка уж сто с чем-то годов была, дак она **передала** своё-то сестре. Сестра-то должна была через два месяца на пенсию уйти, дак вот она ей и передала. Вот кто-то ездил, она лежала, эта сестра-то (Сретенское Ильинского района) [ДАКТИПЯ].

Причем довольно часто «передача» сакральных знаний происходит без согласия неопита, насильно: В Митрофановой мать отдала дочь [замуж] колдунам. Все её бьют – и свекровка, и брат, и все бьют. Она пришла к матери, в ноги падает и плачет: «Мама, меня бьют!» А мать говорит: «Живи там, а то двух других девок у меня не возьмут!» Во второй раз пришла: «Меня в ночь поведёт муж в баню». Он повёл, а мать за ними. Привёл и говорит: «Как собака выйдет из-за каменки, огонь из пасти, в огонь руки суй». А мать из предбанника: «Не суй! Сгорит она там!» А мужик ей: «Иди откудова пришла, покуда жива!» Дочь назавтра приходит, говорит: собака-де вышла, она руки подставила под огонь, глядит: муха на колене, сгребнула – две, сгребнула – три мухи. Так мать говорит теперь про дочь: «колдунья». А черти мухами были (Исаково Чердынского района) [ББ: 288].

С другой стороны, «знатъё» можно передавать не только родственникам или членам семьи: Она очень знающая женщина. Ну, она, вы знаете, прожила до ста лет. Она лечила молитвами. Такой дар у неё был... Я как поняла, ей дар передавала какая-то женщина. Я поняла, что в Букреево где-то жила вот здесь вот эта женщина, и вот ей это всё передала (У.-Зула Юр-

линского района) [ФА]. От матери слышала, что парни в деревне привязались к колдуну: научи! Он им говорит: «Приходите в двенадцать часов к бане, заходите и стреляйте в передний угол. Выбежит из печки собака, лезьте в пасть». У одного вышло – научился. Второму показалось Христово распятие – он не стал стрелять. Видимо, господь его не допустил (Чердынь) [ББ: 284].

Довольно распространен такой мотив: колдун передает «знатъё», потому что ему досаждают черти-помощники. Таким «знающим» человеком, вынужденным передавать колдовство, может быть охотник: А вот мне тоже один сказал. Про Булдырью слышал? Ваня Кукарека был там, старик. Как-то вечером у меня спрашивает: «Ты, говорит, Егорушко, охотишиша?» Я говорю: «Охочусь». – «Ну как?» – «Сегодня хорошо, а завтра опять плохо». – «Вот ты ничё не знаешь, потому ты мучишься. Надо научиться. Тебе все пригонют». – «Как?» – говорю. – «Ты куничку водишь?» – «Вожу». – «А тебе водить не надо, тебе пригонют». Ах, помяни ты лешего, волосы у меня дыбом. Нет, не надо! Мне мать сказала: проживете честным крестом. Трудитесь – бог даст, не будете трудиться – воровать не ходите, на худое дело не учитесь. На второй день подсаживается: «Ну, чё, Егорушко, будешь учиться? Давай буду тебя сёдни учить!» А у меня кожа там стала шевелиться. А я слышал: в собаку заставляют лизать. В баню-де поведет, там будет собака сидеть большая, пасть большая. Через эту собаку надо, говорят, дважды лизать. Эту собаку, пролезешь, пройдеши, все дьяволья будут перед тобой, всех будешь знать. Не надо, думаю, мне. Я говорю: «Дедушко, не хочу!» – «Почему?» Рассердился. Охота было ему: они сделают человека, так им легче (Петрецово Чердынского района) [ББ: 285–287].

Но основным мотивом, связанным с промысловой магией, является другой: ни охотник, ни рыбак никому не передают заговоры, приносящие им удачу: А у нас ещё в Искоре живут мужики, так они слова знают для рыбалки, ещё когда на медведя идут. Они те слова никому не **передают** (Чердынь) [ФА].

2. Довольно большой корпус мифологических текстов посвящен способам передачи сверхъестественного знания.

– Наиболее яркой, имеющей множество воплощений и вариантов в текстах можно назвать следующую группу мотивов: чтобы стать колдуном, нужно вступить в контакт с мифическим существом, имеющим зооморфный облик. Варианты мотива создаются за счет разных способов контакта человека и животного, разного облика существа.

Учеба неофита проводится в полночь в бане. Акт учебы направлен на то, чтобы человек, стремящийся стать колдуном, прошел определенные испытания. Причем содержание текстов указывает на то, что во время учебы будущий колдун приобретает сверхъестественные свойства вообще (на Русском Севере такие свойства называются «знатьём»), а не только какие-то конкретные способности (например «портить» и / или лечить с помощью вербальной магии). Эти мотивы демонстрируют синкретизм представлений о том, что неофит, прошедший «учебу», получает: знание сакральных текстов, власть над «чертями», выступающими в качестве помощников колдуна, или некую сверхъестественную силу, способную воздействовать на людей, животных и природу нужным колдуну образом. Иллюстрацией такого смешения представлений может служить следующий текст: *Анисья парня-внучка учила. Лёня его звали. Она колдовала и говорит: «Айда со мной в баню в двенадцать часов ночи. Я уж худая стала, слова тебе передам» Он-то и рассказал. В баню-то зашёл – в каменке лягушка сидит, пламя в роте. «Лезь лягушке-то в рот», – она ему. А во рту-то черти были. Он не стал, убежал, а потом рассказал (Касиб Соликамского района) [ФА].*

В подобных текстах содержится несколько мотивов: во-первых, во время «учебы» в бане происходит контакт неофита с мифическим существом, принимающим обычно зооморфный облик. Наиболее частотен облик *собаки, лягушки* или *жабы*, в единичных случаях говорится о *змее, крокодиле, свинье, белой лебедке, глухаре, щуке*. Иногда такое существо не персонифицировано, оно может иметь название, отражающее внешние особенности в целом: *зверь, любой зверь, чудовище, «ведмедь не ведмедь: какой-то лохматый»*, даже *какое-то такое*, и прямо номинироваться *окайным, дьяволом*. В текстах существо приобретает эпитеты: *лохматый, дьявольский, огненный, рыжий, большой-пребольшой, огромный*, отражающие особенности внешности, принадлежность к миру нечистой силы. Можно назвать ряд наиболее значимых признаков (атрибутов) такого существа: 1) аномально большие размеры, которые обеспечивают неофиту возможность пройти сквозь любое такое животное, птицу, рыбу; 2) аномально большой рот, размеры которого даже в отношении птиц и рыб позволяют говорить о «пасти»; 3) полное отсутствие или, наоборот, наличие густого волосяного покрова; 4) огонь, в котором располагается демон и/или который исторгается из его рта; 5) отнесенность соответствующего животного к «нечистым» в традиционной русской (и шире – славянской) культуре [Русинова, Боброва, Черных 2016: 118–119].

Человек должен определенным образом контакт с мифическим существом произвести: чаще прыгнуть в пасть чудовища, реже – пройти сквозь него, съесть его: *Мужики рассказывали: в деревне у колдуна сын был. Отец ему и говорит: «Айда, Ванька, научу тебя, пойдём в баню». Пришли, там жаба, лягушка большущая сидит. «Ты, – говорит, – полезай ей в рот, она тебя как-то обратно вынесет» (Вавилово Соликамского района) [ЗС: 160]; *А вот этих еретников, их тоже в бане учат. Подружка, вот у нас жили, дак она дружила с одной, а они знающие. И вот она (т. е. «знающая») говорит: «Манька, хочешь я тебя колдовать научу?». – «А как?» – «А вот пойдём, – говорит, – в баню, и в каменке будет сидеть собака, она откроет, – говорит, – рот, и ты туда залезай». Ну, испугалась. Пришла домой, матери рассказала. Мама, говорит, меня натискала за космы (Краснояр Куединского района) [КБ 54–55]. В веретники поступали обычно в бане: заставляли собаке в горящую пасть лезть (Ятыш Еловского района) [СРГЮП 1: 107].**

Основным является мотив поглощения неофита чудовищем. На материале сказок этот мотив рассмотрел В. Я. Пропп и связал его с обрядом инициации [Пропп 2000: 40]. По мнению Н. А. Криничной, в эпизоде поглощения чудовищем неофита реализуется следующая мифология: проглотить – значит родить [Криничная 200: 407]. Неофит умирает в одном качестве (обычного человека), а после контакта с чудовищем рождается в новом (приобретает сверхъестественные способности). «Само приобщение неофита к «откровениям» представляется как выход из мира обыденного в мир сакральный, а такое путешествие в «мир иной» в сознании носителя традиционной культуры, подчиненном циклической концепции времени, отождествляется со смертью и возрождением. Причем суть не в смерти как таковой, а в том, что она является понятным способом перемещения из одного мира в другой [Антчак 2005: 24].

Подобный мотив фиксировался в с. Советск Яранского уезда (Кировская область) еще в 1926 г.: во время акта посвящения раздетая догола женщина должна была влезть в пасть огромной лягушки и вылезть через задний проход три раза. «Та сразу же все поняла и стала с тех пор колдовать» [Никитина 1928: 312].

Во-вторых, значительная часть таких текстов рассказывает о том, что во время «учебы» неофиту нужно прочитать книгу «Черная магия». О содержании книги, как правило, не сообщается, в текстах говорится только о тех действиях, которые должен совершить обучаемый: *Чёртову книгу если всю прочитать, надо вскочить в полночь к лягушке в пасть. Тогда всё будет по-*

твоему получаться (Шадейка Кунгурского района) [ФА]. Однако, скорее всего, именно чтение такой книги обеспечивает знание сакральных текстов, являющихся одним из основных инструментов колдовской деятельности.

И третий мотив: неопит, не прошедший испытания, сходит с ума. Эти испытания настолько тяжелы для психики человека, что некоторые люди не выдерживают «учебы» до конца и лишаются рассудка. В текстах говорится, что только тот человек, который «доучился», может стать колдуном. В одном случае подчеркивается, что для этого надо не побояться прыгнуть в пасть мифического существа в зооморфном облике: *Он старенькой. Он, говорят, что колдун был, знал это. И вот чё он говорил: «Если те попадёт книга, листы чёрные, буквы белым по ней написаны, ты её в руки не возьми, никак не бери в руки! В руки возьмёшь – она затянет. Надо будет тебе её читать. Тебя её заставят читать. А читать её шибко страшно». И там, говорит, если ты будешь эту книгу читать, там тебя заставят идти в баню. В бане, говорит, распелит хайло свинья, в эту, говорит, свинью заставят лезти. Если ты не полизёшь, ты с ума сойдёшь. А есле полизёшь, там уж ты всё будёшь знать, но, говорит, это шибко плохое дело* (Соколово Верещагинского района) [ФА].

В других текстах обращается внимание на то, что нужно «черную книгу» дочитать до конца. Об этом же сообщает О.Б. Христофорова, изучавшая магическую традицию Верхокамья: «По словам Маруси, ее бабушка-знахарка ни дочери своей, ни внукам не передала своего умения лечить, потому что это нехорошее. По черной книге надо учиться – читать и все исполнять. Если дочитаешь – будешь колдовать, если нет – с ума сойдешь. Отец, видимо, читал – но не дочитал, у него что-то было с головой. Вот он тоже пашет-пашет поле, рассказывал, и стоит ростом с елку женщина и не дает ему проехать через перелесок. Вот это вот такое ему казалось, он приходил и нам рассказывал, что вот такое мерещится ему» (Кезский район, Удмуртия) [Христофорова 2010: 147]. По данным мифологических рассказов Пермского края, недоучившийся неопит обычно получает психическое расстройство, однако человек, «решивший перенять у колдуна знание и не выполнивший каких-либо из условий», может и умереть [Арсенова 2002: 15].

Внутри описываемой группы можно выделить мотивы, связанные не с передачей «знатья» вообще, а с передачей сакральных текстов. Мифологические рассказы, содержащие эти мотивы, описывают контакт колдуна с неопитом, в процессе которого неопит должен запомнить устно передаваемые колдуном (произносимые им) за-

говоры (апокрифические молитвы) либо принять рукописную тетрадь с такими текстами вместе с обязательством эти тексты выучить и использовать в своей деятельности. *Мама лечила моя. Мама мне слова оставила. Дак она мне перед смертью передала слова. Я не лечила никого, не старалась никому, просто таких уж хороших знакомых да родных* (Усть-Уролка Чердынского района) [ФА].

Иногда такие тексты даже покупаются у колдуна: *А у нас тут была бабушка, она лечила одна в Серёгово. И я у неё слова покупала. Я ей говорю: «Продай мне эти слова». Она продиктовала, я записала* (Чердынский район) [ФА].

А в голодные времена за «передачу слов» колдун просил у неопита продукты питания: *Один поселенец говорил мне: «Давай я тебя научу словам-то, дай только пуд муки»* (Нырб Чердынского района) [ФА].

Местом передачи «слов» обычно выступает баня: *Все эти бабушки [которые умели лечить словами] умерли. Они хорошие слова знали, плохие они не знали. Учатся. Мать хочет помирать и передаст всю эту грамотку. В банях передают. Молятся и передают* (Акчим Красновишерского района) [ФА]. *В баню-ту водили тожо, говорили. [А что там делали?] А чё-ко слова какико да скажот [колдун]. И он (т. е. тот, кто учится колдовать) быдто перенимат эти слова и тебя будет портить. [И ходили учиться?] Кто радел, дак видно, ходил... У нас эдь тожо, говорят, там, в Черепановой, злой уж еретник был дак. Вот робят молодяжку учили. То быдто выйдем птица глухарь, большая, и заставят: залезай в неё. Тогда все слова поймёшь* (Тулпан Чердынского района) [ФА]. Как правило, процесс обучения происходил в полночь.

Чаще всего сакральные тексты, как и «знатя» вообще, передаются родственникам: *Они (т. е. колдуны) передают слова. Мне мать хорошие передала, а они плохие передают. Тоже слова надо знать какие-то* (Рябинино Чердынского района) [ФА]. *У ё бабушка словница была. Внучка списала слова, стала учить* (Рошнево Чердынского района) [ФА].

Но существует и такая практика – сакральные тексты передаются обычным людям, которые не обучаются вербальной магии, но могут использовать эти тексты для решения конкретной проблемы (для этого они сами прочитывают текст или носят с собой бумагу с написанным от руки текстом): *На корову порчу нашьют – она к дому не подходит. Приходится брать и читать молитву. И у нас так было. Прочитаю молитву, и корова утихомирится, и сама успокоюсь* (Юсьва) [ФА]. *Пил он как-то с одним [мужчиной]. Так после этого у него уже четвёртый год голо-*

са какие-то в голове матюкаются. Люди ему **молитву дали, он и ходит с ней**, помогает она (Данькова Чердынского района) [ФА].

3) Наконец, третья группа мотивов связана с предыдущими и сообщает о том, что колдун перед смертью должен «передать слова», «сдать грехи», иначе он будет долго мучиться: [Откуда Вы умеете лечить?] **Да научилась у старушки. Старушка меня научила. Старушка старенька была. Перед смертью вот передала мне слова и. Надо ж словами** (Пянтег Чердынского района). Если он (т. е. колдун) **пораньше может кому-то передать дак, спокойно-то умрёт. А если он не передаст, дак его, знаешь, как мучают черти-то. Бьётся он, ломается, не может умереть-то. Мучают таких-то, которые не передают никому, с собой всё уносят** (Касиб Соликамского района) [ФА].

Один из таких мотивов говорит о невозможности смерти колдуна до момента передачи другим людям своих духов-помощников: **Колдуны от чертей передавали, а то умирать не могли. Земля с чертями не принимает** (Половодово Соликамского района) [ФА].

Другой мотив сообщает о том, что бесы-помощники умирающего колдуна, принимающие тот или иной облик, должны покинуть своего хозяина (они бессмертны!) и найти себе нового: **У нас одна умерла... Ориной звали... Она шибко была колдунья... Мыши-то на её набежали, на покоённую-то, всю ночь у неё на груди лежали мыши-те... Куда они девались потом?.. Или это черти были, наверно, черти были!** (Зуева Соликамского района) [ЗС: 162]. **Который маму испортил, Илья Николаевич... он когда стал умирать, никак не может умереть. У него это всё колдовство нужно принять кому-то. А вот это всё колдовство вышло на окна, всю раму облепили, как вот пауты большие летают летом, вот такой величины мухи. Наталья пришла... взяла тазик, взяла веничек... в этот тазик всех забрала. И он душу отдал. А она сама помирала когда, по огороду вот такие малюсенькие-малюсенькие цыплятки бегали. Их... дочь хватала... Поймала, и она тогда тоже померла** (Вильва Соликамского района) [ЗС: 164–165].

Частотность мотива перемещения «знатья» от колдуна к неофиту привела к появлению устойчивых выражений, в которых опорным является глагол с семантикой «передачи» / «приема» (**брать / взять, дать / давать, передать / передавать, принять / принимать** и др.), а зависимым выступает существительное, называющее сверхъестественные способности или их воплощение (**слова, молитвы, икоты, грамотка, знания, дар, сила, беси, черти** и др.). Наиболее часто в таких сочетаниях встречаются глаголы:

– **передать / передавать**: **Учатся они** (т. е. колдуны) **у кого-то. Бабушки, дедушки слова им передают** (Половодово Соликамского района). **Все эти бабушки [которые лечили] умерли. Они хорошие слова знали, плохие они не знали. Хорошие от матерям научились. Учатся, учатся. Мать хочет умереть и передаёт всю эту грамотку. В банях передаёт. Молятся и передают** (Акчим Красновишерского района). **Они** (т. е. колдуны) **отдают-де, да, наследство они всё передают кому-ко** (Очго-Кошелева Чердынского района). **Колдуны об этих вещах не распространяются обычно. Конечно, они своё потомство каким-то образом готовят, передают какие-то свои знания, дар** (Усть-Зула Юрлинского района) [ФА];

– **перенять / перенимать, принять / принять**: **Тут у нас есть [колдунья]. Мать-то у неё умерла, а она, видимо, от матери бесей и переняла** (Искор Чердынского района). [А вот ещё говорят, что колдуны тоже как-то передают вот это своё...]. **Ну дак если он, к примеру, знает, он тебе или на листочке напишет это, чтоб ты выучил эти все икоты. Если компьютер у тебя робит, значит у его перенимёшь. Вот возьмёшь для себя. Такие бывали люди раньше** (Юм Юрлинского района). **Тут ишо у нас один был. Учил сыновей своих. Дак они не хотели – он закрывал их в кладовку даже. «Принимайте от меня, я скоро умру», – говорит. Дак младший сын у них утонул в озере. Искупаться пошёл и утонул. Дак люди говорили: «Это, наверно, отец его проклял, что они не принимают чертей этих»** (Рябинино Чердынского района) [ФА].

Следует отметить, что сочетаний, в которых реализуется семантика передачи, на порядок больше, чем сочетаний, в которых отражено значение приема «знатья».

Тексты содержат и другой мотив: если умирающий колдун не находит того, кому можно передать свой дар, он обманом (чаще всего через прикосновение к руке преемника, а таким преемником может быть и ребенок) все-таки осуществляет акт передачи: **Колдунов много было, друг другу передавали. Ты не хочешь, а передадут. Вон баба на горе жила. Она умирала, говорит: «Князек сними или вьюшки переверни». А сноха догадалась, заругалась на нее. Всех детей из дома увела. ... Баба-то не передала и не могла умереть. Она руку просила, а сноха всех детей-то увела, догадалась. Кто подойдет – она передаст в жилы** (Бикбарда Куединского района) [КБ: 71]. **И когда колдуны умирают, им надо всё это передать, не то смерти не будет, умирать будет долго, мучиться, пока не передаст. Он может просто через руку. Вот дашь руку, а черти-то и перейдут** (Сосново Чайковского района) [ФА].

Если по какой-то причине «знающий» не может «передать свое», родственники или сам колдун должны были произвести определенные действия, способные облегчить и приблизить его смерть. Как правило, это размыкание границ дома, в котором находится умирающий колдун: открывание окон, двери, печной трубы, чтобы через появившееся отверстие вылетели «слова», бесы – духи-помощники, а потом и душа этого колдуна: *А я вот слышала, в соседней деревне была старуха-колдунья. Ей надо умирать, а у ней никто не берёт. Родственникам навеливат – они тоже не берут. Ак она, говорят, в трубу давай выпускать. Трубу, говорит, открыла, чтобы туда вот выпускать. Вот что знат, то и выпускают, видимо. Говорит чё-то туда. Им передать надо, тогда легко умрут* (Насадка Кунгурского района) [ФА]. *Да, колдуны тяжело умирают. Вот в этом доме умерла колдунья, женщина. Ох и тяжело ей было. Так пока сын не залез на крышу, пока охлупень не разобрал, всё не могла умереть. Под лавку аж её затащишьло между ножек, еле достали. Так она всё звала к себе, всё у снохи-то руку просила. Та-то не дала. А то передала бы она своё колдовство* (Б. Кусты Куединского района) [ББ: 349].

* * *

Магическое воздействие – это комплекс приемов, среди которых вербальные играют одну из главных ролей: они сопровождают любое несловесное действие, являясь постоянным компонентом магических обрядов при факультативности, переменности других. Именно поэтому лексические единицы со значением речи (глаголы *говорить, сказать, шептать* и их дериваты – существительные, обозначающие сакральные тексты – *грамотка, заговор, молитва, наговор, отговор, сказка, слова*; магических специалистов – *словарка, словник, словица, шептальничек, шептарь, шептуха*, а также многочисленные устойчивые сочетания со значением приема / передачи вербальной магии – *отдать (отдавать, передать, передавать) слова (молитвы, грамотку) / перенять (перенимать, принять, принимать) слова; выучить сказку*) составляют большой пласт лексики, описывающей народную магико-ритуальную традицию Пермского края [Русинова 2009: 200].

С этим положением связано и наличие большой группы мифологических текстов исследуемого региона, рассказывающих об условиях и способах приема / передачи «знатья», в том числе вербальной магии.

Как показывает сравнительный анализ, представленные в статье группы мотивов, описывающие передачу / прием «знатья», обнаруживают себя и в текстах Русского Севера (тексты № 305,

326, 340, 431, 343 см.: [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996], тексты № 317, 319, 359 – [Мифологические рассказы Архангельской области], тексты № 81, 84–86 – [Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв.], тексты № 38, 40, 41, 42, 466, 29, 46, 110, 135 и др. – [Знатки, ведуны и чернокнижники... 2013]). Правда, мотивы, реализующие контакт неопита с мифическим существом в бане, богаче представлены в пермской мифологии: в текстах вербализованы разнообразные способы контакта и образы оборотничества этого существа.

Однако проанализированные мифологические тексты свидетельствуют о том, что обладание вербальной магией осознается чаще всего как часть общей способности «знающего человека» воздействовать на людей, животных и природу сверхъестественным образом. В корпусе исследованных текстов меньше половины таких, в которых сообщается о передаче / приеме только сакральных текстов. Кроме того, сам термин «слова» может использоваться не только для номинации заговоров, но и для обозначения, например, злых духов – помощников колдуна: *Колдунья-то сама с Могильникова будет. Она людей как-то напаивает. Слова у неё – черти. Они и портят* (Н. Шакшер Чердынского района) [ФА]. Конкретно-образное мышление носителей магико-ритуальной традиции приводит не только к «одушевлению» «слов» (они могут самостоятельно перемещаться по воздуху, превращаться в «чертей»), но и к представлению о том, что злые духи являются тем инструментом, с помощью которого «слова» достигают жертвы: *Злые колдуны чертей держат, с ними те слова по ветру пускают* (Пыскор Усольского района) [ФА].

Изучение мифологических текстов привело к еще одному наблюдению: чем чаще мотив реализуется в текстах, тем больше лексических единиц (лексем и словосочетаний), которые этот мотив вербализуют.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках научного проекта № 17-14-59009.

² В статье мы используем термин «колдун» в том значении, которое это слово имеет в русском литературном языке: Колдун. Человек, занимающийся колдовством. Колдовство. 1. По народным представлениям – магические приемы, с помощью которых можно воздействовать на людей и природу; использование таких приемов в разных целях [БАС 8: 218–219]. То есть колдун – это магический специалист, который может не только причинять вред, но и оказывать помощь людям.

Список источников с сокращениями

БАС – *Большой академический словарь русского языка*. Т. 8: Каюта – Кюрины. М.; СПб.: Наука, 2007. 840 с.

ББ – *Былички и бывальщины*: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К. Шумов. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 412 с.

ДАКТИПЯ – *Диалектный архив кафедры теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ*.

ЗС – *Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В.* Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2006. 224 с.

КБ – *Кудинские былички*: Мифологические рассказы русских Кудинского района Пермской области в конце XIX–XX вв. / сост. А. В. Черных. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2004. 114 с.

ФА – *Фольклорный архив филологического факультета ПГНИУ*.

Список литературы

Антчак В. К. «Знающие люди» в традиционной культуре русских: дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2005. 177 с.

Арсенова Е. В. Восточнославянские традиционные представления об «особом» знании и болезни // *Антропология. Фольклористика. Лингвистика*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2002. Вып. 2. С. 4–22.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.

Гранова М. А. Чердынская магическая традиция сквозь призму мотивного указателя: курсовая работа. Пермь, 2014. 91 с.

Знатки, ведуны чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: ФОРУМ; Неолит, 2013. 592 с.

Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академ. проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 212 с.

Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. Н. Власовой. 2-е изд. СПб.: Пушкинский дом, 2015. 912 с.

Мифологические рассказы Архангельской области / сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.

Никитина Н. А. К вопросу о русских колдунах // *Сборник музея антропологии и этнографии*. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 7. С. 299–325.

Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

Русинова И. И. Вербальная магия в лексике русских говоров Пермского края // *Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования* / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. Вып. 3. С. 193–201.

Русинова И. И., Боброва М. В., Черных А. В. Образ нечистой силы, участвующей в обряде инициации колдуна (на материале мифологических рассказов Пермского края) // *Демонология как семиотическая система: тез. докл. IV междунар. науч. конф.* Москва, РГГУ, 15–17 июня 2016 г. / сост. и ред. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М., 2016. С. 118–120.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.

Толстая С. М. Речь ритуальная // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого*. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Междунар. отн., 2009. С. 427–432.

Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, РГГУ, 2010. 432 с.

Черных А. В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 296 с.

References

Antchak V. K. «Znayushchie lyudi» v traditsionnoy kul'ture russkikh. Diss. kand. istor. nauk [‘Knowing people’ in the traditional culture of the Russians. Cand. histor. sci. diss.]. St. Petersburg, 2005. 177 p. (In Russ.)

Arsenova E. V. Vostochnoslavjanskije traditsionnye predstavleniya ob ‘osobom’ znanii i bolezni [Eastern Slavic traditional concepts about ‘special’ knowledge and disease]. *Antropologiya. Fol’kloristika. Lingvistika* [Anthropology. Folkloristics. Linguistics]. St. Petersburg, EUSP Press, 2002, vol. 2, pp. 4–22. (In Russ.)

Vinogradova L. N. *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual’naya traditsiya slavyan* [The folk demonology and myth-ritual tradition of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 432 p. (In Russ.)

Granova M. A. *Cherdynskaya magicheskaya traditsiya skvoz’ prizmu motivnogo ukazatelya. Kursovaya rabota* [Cherdyn magical tradition through the prism of a motif-based index. Coursework]. Perm, 2014. 91 p. (In Russ.)

Znatki, veduny, chernoknizhniki: koldovstvo i bytovaya magiya na Russkom Severe [Enchanters, wizards, warlocks: witchcraft and household magic in the Russian North]. Ed. by A. B. Moroz. Moscow, FORUM; Neolit Publ., 2013. 592 p. (In Russ.)

Krinichnaya N. A. *Russkaya mifologiya: Mir obrazov fol’klora* [Russian mythology: The world of folklore images]. Moscow, Akademicheskij projekt; Gaudeamus Publ., 2004. 1008 p. (In Russ.)

Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa [Mythological narratives and legends of the Russian North]. Comp., comment. by O. A. Chepanova. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1996. 212 p. (In Russ.)

Mifologicheskie rasskazy russkikh krest'yan 19–20 vv. [Mythological stories of Russian peasants of the 19th – 20th centuries]. Comp., preface, commentary by M. N. Vlasova. 2nd edition. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2015. 912 p. (In Russ.)

Mifologicheskie rasskazy Arkhangel'skoy oblasti [Mythological stories of the Arkhangelsk region]. Comp. N. V. Drannikova, I. A. Razumova. Moscow, OGI, 2009. 304 p. (In Russ.)

Nikitina N. A. K voprosu o russkikh koldunakh [To the issue of Russian sorcerers]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the museum of anthropology and ethnography]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1928, vol. 7, pp. 299–325. (In Russ.)

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)

Rusinova I. I. Verbal'naya magiya v leksike russkikh govorov Permskogo kraja [Verbal charms in the vocabulary of Russian dialects of the Perm region]. *Zhivaya rech' Permskogo kraja v sinkhronii i diakhronii: materialy i issledovaniya* [Living speech of the Perm region in synchrony and diachrony: materials and research], 2009, issue 3, pp. 193–201. (In Russ.)

Rusinova I. I., Bobrova M. V., Chernykh A. V. *Obraz nechistoy sily, uchastvuyushchey v obryade*

initsiatsii kolduna (na materiale mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraja) [The image of the evil spirits participating in the initiation of a sorcerer (a case study of mythological narratives of Perm Krai)]. *Demonologiya kak semioticheskaya sistema. Tezisy dokladov IV mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, RGGU, 15–17 iyunya 2016 g.* [Demonology as a semiotic system. Proceedings of the IV international scientific conference. Moscow, Russian State University for the Humanities, 15–17 June, 2016]. Comp., ed. by D. I. Antonov, O. B. Khristoforova. Moscow, 2016, pp. 118–120. (In Russ.)

Tokarev S. A. *Rannie formy religii* [The early forms of religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 622 p. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Rech' Ritual'naya [Ritual Speech]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 t.* [Slavic antiquities: The ethnolinguistic dictionary in 5 vols.]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, International Relations Publishing House, 2009, vol. 4. P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito) [P (Crossing the water) – S (Sifter)], pp. 427–432. (In Russ.)

Khristoforova O. B. *Kolduny i zhertvy: Antropologiya koldovstva v sovremennoy Rossii* [Wizards and their victims: Anthropology of witchcraft in modern Russia]. Moscow, United Humanitarian Publishers, Russian State University for the Humanities Publ., 2010, 432 p. (In Russ.)

Chernykh A. V. *Narody Permskogo kraja. Istoriya i etnografiya* [Peoples of the Perm region. History and ethnography]. Perm, Pushka Publ., 2007, 296 p. (In Russ.)

MOTIFS OF TRANSFERENCE / RECEIVAL OF VERBAL MAGIC AND THEIR REFLECTION IN LEXICAL UNITS (a Case Study of Mythological Narratives of Perm Krai)

Irina I. Rusinova

Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. irusinova@mail.ru

SPIN-code: 1107-4967

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3500-1604>

ResearcherID: T-7474-2018

Iuliia A. Shkuratok

Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. shkuratok@mail.ru

SPIN-code: 4745-5799

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2786-8734>

ResearcherID: T-6270-2018

Submitted 31.01.2018

The article examines the ways of transference of verbal magic which is considered as part of the magical and ritual tradition of the Russians in Perm Krai. Data collected and stored in the folklore and dialectology archives of the Department of Philology of Perm State University, texts of the folklore and ethnography corpus and monographs were used as the main sources for this article.

Russian mythological narratives of Perm Krai are shown to have several motifs connected with special conditions and ways of transference of verbal magic to a neophyte so that he/she could influence people and the world around. The first group of motifs describes the conditions of transference and / or receiving of sacral texts. The second group deals with the ways how this transference is performed. Lastly, the article shows the motif of how a person with magical powers transfers their supernatural abilities and knowledge to others on his / her deathbed.

The most common group of motifs are those depicting the act of special supernatural training that a neophyte must undergo in a Russian bathhouse at midnight. The Devil usually takes on a zoomorphic appearance (such as a dog, a frog, a toad, sometimes a snake, a crocodile, a pig, a wood grouse, a pike). Most frequently, before this contact with the Devil, the neophyte must read a book called *Chyornaya magiya* (Black Magic). This challenge is so difficult for the psyche of the person undergoing it that some people fail to complete their “learning” process and go mad.

As comparative analysis shows, the above described motifs are also found in the narratives of the Russian North. However, the motif of a neophyte who is to establish a contact with a mythical creature in a Russian bathhouse is more vividly presented in the mythological narrative of Perm Krai.

The role of articulated text in the magical ritual should not be taken lightly. Its importance can be seen not only in the thematic group of mythological lexis – lexemes that denote a sacred or magical text (Russian words *molitva*, *prigovor*, *slova* etc.), influence on something or someone with the help of verbal magic (Russian words *govorit'*, *sheptat'*), people who use sacred or magical texts in their professional activities (Russian words *slovník*, *sheptar'*) – but also in set expressions denoting the act of transference / receiving of verbal magic (and magical abilities on the whole) (*peredat'* / *peredavat'*, *perenyat'* / *perenimat'*, *prinyat'* / *prinimat'* – *slova*, *molitvy*, *znaniya*, *dar*, *silu*, *chertey*).

Key words: verbal magic; Perm Krai; koldun (magician); motif; mythological narrative.

УДК 821.161.1: 39

doi 10.17072/2037-6681-2018-4-70-78

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ НАРОДОВ СИБИРИ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «ТОБОЛ»¹

Татьяна Александровна Сироткина

д. филол. н., доцент кафедры филологического образования и журналистики

Сургутский государственный педагогический университет

628417, Россия, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2. sirotkina71@mail.ru

SPIN-код: 7901-7167

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3494-0968>

ResearcherID: D-5802-2018

Статья поступила в редакцию 30.07.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сироткина Т. А. Этнические образы народов Сибири в романе Алексея Иванова «Тобол» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 70–78. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-70-78

Please cite this article in English as:

Sirotkina T. A. Etnicheskie obrazy narodov Sibiri v romane Alekseyeva Ivanova «Tobol» [Ethnic Images of the Peoples of Siberia in the Novel 'Tobol' by A. Ivanov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 70–78. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-70-78 (In Russ.)

Сибирь является одним из тех разноплановых, неоднородных регионов, представления о которых могут значительно различаться в сознании отдельных личностей и разных поколений. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование образов Сибири, репрезентируемых посредством текстов различных типов дискурса. В настоящей статье рассматриваются этнические образы народов Сибири на примере функционирования этнонимов в тексте романа Алексея Иванова «Тобол». Цель статьи – обосновать актуальность исследования отдельных компонентов образа Сибири в разных типах дискурса, описать этнический фрагмент данного образа на примере художественного текста. Источником материала послужил изданный в 2017–2018 гг. двухчастный исторический роман А. Иванова, повествующий о событиях эпохи Петра Великого. Основным методом работы являлся метод дискурсивного анализа. В результате проведенного исследования было описано функционирование этнонимов в текстах исторической прозы, которое не только отражает этнические стереотипы языковой картины мира, но и помогает воссоздать этнические образы народов Сибири в исторической ретроспективе. Подчеркивается, что функционирование этнонимов отражает этнический фрагмент образа Сибири, представленного в художественном дискурсе. Делается вывод о том, что художественные тексты являются незаменимым источником не только описания образа Сибири, но и его конструирования в сознании жителей России. Поэтому очевидны перспективы данного исследования, связанные с привлечением для анализа текстов других типов дискурса, и обращения к иным аспектам рассматриваемого образа.

Ключевые слова: этнические образы; Сибирь; Алексей Иванов; этнонимы; дискурс; текст.

Сибирь является одним из тех разноплановых и неоднородных регионов, представления о которых могут значительно различаться в сознании отдельных личностей и разных поколений. По справедливому замечанию Е. В. Головневой, «неоднозначность и противоречивость современного восприятия Сибири ставит вопрос об

основаниях и механизмах конструирования ее образов» [Головнева 2016: 212].

По вышеназванным причинам особую актуальность приобретает исследование образов Сибири, репрезентируемых посредством текстов различных типов дискурса. Так, Т. А. Демешкина, обращаясь к текстам диалектного дискурса,

отмечает, что сибиряки осознают свое славянское происхождение, русскую идентичность, но видят и отличия по ряду признаков [Демешкина 2015: 108]. Н. Н. Родигина, описывая образ региона в учебной литературе по истории XIX в., констатирует, что «для учебной литературы характерно распространение в массовом сознании представления о Сибири как о «золотом дне», своеобразной кладовой, богатой природными ресурсами. Одновременно Сибирь рассматривалась как свидетельство территориального могущества русского государства, своеобразный ресурсный, в том числе и земельный, резерв империи» [Родигина 2006а: 192]. Художественные тексты, которые станут объектом нашего изучения, исследовательница в своей докторской диссертации относит к социокультурному уровню формирования образа региона, к которому, наряду с ними, принадлежат многочисленные научные описания, а также справочная и учебная литература [Родигина 2006б].

Материалом для настоящей статьи послужил опубликованный в 2017–2018 гг. двухчастный роман Алексея Иванова «Тобол», повествующий об исторических событиях эпохи Петра I на территории Сибири. «То было время, – пишут в одной из аннотаций издатели книги, – в которое творилась история российской Азии, да что там, всей России. Народы, веры перемешались. Пленные шведы, офицеры и чиновники, каторжники, китайские контрабандисты, беглые раскольники, шаманы, православные миссионеры, бухарские купцы и воинственные степняки-джунгары – все они вместе так или иначе повлияли на нашу историю»². Попытаемся рассмотреть с помощью метода дискурсивного анализа, каким образом репрезентируются этнические образы народов Сибири в тексте данного романа.

Необходимо отметить, что данная работа продолжает целый ряд исследований по геопоэтике урало-сибирского региона и, в частности, геопоэтике текстов А. Иванова. Как справедливо отмечают литературоведы, интуиция автора «превращает его пейзажи в геопоэтические образы» [Абашев 2012: 147], а «программный и художественный убедительный регионализм А. Иванова» оказывается «в высшей степени востребованным» [Подлесных 2008: 3].

В своем интервью журналу «Эксмо» в марте 2018 г. писатель говорит о том, что «большая часть нашей страны – terra incognita, пространство, известное только небольшому числу региональных историков». Наверное, поэтому он всю свою жизнь пишет исторические романы, желая открыть читателю неизведанные земли и непознанные пространства. Почему автор обратил свой взгляд еще дальше на север, переместив-

шись с Урала в далекую, порой неизведанную Сибирь? Ответ, как думается, лежит на поверхности. Поскольку, как отмечают исследователи, «Алексея Иванова эстетически притягивает древнее, неведомое, вышедшее из темных и страшных земных глубин» [Абашев 2012: 147]; север Западной Сибири явился для него тем местом, где еще больше, чем на Урале, нераскрытых тайн и реалий старины, регионом, геопоэтически еще более ярким и насыщенным. И хотя, по словам А. Иванова, «определение региональной идентичности не было главной задачей этого романа», он все же ставит своей целью «показать многомерность мира через восприятие представителей разных культур»³. И это автору блестяще удается. Удается прежде всего посредством реализации в тексте двух основных оппозиций: «свои – чужие» и «коренное население – пришлое население». Несмотря на значимость отнесения определенных реалий к конкретной этнической культуре, важнее для автора, как представляется, показать «многомерность мира», о которой он говорит, существующую даже в рамках определенного ограниченного пространства, в котором происходят события романа.

Через все произведение проходит идея равноправного существования на севере разных этносов. И русские, и остяки, и татары строят здесь дома, ловят рыбу, находят золото: «Но порой золото вываливается из-под плуга мирного пахаря – *татарина* или *русского слобожанина*» (здесь и далее курсив наш. – Т. С.) [2017: 137]⁴. Различия в их быте и культуре создают то этническое многообразие, которое складывается в сибирскую этническую мозаику: «Вокруг флотилии сновали крестьянские насады и шитики, *татарские каюки* и легкие обласы инородцев, очертаниями схожие с луками, – судно губернатора сопровождали зеваки из окрестных деревень» [там же: 83]; «*Русские солдаты* ничем не отличались от *шведов*, даже свои ружья они свалили в обозные сани, в которых везли провизию и скарб» [там же: 18].

Подробно описывает Алексей Иванов особенности быта, культуры, традиционные занятия разных этносов: «*Тобольские бухарцы*, которых возглавлял Ходжа Касым, летом на судах объезжали становища инородцев на Оби ниже устья Иртыша и покупали пушнину» [там же: 31]; «Посреди двора стояла корова; сидя на лавочке, ее доила *русская баба*» [там же: 184]. Многочисленные предметы и явления имеют в произведении А. Иванова этнические маркеры, не только выполняющие функцию реально-исторической достоверности, но и создающие национально-культурные образы. Так, этнонимные прилагательные маркируют в тексте романа:

– представителей разных этносов: «Вместе с другими *вогульскими женщинами* она стояла за жердяной изгородью и слушала спор» [2018: 86]; «Из-за какой-то *девки остяцкой*, поджигательницы, холопки на железо грудью кидаться – это сколько ума надо?» [там же: 260];

– особенности их внешности: «Ваня рассчитывал увидеть в зайсанге пугающего величием степного вождя, но увидел свиноголового мужика с узкими глазами; *монгольские усы и борода* тонкой черной нитью опоясывали презрительно изогнутый жирный рот; накладные кожаные лапы топорщились, как шишка» [там же: 187];

– их жилища: «Дом Нахрача ничем не отличался от других *вогульских домов*» [там же: 523];

– элементы национальной одежды: «Ренат снял рукавицы, сбросил с головы *джунгарский колпак* с ушами и посмотрел в серое небо»;

– характерные для национальной культуры обычаи и особенности поведения: «*Монголы* не любили оставлять указаний тех мест, где под травами спят их властелины» [там же: 101]; «Я вижу мужество сердечное в том, что ты не утаил согрешений *остяков*: как они детей продают в невольники, как лечиться отказываются, как в многоженстве погрязли» [там же: 367];

– объекты небесного пространства: «Иртыш призрачно и просторно светлел в темноте шевелящимся ледоходом, а в черном небе мерцали *джунгарские созвездия*, перекрещиваясь, будто следы степных колесниц, – никто не узнал их древних названий» [там же: 353] (окружающая героев природа всегда в текстах писателя является олицетворением души того народа, который проживает на данной территории);

– особенности вероисповедения и религиозных обрядов: «*Джунгары* верили в Барахмана и своих покойников сжигали, бросали в степи на съедение зверям либо отправляли в Тибетские горы, в Лхасу» [там же: 102]; «*Расколыщицкий мир* – вторая вселенная; он всюду, он невидим, но все опутал заповедными тропами; у него везде – свои люди и свои пристанища» [там же: 227]; «Теперь я знаю, почему вы, *русские*, так упрямо тащите Христа в наши леса. Вам надо, чтобы у нас была такая же сила, как у вас» [там же: 423]; «В Сибири крещение уравнивало инородцев с *русскими поселенцами*» [2017: 81].

А. Иванов описывает истории удачных и неудачных попыток крещения остяков-инородцев: «Возле села Самаровский Ям Иртыш владал в Обь, и тут Филофей ходил на языческие капища Белогорья, укрытые в дебрях чугаса – остяцкого божелесья» [там же: 192]; «Владыка требовал от воеводы снарядить гишпедицию на Обь, чтобы крестить инородцев – воевода дал дырявую посудину с драным парусом, и *березовские остяки*

только посмеялись над попами-нищелюдами» [там же: 78].

Представитель любого этноса решает для себя вопросы веры исходя из сложившейся ситуации: «*Эстляндский немец*, он был протестантом и старался не ходить в *русские православные храмы*» [там же: 50]; «Ему жалко было своих людей, которые ничего не могли возразить этому *русскому шаману*, и жалко было лесных богов, которых русский шаман объявил злыми духами» [там же: 194]. Звучат в романе и отголоски доязыческой эпохи, о которой вспоминает один из героев: «Ежели те люди, что исписали скалу, не знали одежды, выходит, не знали и бога – не только Христа или Магомета, но даже *вогульских и остяцких божков*» [там же: 223].

Этнические определения имеют многие предметы быта. Не только татары в Сибири носили татарские халаты, татарские чекмени, не только китайцы пользовались китайскими веерами, не только русские, но и иноземцы ходили в треуголках и пользовались русской посудой: «Матвей Петрович выбежал, в чем спал, – в *татарском халате*» [там же: 141]; «Возле ограды, гомоня и пересмеиваясь, околачивались зеваки и покупатели: приказчики, служилые, казаки-годовальщики, бухарец в *татарском чекмене*, монастырский эконо́м в рясе, захлестанной понизу грязью, какие-то шныри разбойного вида» [там же: 122]; «Довольный собою, Табберт поднялся, взял с полки хрупкий *китайский веер* с журавлями и розовыми цветами вишни и напоказ для Айкони начал томно обмахиваться, как дама, закатив глаза и открыв рот» [там же: 220]; «На голове у степняка была нахлобучена *русская треуголка*, к груди степняк прижимал *русский горшок* – видимо, с кашей в дорогу» [2018: 167]. Используемые иноземцами предметы быта не случайно маркируются автором как русские – А. Иванову важно показать неизбежное взаимовлияние и взаимопроникновение культур в условиях совместного существования, и он отражает это не только в мирных бытовых сценах, но и в сценах военных баталий, когда представители разных этносов испытывают одни и те же чувства, страдают одинаково: «Все перепуталось с сумятице, топоте и снежной пыли: руки, локти, плечи, лошадиные гривы, сабли, пики, копыта, искаженные лица, шведские проклятья, русская брань и монгольские ругательства» [там же: 302].

В романе «Тобол», как и в других исторических произведениях автора, яркую репрезентацию получают этнические стереотипы. Основная функция стереотипизированных высказываний – репрезентация оппозиции «мы (правильные) – они (неправильные)», существующей в языковой картине мира любого народа. В этом смысле ге-

рой романа, давая оценку тем или иным национальным предметам в зависимости от их качества, выражают как раз данную смысловую оппозицию: «– Возьми нашу бумагу, бухарскую. – Дрянная бумага, – уверенно заявил Ремезов» [2017: 118]; «Немецкие хоромы хлипкие! Палками подперты!» [там же: 96]; «Крестьянские лошади, конечно, уступали *джунгарским* в бегах, но кони степняков уже утомились за полдня» [2018: 114].

При всей пестроты этнической мозаики, репрезентируемой автором, он отражает в «Тоболе», как и в других своих произведениях (ср. комментарий в одном из интервью прошлых лет: «Мы – русские люди – люди реки. И нам у них [вогулов] в лесах – страшно»), русские национально-культурные стереотипы. Оценка героями определенных черт характера представителей других этносов (немецкой педантичности, бухарской хитрости, остяцкой наивности) воспринимается через призму авторской оценки этих качеств, в которой ярче всего реализуется оппозиция «свое – чужое». Так, например, герои романа воспринимают попытку приехавших в Сибирь немцев навести порядок во всем как вторжение на чужую территорию, в чужую жизнь: «Раньше Бухгольц вызывал у него раздражение: приперся из столицы ни с того ни с сего, никому почтения не оказал, да еще принялся переустраивать все на немецкий лад» [там же: 40].

Непривычные для русских героев романа этнические реалии сравниваются с привычными и понятными им: «Поганая на вкус кислятина обожгла, как *русская водка*» [там же: 211]. Вместе с тем показаны в тексте попытки освоения инородцами русского культурного пространства: «На голове у степняка была нахлобучена *русская треуголка*, к груди степняк прижимал *русский горшок* – видимо, с кашей в дорогу» [там же: 167]; «А джунгары калмыкам кто? Братья? – Ренат тщательно выговаривал эти головоломные русские названия народов» [там же: 158]. Они пытаются найти способы существования в тех условиях, в которых оказались, поскольку понимают: «Бесконечные русские пространства держат нас в плену надежнее, чем цепи и кандалы» [2017: 304]. Особое отношение автора к русским связано, как представляется, не только с принадлежностью к данному этносу, но и пониманием им как историком огромного значения освоения Сибири для дальнейшего развития страны. «Когда в XXI веке ты целый день едешь на машине от Тюмени до Сургута, ты понимаешь, – говорит он, – какие это гигантские расстояния. Понимаешь, что люди, которые отправлялись в путь на утлых суденышках, уже точно руководствовались не одной лишь материальной выгодой, но еще и какими-то другими соображениями. Осво-

ение Сибири, действительно, было пассионарным выплеском нации, и его можно ощутить по тем расстояниям, которые русскими преодолены»⁵.

Коренным жителям Сибири – остякам – приходится осваивать язык и культуру пришедших сюда русских, и постепенно им это удается: «Айкони не понимала, о чем сейчас без слов договорились эти сильные мужчины, да она почти и не разбирала *русскую речь*» [там же: 57]; «У Ремезовых была работница – остячка Пеуди. Поначалу и говорить *по-русски* не умела, а затем ничего, освоилась» [там же: 126]. Вместе с тем остяки на протяжении всего текста романа предстают простодушными и даже немного наивными, беспрекословно подчиняющимися воле своих богов и не ждущими подвоха от других людей. Однако на примере остячки Айкони автор показывает нам их способность к любви и самопожертвованию, негибкую волю в разных жизненных ситуациях. Русские, в свою очередь, осваивают те культурные традиции других этносов, которые кажутся им наиболее прогрессивными: «– У него духовный театр, – важно добавил келарь. – Зрелища разные богоугодные с поучениями. *Хохляцкая придумка*» [там же: 73]. К быту же и традициям коренных народов – только присматриваются, понимая, что все эти традиции удастся использовать лишь частично: «Ерофей приглядывался к хитростям *остяцкой жизни*: как остяки плетут из лозы ловушки на песца? Как выгибают полозья лыж? Как сушат юколу, распирая потрошеную рыбу прутиками?» [там же: 39]. Если же «свои» начинают бездумно подражать «чужим», это оценивается отрицательно: «Вырядился, как немецкая баба: овечьи кудри, грудь в кружевах, камзол с оттопыренным задом, на рукаве бант, короткие порты с пуговицами, чулки, – тьфу, мерзопакость» [там же: 89]. Однако в какой-то момент может происходить переоценка привычных взглядов и представлений: «Но сейчас Новицкий вдруг понял, что *остяки* – не идолы. Они могут быть красивыми» [там же: 202].

Представители любого «чужого» этноса выглядят непривычно, как, например, непривычно для русских выглядят пленные шведы, которых было много в Сибири: «Неподалеку от дьяков и пушек губернатора ожидали пленные *шведы* – почти все рослые, белобрысые, в потрепанных париках, посыпанных мукой, и в непривычных русскому глазу камзолах» [там же: 5]. Поэтому восприятие «других» связано с процессом стереотипизации: «*Остячек* он не мог различить между собой: все мелкие, круглолицые, смуглые, не поймешь, молодые или старые» [там же: 39]; «– Думаешь, я *русскую рожу* от *шведской* не отличи?» [там же: 7].

Автор отражает в тексте не только русскую картину мира, но и картину мира инородческого населения Сибири. Так, коренные этносы зачастую воспринимали русских как стихийное бедствие, с которым трудно справиться, поэтому нужно как-то научиться жить с ним: «В отличие от других остяков, Пантила не верил, что русские – колдуны. Он не боялся русских, он ездил на ярмарки и в Березов, и в Тобольск. Власть русских была не в колдовстве. Все русские, даже какой-нибудь последний нищий на ярмарочной площади, имели в себе безоговорочное убеждение, что тут, в Сибири, они самые главные. Они приходили и брали, что пожелают, и даже удивлялись, когда им не хотели давать. Они не сомневались в своем праве. И про меру они тоже не думали – забирали больше, чем надо, могли забрать вообще все, и не испытывали вины. Русские были не народом, а половодьем» [2017: 43].

От названий этносов образованы многочисленные топонимы, образующие и организующие сибирское пространство романа: «Вон справа – остроугольный *Чувашский мыс*, вернее Почеваш, – верхний по течению Иртыша конец Алафейской гряды» [там же: 82]. С казаками, игравшими основную роль в освоении Сибири, также связаны некоторые топонимы, например, *Казачий взвоз* в Тобольске: «На праздничную службу он решил пойти в Никольскую церковь, что стояла возле Орловской башни Софийского двора над Казачьим взвозом» [там же: 139]. Известный исследователь того времени, Семен Ульянович Ремезов, пытается изучить и описать по различным документам той эпохи всю историю Сибири: «В углах высились поставцы с кораблями, в которых хранили склеенные в свитки бесчисленные бумаги – «отписки» воевод, казачьи «сказки», «расспросные речи» и сыскные дела Сибири» [там же: 131].

Многочисленны в тексте описания старообрядческого населения Сибири. «*Раскольников* как тараканов!» [там же: 133] – восклицает в сердцах один из героев романа. «Ссылных *раскольников*, – пишет автор, – которых пригоняли в Тобольск, обычно помещали в архиерейские казематы» [там же: 209]; «Звеня цепями, теряя в грязи березовые лапти, *раскольники* брели по улицам Тобольска к Прямскому взвозу» [там же: 205].

Использование абстрактных понятий (*русское державство*, *царская неметчина*) позволяет героям делать выводы и обобщения: «А сейчас этот архитектор попрекает его, будто он запамятовал, на каких опорах русское державство стоит» [там же: 104]; «Царская неметчина со всеми ее париками и шпагами, экзерцициями и фортециями Матвею Петровичу и самому не слишком нравилась» [там же: 104].

Необходимо отметить, что писатель свободно оперирует этнонимической лексикой, используя в зависимости от ситуации различные формы этнических имен. Если этноним *русские* встречается в тексте авторских комментариев или речи персонажей, хорошо владеющих русским языком, то в речи иноземцев функционирует форма *орыс*: «Этот русский не понимает, как надо жить. Он только богу молиться может» [2018: 88]; «Встань, орыс, – приказал он по-русски» [там же: 116]. Этнонимы и сочетания с этнонимными прилагательными равномерно распределены по всему тексту романа, выполняя самые различные функции: номинации персонажей, создания исторического контекста повествования, стилистической характеристики предметов, репрезентации особенностей национальной культуры, в результате чего в произведениях Алексея Иванова перед читателем разворачивается картина многонационального и поликультурного региона России – Сибири, в которой сосуществуют (когда-то мирно, когда-то конфликтно) представители различных этносов. С помощью описания особенностей внешности, традиционной одежды, верований, занятий представителей того или иного народа через текст писателя проходит идея толерантности, взаимопроникновения и взаимообогащения различных культур, которые являются основой развития данного региона как одной из интереснейших в самых разных отношениях территорий России.

Несмотря на пеструю этническую мозаику описываемого региона, автор уделяет особое внимание коренным жителям края – народу ханты. Даже яркие критики романа отмечают, что «Иванов великолепен в пересказе мифов» [Мильчин 2018]. Хочется отметить при этом, что хантыйские мифы настолько незаметно вплетены в текст романа, что он немыслим без этой яркой составляющей, а пересказ их настолько необходим, насколько необходимо присутствие в тексте хантыйского начала, без которого образ Сибири в романе был бы блеклым и неполным: «Ей теперь тоже было с кем говорить. Нахрач принес ей настоящий огонь – не тот, который соскакивает с кремня, чтобы согреть человека в пути и затем умереть, а родовой огонь из священного очага. В этом огне жила маленькая веселая женщина Сорни-Най в красном платье. Когда-то она была дочерью бога Торума, хозяина неба. Некий молодой охотник полюбил ее, превратился в ласточку и похитил у Торума, бог только успел метнуть вслед похитителю молнию, которая надвое рассекла ласточкин хвост. А Сорни-Най с тех пор жила у людей на земле» [2018: 58].

Авторское восприятие Сибири, по-видимому, отражено в восприятии ее одним из русских ге-

роев данного романа – владыкой Филофеем: «Владыка Филофей озирался по сторонам. Он понимал, что впервые в жизни очутился в настоящей Сибири – лешачьей, матерой и дикой. На дощанике посреди реки или в санях на лесном тракте – это не то; на поляне у берега или даже в глухой деревушке инородцев – тоже не то. Сейчас он погружен в Сибирь, как в это болото, и шаг в сторону легко погубит его. Он не просто пробирается через трясины; он – мошка, что ползет по рылу чудовища: чудовище может смахнуть его лапой, а может и прихлопнуть. Но здесь яснее, чем в храме, ощущается присутствие бога. Господь спасает человека даже в бездне, а подлинная Сибирь – воистину бездна» [2018: 553].

Язык романа был по-разному оценен критиками. Д. Быков назвал его «некрасивым и несъедобным», Ксения Кузнецова – «простым и прямолинейным», С. Беляков – «экзотическим». Однако представляется, что в «Тоболе» А. Иванов, с одной стороны, расширяет свой опыт «погружения» в местную языковую среду, как он делал в своем первом историческом романе «Чердынь – княгиня гор», с другой – продолжает традицию «научного» осмысления определенной территории, удачно продемонстрированную в романе «Message: Чусовая», в результате чего возникают симбиоз смыслов и взаимопроникновение стилей, которые можно оценить как следующую, более высокую ступень эволюции творческой манеры писателя, свободно «переключающего» рычаги различных культурных кодов и обладающего внутренней свободой человека, освоившего данное географическое, историческое, культурное пространство. «Смешивая жанры, я получаю стереоскопическое изображение давней эпохи»⁶, – говорит автор. И это смешение позволяет ему показать Сибирь глазами представителей разных этносов, дав возможность читателям рассмотреть данную территорию не однолинейно и одномерно, а, образно говоря, в 3D-изображении.

Необходимо отметить особое место этнонимии в индивидуально-авторской картине мира. Этнонимы, используемые автором, являются, по нашему мнению, как раз отголосками «древнего и неведомого», того, что до конца постичь невозможно. А. Иванов использует этнические имена не только в исторической прозе, но и в текстах, посвященных современной жизни: «У меня есть собственные созвездия, мои. Вот они – Чудские копи, Югорский истукан, ... Вогульское копые. Целый год я не видел их такими яркими» [Иванов 2005а: 399]. Даже современного городского жителя, попавшего в условия туристического похода, Иванов называет «вогулом»: «Овогулившийся человек – это человек,

три дня пивший на свежем воздухе и спавший на сырой земле... В обычной жизни он был начальником какой-нибудь фирмы или программистом, а сейчас – вогул» [Иванов 2005б: 3]. В этой авторской характеристике мы видим не просто авторскую иронию, а уважительное отношение писателя к особо значимому для его авторского сознания этносу, слову, реализующему в разных контекстах коннотации «близкий к природе, умеющий жить по законам природы», «исконный, древний», «правильный».

Таким образом, функционирование этнонимов отражает этнический фрагмент образа Сибири, представленного в художественном дискурсе, а художественные тексты являются незаменимым источником не только описания образа Сибири, но и конструирования этого образа в сознании жителей России. Теоретическая значимость исследования этнонимии исторической прозы А. Иванова заключается в углублении представлений об особенностях функционирования этнических имен в художественных текстах, важных не только для современной этнонимии, но и лингвокультурологии, этнолингвистики, геопозитики. Говоря о практической значимости работы, важно подчеркнуть наличие широких возможностей сопоставительных исследований в данном направлении, перспектив создания учебно-методических разработок, а также, безусловно, актуальность лексикографического описания этнонимии художественных текстов в региональном этнонимическом словаре.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-412-86002 «Образы Сибири в разных типах дискурса»).

² Аннотация к книге А. Иванова «Тобол». URL: <https://ast.ru/book/tobol-mnogo-zvanykh-826852> (дата обращения: 17.07.2018).

³ Интервью с А. Ивановым. URL: <https://eks-mo.ru/interview/aleksey-ivanov-nikogda-odna-epokha-ne-mozhet-byt-obyasneniem-drugoy-ID13085296> (дата обращения: 17.07.2018).

⁴ Здесь и далее ссылки на произведения: *Иванов А.* Тобол. Много званых: роман-пеплум. М.: АСТ, 2017. 704 с.; *Иванов А.* Тобол. Мало избранных: роман-пеплум М.: АСТ, 2018. 832 с.

⁵ Интервью с А. Ивановым. URL: <https://eks-mo.ru/interview/aleksey-ivanov-nikogda-odna-epokha-ne-mozhet-byt-obyasneniem-drugoy-ID13085296> (дата обращения: 17.07.2018).

⁶ Журнал «Лица». URL: <https://eks-mo.ru/interview/aleksey-ivanov-nikogda-odna-epokha-ne-mozhet-byt-obyasneniem-drugoy-ID13085296> (дата обращения: 17.07.2018).

Список литературы

Абашев В. В., Абашева М. П. Литература и география. Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Вып. 2(19). С. 143–151.

Галян С. В., Ларкович Д. В., Сироткина Т. А. Филологический анализ регионального (югорского) текста: учеб. пособие. Тюмень, 2017. 168 с.

Головнева Е. В. Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. Вып. 4. С. 211–220.

Гололобов Е. И. Сибирский север: динамика образа – от barren grounds к northern plain // *Guaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 1. С. 137–152.

Демешкина Т. А. Славянский компонент в самоидентификации жителей Сибири // Русин. 2015. № 3(41). С. 90–107.

Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999. 256 с.

Иванов А. Географ глобус пропил. СПб.: Азбука-классика, 2005а. 512 с.

Иванов А. Овогуливание «чайников» // *Premium-club*. 2005. Декабрь. С. 3.

Иванов А. Тобол. Много званых: роман-пеплум. М.: АСТ, 2017. 704 с.

Иванов А. Тобол. Мало избранных: роман-пеплум. М.: АСТ, 2018. 832 с.

Коршунков В. А. «Дорога – Сибирь!»: образ Сибири и сибирские дороги в XIX веке // Образы России, её регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию Новосибирского гос. пед. ун-та. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 153–157.

Лазареску О. Г. Сибирь, Ермак и другие: к вопросу об исторических трансформациях литературных жанров, образов и мотивов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 122–130.

Мильчин К. «Тобол. Мало избранных» Алексея Иванова: как российский писатель с чертом договаривался // ТАСС. Информационное агентство России. 2018. 2 февр. URL: tass.ru/options/4924682. (дата обращения: 17.07.18).

Подлесных А. С. Геопозитика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.

Родигина Н. Н. Образ Сибири в учебной литературе по истории XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006а. С. 185–195.

Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006б. 477 с.

Сверкунова Н. В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002. 192 с.

Сироткина Т. А. Этнонимы в пространстве художественного текста // Пушкинские чтения – 2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. СПб., 2018. С. 387–393.

Сироткина Т. А. Этнонимы в региональных художественных текстах как маркеры национальной идентичности // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности. Елабуга, 2017. С. 218–220.

Dacewicz L. Etnonimy w słownikach ogólnych języka polskiego i rosyjskiego // *Slavia orientalis*. 2016. Vol. LXV, № 2. P. 363–375.

References

Abashev V. V., Abasheva M. P. Literatura i geografiya. Ural v geopoetike Rossii [Literature and geography. The Urals In Russia geopoetics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya istoriya* [Perm University Herald. History], 2012, issue 2 (19), pp. 143–151. (In Russ.)

Galyan S. V., Larkovich D. V., Sirotkina T. A. *Filologicheskij analiz regional'nogo (yugorskogo) teksta: Uchebnoe posobie* [Philological analysis of the regional (Yugorsk) text: Textbook]. Tyumen, 2017. 168 p. (In Russ.)

Golovneva E. V. Formirovanie obraza Sibiri v protsesse ee kolonizatsii [The formation of the image of Siberia in the process of its colonization]. *Sotsial'no-ehkonomicheskij i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU* [Social and economic and humanitarian magazine of Krasnoyarsk SAU], 2016, issue 4, pp.211–220. (In Russ.)

Gololobov E. I. Sibirskiy sever: dinamika obraza – ot barren grounds k northern plain [The Siberian North and the dynamics of an image: from Barren grounds to a Northern plain]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, issue 1. pp. 137–152. (In Russ.)

Demeshkina T. A. Slavyanskiy komponent v samoidentifikatsii zhiteley Sibiri [Traits of the Slavic identity in the self-identification of a Siberian native]. *Rusin*, 2015, issue 3(41), pp. 90–107. (In Russ.)

Zamyatin D. N. *Modelirovanie geograficheskikh obrazov: Prostranstvo gumanitarnoy geografii* [Modeling of geographical images: The space of humanitarian geography]. Smolensk, 1999. 256 p. (In Russ.)

Ivanov A. *Geograf globus propil* [The geographer drank his globe away]. St. Petersburg, Azbukaklassika Publ., 2005a. 512 p. (In Russ.)

Ivanov A. *Ovogulivanie «chaynikov»*. *Premium-club*, 2005, Dec., p. 3. (In Russ.)

Ivanov A. *Tobol. Mnogo zvanykh: roman-peplum* [Tobol. A lot of those invited: a peplum novel]. Moscow, AST Publ., 2017. 704 p. (In Russ.)

Ivanov A. *Tobol. Maloizbrannykh: roman-peplum* [Tobol. Few chosen ones: a peplum novel]. Moscow, AST Publ., 2018. 832 p. (In Russ.)

Korshunkov V. A. «Doroga – Sibir'!»: obraz Sibiri i sibirskie dorogi v 19 veke [«The road – Siberia!»: The image of Siberia and the Siberian roads in the 19th century]. *Obrazy Rossii, ee regionov v istoricheskoy i obrazovatel'nom prostranstve: materialy Vseros. nauch.-praktich. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashch. 75-letiyu Novosibirskogo gos.ped. un-ta* [The Images of Russia and Its Regions in Historical and Educational Space: Proceedings of Sci. and Pract. Conf. with International Participation, Dedicated to the 75th Anniversary of Novosibirsk State Pedagogical University]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2010, pp. 153–157. (In Russ.)

Lazaresku O. G. *Sibir', Ermak i drugie: k vo-prosu ob istoricheskikh transformatsiyakh literaturnykh zhanrov, obrazov i motivov* [Siberia, Ermak and others: on the question of historical transformations of literary genres, images and motives]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya Filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2017, issue 5, pp. 122–130. (In Russ.)

Mil'chin K. «Tobol. Malo izbrannykh» Alekseya Ivanova: kak rossiyskiy pisatel' s chertom dogovarivalsya [‘Tobol. Few chosen ones’ by Alexey Ivanov: how the Russian writer was negotiating with the devil]. *TASS. Rossiyskoe informatsionnoe agentstvo* [TASS. Russian News Agency], 2 February, 2018. Available at: tass.ru/options/4924682 (accessed 17.07.18). (In Russ.)

Podlesnykh A. S. *Geopoetika Alekseya Ivanova v kontekste prozy ob Urale. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Geopoetics of Aleksei Ivanov in the context of the prose about the Urals. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2008. 24 p. (In Russ.)

Rodigina N. N. *Obraz Sibiri v uchebnoy literature po istorii 19 v.* [The image of Siberia in the textbooks on the 19th century history]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic and Law Research], 2006a, pp. 185–195. (In Russ.)

Rodigina N. N. *Obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny 19 – nachala 20 v.* Diss. dokt. ist. nauk [The image of Siberia in the Russian journal press of the second half of the 19th - beginning of the 20th century. Dr. hist. sci. diss.]. Novosibirsk, 2006b. 477 p. (In Russ.)

Sverkunova N. V. *Regional'naya sibirskaya identichnost': opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Regional Siberian identity: the experience of sociological research]. St. Petersburg, 2002, 192 p. (In Russ.)

Sirotkina T. A. *Etnonimy v prostranstve khudozhestvennogo teksta* [Ethnonyms in the space of literary text]. *Pushkinskie chteniya-2018. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst.* [Pushkin readings-2018. Artistic strategies of classical and modern literature: genre, author, text]. St. Petersburg, 2018, pp. 387–393. (In Russ.)

Sirotkina T. A. *Etnonimy v regional'nykh khudozhestvennykh tekstakh kak marker natsional'noy identichnosti* [Ethnonyms in regional literary texts as markers of national identity]. *Rossiyskaya provintsiya kak sotsiokul'turnoe pole formirovaniya grazhdanskoy i natsional'noy identichnosti* [Russian province as a sociocultural field of the civil and national identity formation]. Elabuga, 2017, pp. 218–220. (In Russ.)

Dacewicz L. *Etnonimy w słownikach ogólnych języka polskiego i rosyjskiego.* *Slavia orientalis*, 2016, vol. 65, issue 2, pp. 363–375. (In Pol.)

**ETHNIC IMAGES OF THE PEOPLES OF SIBERIA
IN THE NOVEL 'TOBOL' BY A. IVANOV**

Tatyana A. Sirotkina

Associate Professor in the Department of Philological Education and Journalism

Surgut State Pedagogical University

10/2, 50 let VLKSM st., Surgut, 628417, Russian Federation. sirotkina71@mail.ru

SPIN-code: 7901-7167

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3494-0968>

ResearcherID: D-5802-2018

Submitted 30.07.2018

Siberia is one of those multifaceted and heterogeneous regions the idea of which can differ significantly in the minds of individuals and different generations. In this connection, the study of the images of Siberia represented through texts of various types of discourse appears to be of particular relevance. In the present article, ethnic images of the peoples of Siberia are examined through the example of ethnonyms functioning in the text of the novel *Tobol* written by Alexei Ivanov. The article aims to substantiate the relevance of studying individual components of the image of Siberia in different types of discourse, to describe the ethnic fragment of this image by the example of literary text. The source material for the study is a two-part historical novel by A. Ivanov, published in 2017–2018 and narrating about the events of the era of Peter the Great. The main research method used was discursive analysis. As a result, the functioning of ethnonyms in the texts of historical prose was described, which not only reflects ethnic stereotypes of the linguistic worldview but also helps to recreate ethnic images of the peoples of Siberia in historical retrospect. It is emphasized that functioning of ethnonyms reflects the ethnic fragment of the image of Siberia represented in literary discourse. It is concluded that literary texts are an indispensable source not only for describing the image of Siberia but also for constructing this image in the minds of the inhabitants of Russia. Therefore, the prospects of research are obviously connected with the analysis of texts belonging to other types of discourse and consideration of other aspects of the images in question.

Key words: ethnic images; Siberia; Aleksei Ivanov; ethnonyms; discourse; text.

УДК 81'373.613

doi 10.17072/2037-6681-2018-4-79-86

КИТАИЗМЫ В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Цзян Сюехуа

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. xuehua75081970@yandex.ru

SPIN-код: 7008-3931

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9920-071X>

ResearcherID: E-5361-2018

*Статья поступила в редакцию 05.04.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Цзян Сюехуа. Китаизмы в языке русского зарубежья первой половины XX века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 79–86. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-79-86***Please cite this article in English as:***Jiang Xuehua. Kitaizmy v yazyke russkogo zarubezh'ya pervoy poloviny XX veka [Chinese Borrowings in the Language of Russian Emigrants in the First Half of the 20th Century]. [Feelings and Emotions in the Russian Linguistic World View]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 79–86. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-79-86 (In Russ.)*

Анализируются китайские заимствования в языке русских эмигрантов Северо-Восточного Китая первой половины XX в. Описываются понятия заимствований, причины их возникновения. В современной лингвистике отсутствует единство в толковании понятия «заимствование». Анализ его определений, представленных рядом лингвистов, показал, что наиболее полным и наиболее распространенным, на наш взгляд, является следующее определение термина «заимствование». Заимствование – это элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. Заимствование – это процесс, который обусловлен сложным комплексом внутренних (лингвистических) и внешних (экстралингвистических) причин. Основной его причиной признается отсутствие соответствующего понятия в заимствующем языке. На материале воспоминаний Н. И. Ильиной («Судьбы», «Дороги» и «Возвращение») рассматриваются основные способы заимствования: транскрипция и калькирование, а также предлагается классификация лексико-тематических групп: названия географических объектов, имена, названия партий, природных объектов, предметов быта (питание, жилища, денежные единицы, игры и др.) и междометия, проводится их грамматический и семантический анализ. Заимствования являются вполне закономерным путем обогащения языка; заимствованные слова имеют важное значение для лексической системы языка-акцептора; они отражают чужую культуру и менталитет, традиции, обычаи.

Ключевые слова: китайские заимствования; русские эмигранты; транскрипция; калькирование; лексико-тематические группы; заимствованные слова.

Китаизмы – слова, лексемы, заимствованные в другие языки из китайского. Такие заимствования есть в языках народов, живущих недалеко от Китая (в монгольском, японском и др.). В русском языке собственно китаизмов, заимствований, совсем немного, их скорее можно отнести к экзотизмам: чай, женьшень, жемчуг, чесуча, гонг, фанза, тайфун, тамтам, байховый (чай). Ки-

таизмами можно считать и калькированные выражения: Поднебесная империя («китайское государство»), бумажный тигр («мнимо сильный и страшный политик, соперник»), терять лицо («выйти из себя, выказать свое раздражение») [Панькин, Филиппов 2011: 76]. Предметом нашего анализа являются слова и обороты речи, заимствованные из китайского языка в русский язык.

Проблема заимствований интересовала многих исследователей, как зарубежных, так и отечественных: Л. П. Крысин, Е. А. Земская, В. Г. Костомаров, З. Н. Левит, В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, А. А. Шахматов, Д. С. Лотте и др. Одни лингвисты сосредотачивают свое внимание на внутрисистемном аспекте вхождения иноязычных элементов в заимствующий язык (Н. Н. Амосова, Л. П. Крысин, А. П. Майоров), другие рассматривают заимствование в контексте двуязычия, межъязыкового контакта и межсистемного взаимодействия языков (В. М. Аристова, У. Вайнрах, Э. Хауген).

В сложном процессе исследования заимствований предусматривается решение целого ряда вопросов. Л. П. Крысин обозначал основные и актуальные вопросы в исследовании заимствования: какое языковое явление называется заимствованием, их причины, типы, способы, признаки освоения иноязычного слова, позволяющие считать его заимствованным [Крысин 1968: 10].

В современной лингвистике отсутствует единство в толковании понятия «заимствование». Традиционно заимствование определяется как переход, перенесение, перемещение, проникновение различных элементов из одного языка в другой язык. В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой приведены два определения понятия «заимствование» – заимствование как процесс и как результат: 1) обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения неизвестных прежде предметов (нередко сами эти понятия и предметы становятся известными носителям данного языка лишь вследствие контактов с теми народами, из чьих языков заимствуются соответствующие слова); 2) слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования (в 1-м знач.) [Ахманова 1969: 150–151].

Л. П. Крысин определил понятие «заимствование» как процесс перемещения различных элементов (фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики) из одного языка в другой [Крысин 1968: 80].

По мнению Ю. С. Маслова, заимствование есть активный процесс: заимствующий язык не пассивно воспринимает чужое слово, а так или иначе переделывает и включает его в сеть своих внутренних системных отношений [Маслов 1987: 202].

Ю. Н. Караулов понимал заимствование так: 1) переход элементов одного языка в систему другого языка как следствие более или менее длительных контактов между этими языками; 2) слово или оборот, вошедшие в язык в результате такого перехода. Заимствоваться могут фо-

немы (напр., фонема «*ф*» была заимствована из греческого языка), морфемы (таковы, напр., морфемы *-изм*, *анти-* и др.); по иноязычным образцам могут создаваться синтаксические конструкции (напр., деепричастные заголовки типа «Подводя итоги» – результат влияния английского синтаксиса) [Караулов 1997: 132].

Наиболее полным, на наш взгляд, является определение термина «заимствование», представленное в «Большом энциклопедическом словаре»: Заимствование – это элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [БЭС 1998: 158].

Заимствование лексики является следствием сближения народов в области экономических, политических, научных и культурных связей. Изучением причин заимствования иноязычных слов занимались многие лингвисты еще в начале XX в. Основной причиной заимствования слов признается отсутствие наименования новых вещей, выражение неизвестных понятий. Заимствование представляет собой процесс, который обусловлен сложным комплексом внутренних (лингвистических) и внешних (экстралингвистических) причин.

Экстралингвистические причины – это наличие политических, экономических, научных и культурных связей между народами. Ю. С. Маслов утверждал, что общей основой для всех процессов заимствования является взаимодействие между народами, между соответствующими культурами, экономические, политические, бытовые, культурные контакты между людьми, говорящими на разных языках [Маслов 1987: 201]. По мнению Д. С. Лотте, экстралингвистической причиной заимствования является культурное влияние одного народа на другой. Обратимся теперь к внутрilingвистическим причинам лексических заимствований. Д. С. Лотте выделял следующие: 1) отсутствие в родном языке эквивалентного слова или понятия; 2) тенденция использования одного заимствованного слова вместо описательного оборота; 3) стремление к повышению и сохранению коммуникативной четкости лексических единиц, которое выражается в устранении полисемии или омонимии в заимствующем языке; 4) потребность в детализации соответствующего значения, разграничении некоторых его смысловых оттенков путем прикрепления их к разным словам; 5) тенденция к экспрессивности, ведущая к появлению иноязычных стилистических синонимов; 6) отсутствие в родном языке возможности образования производных от имеющегося в данном языке ис-

ходного слова; 7) накопление в заимствующем языке однотипных слов, у которых намечается вычленение одного из подобных элементов, таким способом заимствуются морфемы и словообразовательные элементы [Лотте 1982: 112].

В статье рассматриваются китаизмы, пользующиеся большой популярностью в среде русской эмиграции. Появление китайских заимствований в языке русских эмигрантов в Китае тесно связано с историческими событиями.

3 июня 1896 г. состоялось подписание секретного Российско-китайского договора о союзе России и Китая против Японии (т. н. Московского договора). Договор предоставил России право на постройку Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) через территорию Маньчжурии. В связи с этим многие русские инженеры, рабочие, солдаты и их родные приехали в Харбин. Когда в июле 1903 г. было открыто регулярное движение по Китайско-Восточной железной дороге, русская диаспора Харбина составляла более 30 тыс. человек. По статистике, в 1912 г. россиян в Харбине насчитывалось более 43 тыс., что даже превысило число харбинских китайцев [Краеведение провинции Хэйлунцзян 1993]. После Октябрьской революции, в течение 1918–1920 гг., более 50 тыс. беженцев из России осело в Харбине. Пик пришелся на 1922 г., когда численность русских эмигрантов достигла в Харбине 155 тыс., причем в целом в провинции Хэйлунцзян российская эмиграция насчитывала 200 тыс. [Годовой отчет 1933: 148]. Харбин стал самым крупным центром русской эмиграции в Китае.

Следует иметь в виду, что после введения КВЖД в постоянную эксплуатацию (1903) возник российско-японский конфликт, перешедший в войну 1904–1905 гг., в результате которой русское население Харбина лишилось протектората России и многие русские перебрались в Шанхай из Маньчжурии, включая писательницу Н. И. Ильину.). 20-е гг. XX в. тоже были очень трудными для русских эмигрантов Харбина. В связи с различными историческими потрясениями численность харбинской русской диаспоры в первые 20 лет XX в. быстро росла.

На материале воспоминаний и автобиографической прозы Н. И. Ильиной – «Судьбы» (1980), «Дороги» (1983) и «Возвращение» (1969) – в данной статье рассматриваются лексические заимствования из китайского языка в русский.

Наталья Иосифовна Ильина родилась в 1914 г. в Петрограде, в семье царского офицера и дворянки из рода Воейковых. После революции ее семья эмигрировала в Харбин, в 1930-е гг. переехала в Шанхай, в 1947 г. в числе репатриантов Ильина вернулась в СССР, где стала известным прозаиком. Она пишет об истории семьи,

эмигрантской жизни в Харбине и Шанхае. В этих трех мемуарных произведениях язык автора отражает явление китайских заимствований в русский язык. На материале выявленных данных были проанализированы такие способы освоения заимствований, как транскрипция и калькирование.

Транскрипция – это такое заимствование слоговой единицы, при котором сохраняется ее звуковая форма (иногда несколько видоизмененная в соответствии с фонетическими особенностями языка, в который слово заимствуется). Таким способом из китайского языка были заимствованы слова: *фанза* (кит. 房子, пиньинь: fángzi, ‘дом’), *хунхуз* (кит. 红胡子, пиньинь: hóng húzi, ‘краснобородый, бандит, разбойник’), *манзы* (кит. 蛮子, пиньинь mǎnzi, ‘бродяга’); *лао тай-тай* (кит. 老太太, пиньинь: laǒtāitai, ‘старая госпожа, бабушка’).

Калькирование (от франц. *calque* ‘копия’) – это такой способ заимствования, при котором заимствуется структурная модель слова или словосочетания. При калькировании компоненты заимствуемого слова или словосочетания переводятся отдельно и соединяются по образцу оригинала. Методом калькирования в русском языке создано много слов и фразеологических единиц на базе китайского языка. Например: *Боксерское движение* – движение ихэтуаней, отрядов справедливости и согласия. (В 1899–1901 гг. в Северном Китае массовое антизападное восстание китайцев под лозунгами защиты суверенитета страны и изгнания иностранцев, поставивших Китай в экономически тяжелое зависимое положение.) *Ласточкины гнезда* – китайские традиционные продукты с высокой пищевой ценностью, по форме выглядят как ласточкино гнездо. *Четыре семейства* – семья Чан Кайши, семья Сун Цзывения, семья Кун Сянси, а также семья братьев Чэнь Гофу и Чэнь Лифу, которые стали фактическими хозяевами гоминьдановского Китая. *Потеря лица* (потерять лицо) – вести себя недостойно, демонстрировать свою слабость, некомпетентность, неспособность к чему-л., вызывать осуждение общества, ведущее к утрате уважения окружающих. *Желтые лица* – китайцы, желтокожий человек. *Бамбуковые палочки* – традиционный столовый прибор, пара небольших палочек для еды, квадратных у основания, в Китае называют *куайцзы*. *Бумажный змей* – воздушный змей, форма которого в основном имитирует форму живых существ, таких как птицы или насекомые. Они удерживаются с земли при помощи леера и поднимаются за счет силы ветра. *Китайская щетина* – китайская писчая кисть. Китайские кисти принято разделять на три основных

типа в зависимости от вида использованного волоса животных. Кисти бывают мягкими, жесткими и комбинированными. Праздник фонарей – в 15-й день 1-го месяца по лунному календарю в Китае отмечают этот праздник, знаменующий собой окончание праздника Весны или традиционного Нового года. На Праздник фонарей устраивают представления, зажигают красные фонари. Непременными атрибутами праздника являются разгадывание загадок на фонарях (к дну фонарика прикрепляют бумажку, на которой написана загадка; если отгадывающий знает ответ, то он может сорвать бумажку и сверить с отгадкой), танец «янгэ», «львиный танец», хождение на ходулях и суп со сладкими рисовыми шариками («юаньсяо»). *Бронзовый лев* – традиционное, обычно скульптурное парное изображение мифического льва-стража перед воротами императорских усыпальниц, правительственных резиденций, административных зданий и культовых сооружений императорского Китая. В Шанхае такой обычай: львы приносят счастье, каждый, кто коснется льва, может рассчитывать на богатство. Поэтому всякий прохожий норовил дотронуться до хвоста льва. Эти слова или выражения в книгах Ильиной приобрели грамматические свойства русского языка. Однако в коннотационном, глубинном семантическом отношении они отображают обычно своеобразие жизни и быта китайского народа и употребляются в местном специфическом контексте.

Рассматривая заимствования в лексической системе языка, Е. В. Опельбаум отмечает, что «разделение слов на тематические группы позволяет делать выводы и предположения о наиболее значимых сферах воздействия языка-источника на заимствующий язык, о характере и области употребления заимствований, об уровне знаний реалий носителями заимствующего языка, о количественном соотношении исконных и иноязычных слов, объединенных одной и той же темой, о специфике одной тематической группы слов по сравнению с другими тематическими группами» [Опельбаум 1971: 228]. Основанием для выделения тематической группы является совокупность предметов или явлений внешнего мира, объединенных по определенному признаку и выраженных различными словами.

В статье приводятся лексико-тематические группы и рассматривается лексическое значение заимствованных слов из китайского языка, функционирующих уже в русском языке эмигрантов. Не исключено, что мотивировка, внутренняя форма китайских слов была эмигрантам известна и оказывала влияние на своеобразие восприятия китайского окружающего мира русскими людьми.

1. Географические объекты:

а) названия провинций, городов, районов и поселков: *Маньчжурия*, *Государство Маньчжоу-Го* – марионеточное государство, образованное японской военной администрацией; *Харбин*, *Мудзядзян (Муданьцзян)* – города в провинции Хэйлуцзян; *Модягоу*, *Фудзядзян* – районы Харбина; *Чинхе*, *Барим* – поселки в Харбине; *Лаошаогоу* – станция и благоустроенный курорт на берегу реки Сунгари; *Гирин*, *Чанчунь* – города в пров. Гирин; *Тяньцзинь* – город; *Циндао* – город в пров. Шаньдун; *Шанхай* – город; *Хонкью*, *Путун*, *Чапея* – районы Шанхая; *Янцзепу* – береговая полоса реки Вампу; *Нанкин* – город в пров. Цзянсу; *Чунцин* – город; столица правительства Чан Кайши после падения Нанкина; *Наньтао* – город; *Суй-юань* – существовавшая в 1928–1954 гг. провинция в северной части Китайской Республики; *Чахар* – историческая монгольская провинция в Китае с центром в городе Чжанцзякоу; *Хайлар* – столичный район городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия; *Чжалантунь* – городской уезд городского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия;

б) названия рек. В китаизме элемент «цзян» является транскрипцией одного из китайских слов, означающих реку. *Янцзы (Янцзыцзян)* – для реки в целом, на всем ее протяжении, стандартное современное название реки Янцзы в самом Китае – «Чанцзян» (букв. «Длинная река»), а ее нижний участок называется *Янцзы*, от Нанкина до Шанхая. В европейских языках в качестве названия всей реки обычно употребляется «Янцзы». Это название, введенное в употребление итальянским миссионером-иезуитом Маттео Риччи, происходит от старинного названия Янцзыцзян, а оттуда оно вошло во все европейские языки, включая русский.

Вампу – на китайском языке эта река называется *Хуанпуцзян* (букв. «Река с желтыми берегами»), на местном кантонском диалекте это название произносится как «Вампу». И. Ильина, следовательно, использует заимствованное название из диалекта. В древнем диалекте Китая «пу» означает реку, как правило, искусственную реку. Река в Восточном Китае, проходящая по территории Шанхая, правый приток реки Янцзы.

Сунгари (Сунхуацзян) – по-китайски в буквальном смысле «река соснового цветка». Некоторые филологи считают, что слово «Сунгари» пришло из маньчжурского языка, где оно звучит как *Sungari-ula* (Сунгари-ула) и означает «Млечный путь», в китайском языке оно впоследствии было адаптировано и ретимологизировано. Эта река протекает на северо-востоке Китая;

в) названия гор: по-китайски гора произносится *шань*.

Моканшань – по легенде, в древности существовали два знаменитых меча, названные именами Гань Цзяна и Мо Се. В честь двух мастеров мечей назвали гору по фамилиям супругов «Мо» и «Кан». Это гора находится на территории уезда Дэцин на севере провинции Чжэцзян. *Ляошань* – согласно исследованиям Гу Яньву, учение даосизма зародилось именно здесь, и поэтому китайский император Цинь Шихуанди совершил паломничество к горным вершинам, чтобы встретиться с неведомыми духами. Он считал, что эта гора очень опасна из-за обвалов. Людям приходилось расчищать дорогу, при этом даром тратились средства страны и рабочая сила. *Ляо* имеет значение тяжелый и непосильный труд. *Маоэршань* – букв. гора Шапочка. Ее форма напоминает остроконечную войлочную шляпу, гора находится близко от Харбина.

2. Имена людей:

Лю Цзежун – китайский революционер, участник первых двух конгрессов Коминтерна; *Пу И* – десятый император Цинской династии и последний император Китая; *Цао Кунь* – глава Чжилейской клики в Бэйянской армии и пятый президент Китайской республики; *У Пэйфу* – китайский военный и политический деятель, один из лидеров чжилейской клики милитаристов; *Сунь Ятсен* (др. имена Сунь Исянь, Сунь Чжуншань, Сунь Вэнь) – китайский революционер-демократ; *Чжан Цзолин* – китайский генерал, глава фэнтяньской клики милитаристов; *Чжан Сюэлян* – правитель Маньчжурии в 1928–1931 гг., один из ведущих деятелей гоминьдановского Китая 30-х гг. XX в., сын главы фэнтяньской клики Чжан Цзолия; *Чан Кайши* (кит. Цзян Цзешу) – военный и политический деятель Китая, возглавивший партию Гоминьдан в 1925 г. после смерти Сунь Ятсена, президент Китайской Республики, маршал и генералиссимус; *Ван Цзинвэй* – китайский политический деятель, реакционер, в начале своей карьеры принадлежавший к левому крылу Гоминьдана, был соратником Чан Кайши; *Бао Гуцин* – генерал, главнокомандующий войсками по охране КВЖД; *Чжан Хуансян* – главноначальствующий Харбина в первой половине XX в.; *Ван Фулин* – знаменитый зеленщик в Харбине; *Мо Ючин* – знаменитый купец в Харбине; *Фын Сяоюй* – работник в Ревизионном комитете в Харбине; *Цзин Лин* – жена известного харбинского повара; *Конфуций* (Кун Фуцзы) – древний китайский мыслитель и философ, основатель конфуцианства; *Лао Цзы* (Старый Младенец или Мудрый Старец) – полубогендарный основатель даосизма, одного из

наиболее значительных течений в философской мысли Китая.

3. Общественное лицо:

хунхуз – букв. краснобородый, бандит, разбойник; *лао тай-тай* – бабушка, пожилая госпожа; *сяо-куня* – маленькая девочка до семи лет.

4. Название партии:

Гоминьдан – букв. национальная партия, которая была создана Сунь Ятсеном в августе 1912 г. после Синьхайской революции в Китае.

5. Названия природных объектов:

а) растение: *гаолян* – зерновое кормовое растение;

б) природное явление: *тайфун* – ураган в Восточной Азии, вызываемый тропическим циклоном.

6. Реалии бытовой сферы:

а) напиток: *хан* – китайская водка, «ханшин» в принятом у русских произношении;

б) жилище: *фанза* – типичное китайское жилище прямоугольной формы, с двумя или тремя комнатами; *кан* – традиционная система отопления в крестьянских домах Северного Китая;

в) денежная единица: *даян* – серебряные монеты Китайской Республики (1912–1949 гг.);

г) игра: *мачжан* / *мачжонг* – древняя китайская игра, «шанхайский пасьянс» и «китайское домино» в России. В современном русском языке это слово пишется как маджонг;

д) название сигарет: «*Хатамын*» – известная марка сигарет в Китае.

7. Междометия:

Цу! Цу! – иди-иди, отойди, не мешай; *Вей, вей* – Алло, алло.

Исходя из приведенных примеров мы делаем вывод о том, что большинство китайских заимствований в языке эмигрантов происходят от названий мест, людей, исторических событий, окружающей среды и реалий повседневной жизни, например: *Модягоу*, *Моканшань*, *Чжан Цзолин*, *мачжан* и т. д. Кроме приведенных выше и других расклассифицированных нами заимствований, следует отметить еще одну особенность языка произведений Н. И. Ильиной как русского эмигранта в Китае. Весьма часто персонажи книг при встрече вместо обычного приветствия говорят: «*Ел ли ты сегодня, старый Ван?*» [Ильина 1969а: 192]. Это весьма показательно. Когда китайцы с друзьями и знакомыми здороваются, они спрашивают: «*Кушал ли ты сегодня?*» (*nichilema?*) Это принятая в китайской культуре этикетная фраза приветствия. Русские эмигранты заимствуют ее и используют в общении с китайцами. Также обращаются к своему знакомому по фамилии или добавляют слово «лао» (老, старый) или «сяо» (小, молодой) по возрасту – это воспринимается

как дружеское, приятельское отношение. «Сяо» в переводе – «маленький», слово имеет много значений (пространство, объем предмета и т. д.).

В эмигрантской литературе встречается и такое явление: часто используются «развернутые-варваризмы», важные для общения, для выделения той или иной части текста, выражения на китайском языке, но в русской транскрипции. Например: «*Тинь нинь гей во лян шуй*» [Ильина 1969а: 305]. В предложении все слова пишутся по фонетике китайского языка. Нет никаких правил грамматики. Эта фраза означает: «*Пожалуйста, дайте мне холодной воды*».

Многие китаизмы эмигрантской литературы, становясь частью русского текста, русифицируются и приобретают фонетические, грамматические свойства русских слов, частей речи.

Имена существительные приобретают формы рода, числа и склоняются по падежам. Слова *Чахар, кан, Гоминьдан, гаолян, даян* и *фанза* склоняются по 1-му и 2-му склонениям русского языка. Например: «В зимние ночи несчастному (бедному, бездомному) давали уголок на *кане*, занимавшем почти всю «*фанзу*» [Ильина 1969а: 194]. Хотя некоторые существительные не имеют форм рода, числа, падежа, например, *Сунгари, Модягоу, Гоби*.

К процессу русификации китаизмов, вероятно, следует отнести и появление в литературных произведениях образованных от них слов. К китаизмам существительным, имеющим нулевое окончание (или несклоняемым), может присоединиться суффикс *-ск(ий)*, и образуется относительное прилагательное, так же как и от исконно русских слов: *циндао + -ск(ий) = циндаоский* (циндаосское вино), *Харбин + -ск(ий) = харбинский* (харбинский вокзал), *хунхуз + -ск(ий) = хунхузский* (хунхузский лагерь), *Тяньцзинь + -ск(ий) = тяньцзиньский* (тяньцзиньская заря).

По этим примерам видно, что образование слов, производных от заимствованных, соответствует правилам грамматики русского языка.

Точно так же от имен существительных *Сунгари, Янцзы* были образованы прилагательные *сунгарийский, янцзыйский* и т. д. Существительные *гаолян* и *Гоминьдан* мотивировали появление прилагательных *гаоляновъий, гоминьдановский*, например, *гаоляновая водка* и *гоминьдановский Шанхай*. В свою очередь уже от слова *гаоляновъий* образовалось существительное *гаоляновка*.

В данной статье мы рассмотрели определение понятия «заимствование», перечислили различные аспекты лингвистического анализа заимствованных слов, уделили внимание таким способам освоения китайских заимствований, как транскрипция и калькирование, а также представили выделенные нами лексико-тематические

группы слов. Следует отметить, что китайский язык нашел широкое применение в повседневной, общественной, политической, экономической жизни русского Харбина, во взаимоотношениях народов, в публицистике и художественной литературе. Как отмечает Т. Р. Рахимов, «китайские заимствования охватывали в основном административно-управленческую, торговую, бытовую терминологию и в очень небольшой степени сельскохозяйственную, ремесленную и военную лексику» [Рахимов 1970: 3]. Роль заимствованных слов очень важна: когда в одном языке отсутствует то или иное понятие, явление или наименование, он может взять необходимое для этого слово из другого языка, поэтому заимствования – это закономерный и продуктивный путь обогащения словарного фонда, что при межкультурной коммуникации имеет большое значение. Заимствованные слова зачастую выступают в роли передатчика «чужой» культуры, отражают менталитет другого народа, его традиции, обычаи. В настоящее время российско-китайские отношения находятся на самом высоком уровне за всю историю: наши страны продуктивнейшим образом сотрудничают в области политики, экономики, культуры и т. д. Поэтому всестороннее изучение истории русско-китайских контактов приобретает сейчас первостепенное значение.

Список литературы

- Аристова В. М.* О лексических заимствованиях из английского языка в русский язык в XVII–XVIII вв. М.: Высш. шк., 1978. 113 с.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
- Ильина Н. И.* Судьбы. М.: Сов. писатель, 1980. 304 с.
- Ильина Н. И.* Дороги. М.: Сов. писатель, 1983. 336 с.
- Ильина Н. И.* Возвращение. М.: Сов. писатель, 1969а. 512 с.
- Ильина Н. И.* Возвращение: в 2 т. М.: Сов. писатель, 1969б. 384 с.
- Краеведение провинции Хэйлуунцзян.* Иностранные дела: в 69 т. Харбин: Хэйлуунцзянское народное издательство, 1993. 118 с. 黑龙江省志外事志 (第69卷). 哈尔滨:黑龙江人民出版社. 1993. P. 118. (Hei long jiang zhi·wai shi zhi (di 69 juan). Na er bin: Hei long jiang ren min chu ban she. 1993. P. 118.)
- Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
- Лотте Д. С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 149 с.
- Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 1987. 273 с.

Опельбаум Е. В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. Киев: Наукова думка, 1971. 271 с.

Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты: Краткий словарь. М.: Флинта; Наука, 2011. 160 с.

Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.

Рахимов Т. Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке. М., 1970. 134 с.

Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва и др. М.: Цитадель-трейд, 2002. 970 с.

Годовой маньчжурский экономический отчет. / Экономическое Бюро Китайской Восточной (маньчжурской) железной дороги (КВЖД). Харбин: издательство преобразования, 1933. 733 с. 满洲经济年报/满铁经济调查会编. 哈尔滨:满铁产业部, 1933. P. 733. (Man zhou jing ji nian bao / Man tie jing ji diao cha hui bian. Ha er bin:Man tie chan ye bu, 1933. P. 733.)

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

References

Aristova V. M. *O leksicheskikh zaimstvovaniyakh iz angliyskogo yazka v russkiy yazyk v 17–18 vv.* [On lexical borrowings from the English language into Russian in the 17th–18th centuries]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1978. 113 p. (In Russ.)

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1969. 608 p. (In Russ.)

Il'ina N. I. *Sud'by* [Fates]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1980. 304 p. (In Russ.)

Il'ina N. I. *Dorogi* [Roads]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1983. 336 p. (In Russ.)

Il'ina N. I. *Vozvrashchenie: v 2 t.* [Return: in 2 vols.]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1969a, vol. 1. 512 p. (In Russ.)

Il'ina N. I. *Vozvrashchenie: v 2 t.* [Return: in 2 vols.]. Moscow, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1969b, vol. 2. 384 p. (In Russ.)

Kraevedenie provintsii Kheyluntszyan. Inostrannye dela [Regional studies of Heilongjiang

Province. Foreign affairs]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House, 1993, vol. 69. 118 p. (In Chin.)

Krysin L. P. *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in modern Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 208 p. (In Russ.)

Lotte D. S. *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov* [Issues of borrowing and ordering foreign terms and terminological elements]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 149 p. (In Russ.)

Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1987. 273 p. (In Russ.)

Opelbaum E. V. *Vostochnoslavjanskije leksicheskie elementy v nemetskom yazyke* [East Slavonic lexical elements in German]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1971. 271 p. (In Russ.)

Pan'kin V. M., Filippov A. V. *Yazykovye kontakty: Kratkiy slovar'* [Language contacts: The Concise Dictionary]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 160 p. (In Russ.)

Russkiy yazyk. Entsiklopediya [Russian language. Encyclopedia]. 2nd edition, revised and updated. Ed. by Yu. N. Karaulov. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya, Drofa Publ., 1997. 703 p. (In Russ.)

Rakhimov T. R. *Kitayskie elementy v sovremennoy uygurskom yazyke* [Chinese elements in the modern Uighur language]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 349 p. (In Russ.)

Sovremennyy slovar' inostrannykh slov: tolkovanie, slovouputreblenie, slovoobrazovanie, etimologiya [The modern dictionary of foreign words: interpretation, word usage, word formation, etymology]. Ed. By L. M. Bash, A. V. Bobrova et al. Moscow, Tsitadel'-trejd Publ., 2002. 970 p. (In Russ.)

Годовой ман'чжурский экономический отчет [The Manchurian Annual Economic Report]. *Экономическое бюро Китайской восточной (ман'чжурской) железной дороги (КВЖД)* [The Economic Bureau of the Chinese Eastern Railway]. Harbin, Preobrazovanie Publ., 1933. 733 p. (In Chin.)

Yazykoznaie. Bol'shoy entsiklopeticheskiy slovar' [Linguistics. The Great Encyclopedic Dictionary]. 2nd edition. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Publ., 1998. 685 p. (In Russ.)

CHINESE BORROWINGS IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN EMIGRANTS IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

Xuehua Jiang

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

11, Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. xuehua75081970@yandex.ru

SPIN-code: 7008-3931

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9920-071X>

ResearcherID: E-5361-2018

Submitted 05.04.2018

The article analyzes Chinese borrowings in the language of Russian emigrants in Northeast China in the first half of the 20th century. The concept of borrowing and the reasons for the appearance of loan words are also described. In modern linguistics, there are several interpretations of the concept 'borrowing'. Different definitions were given by many linguists. According to the definition that appears to be the most complete and commonly used one, 'borrowing' is an element of a foreign language (word, morpheme, syntactic construction, etc.) transferred from one language to another as a result of language contacts, as well as the process of transition of elements of one language into another. Lexical borrowing as a process is determined by a combination of internal (linguistic) and external (extralinguistic) factors. The main reason for borrowing to occur is the absence of the corresponding concept in the accepting language. The emergence of Chinese borrowings was closely related to historical events – Russia's gaining the right to build the Chinese Eastern Railway (CER) through the territory of Manchuria. In the article, the main borrowing methods – transcription and calquing – are considered based on the analysis of Chinese borrowings used by N. I. Ilyina in her memoirs *Destiny, Roads and Return*. Furthermore, the article proposes a classification of the borrowed words by lexical-thematic groups: the names of geographical objects, personal names, names of parties, natural objects, household items (food, housing, monetary units, games, etc.) and interjections; grammatical and semantic analysis of these words is also provided. Borrowing is one of the natural ways to enrich vocabulary of any language. Loan words play an important role in the lexical system of the accepting language. These words can serve as reflection of another culture, its mentality, traditions and customs.

Key words: Chinese borrowings; Russian emigrants; transcription; calquing; lexical-thematic groups; loan words.

УДК 81'367.626.161.1

doi 10.17072/2037-6681-2018-4-87-96

ВИДОВАЯ ОППОЗИЦИЯ РУССКИХ ИМПЕРАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ПРЕСКРИПТИВНЫХ И СУГГЕСТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Чинция Челоне**Преподаватель русского языка****Лицей иностранных языков им. Примо Леви (MITD330007)**

20021, Италия, г. Боллате, ул. Варалли, 20. cencious86@yahoo.it

SPIN-код: 8208-9076

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1292-8562>

ResearcherID: M-7227-2018

*Статья поступила в редакцию 16.08.2018***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Челоне Ч. Видовая оппозиция русских императивных глаголов в прескриптивных и суггестивных речевых актах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 87–96. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-87-96

Please cite this article in English as:

Celone C. Vidovaya oppozitsiya russkikh imperativnykh glagolov v preskriptivnykh i suggestivnykh rechevykh aktakh [Aspect-Based Opposition of Imperative Verbs in Prescriptive and Suggestive Speech Acts (a Case Study of the Russian Language)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 87–96. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-87-96 (In Russ.)

Рассматривается вопрос о видовых различиях русских глаголов повелительного наклонения, которые употребляются в двух подклассах директивных речевых актов – прескриптивах (приказе, разрешении, инструкции, заказе, требовании) и суггестивах (предложении, совете, предупреждении). Новизна исследования связана с тем, что видовая оппозиция императивных глаголов выявляется на основе прагматических признаков директивных речевых актов, т. е. с учетом экстралингвистических факторов коммуникации. Установлено, что в основе видовой дифференциации глаголов повелительного наклонения, употребляемых в директивных речевых актах, лежит характеристика каузируемого действия. Показано, что в прескриптивных и суггестивных речевых актах виды императива реализуют значения двух типов: 1) грамматические (несовершенный вид – процессуальность, длительность, повторяемость действия; совершенный вид – результативность, однократность, локализованность действия); 2) прагматические (несовершенный вид – ожидаемость действия; совершенный вид – неожиданность действия). Представлены результаты сопоставительного анализа устных побудительных высказываний, относящихся к прескриптивным и суггестивным речевым актам. Выявлено, что императивы несовершенного вида выражают интенцию говорящего в речевых актах предложения, совета, разрешения и требования; императивы совершенного вида – в речевых актах предложения, совета, разрешения, предупреждения, приказа, требования, инструкции, заказа. Обосновано, что использование в одном и том же речевом акте императивов разных видов связано с разным составом прагматических значений видов. Особое внимание уделено явлению конкуренции видов, зафиксированному в речевом акте совета. В целом, в статье доказано, что лингвопрагматический подход к изучению императивных видов с учетом ситуативного фона речевого акта позволяет уточнить представления о сущности видовой оппозиции при выражении побуждения к действию. Практическая значимость исследования видится в том, что лингвопрагматическая концепция видовых различий императива позволит усовершенствовать методику преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: повелительное наклонение; императивные глаголы; виды русского глагола; директивные речевые акты; суггестивные речевые акты; прескриптивные речевые акты.

1. Постановка проблемы

Значимость исследования типологии средств выражения побуждения отмечал акад. В. В. Виноградов на конференции МАПРЯЛ еще в 1970 г.: «Очень существенно... представить в полном объеме типологию речевых средств выражения побуждения к действию, не ограничиваясь стандартными грамматическими анализами функций повелительного наклонения и разных конструкций с частицами» [Виноградов 1970: 11]. Разделяя позицию ученого, мы считаем, что изучение семантического содержания глаголов повелительного наклонения (императива) должно выйти за рамки морфологии и проводиться на основе анализа взаимодействия грамматических и лексических средств побуждения с учетом экстралингвистических факторов коммуникации. Такой анализ представлен в ряде трудов, см., напр.: [Шахматов 2001: 483–486; Виноградов 1947: 590–602; Милых 1953; Шмелев 1955; Немешайлова 1961; Андреева 1971; Храковский, Володин 1986; Глазкова 2013 и др.].

Если общее значение повелительного наклонения как грамматического средства выражения побуждения к действию не вызывает разногласий, то вопрос о частных значениях императива остается дискуссионным. Так, В. В. Виноградов подчеркивает, что «в категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлеченными, интеллектуальными значениями форм» [Виноградов 1947: 596]. И. С. Андреева значение императива определяет через понятие семантического потенциала, в котором наиболее существенными являются, во-первых, выражение побуждения; во-вторых, обращенность к адресату [Андреева 1970: 5]. К частным значениям императива автор относит смягченное и категорическое побуждения, которые проявляются на фоне нейтрального типа [там же: 6].

В наиболее полном перечне частных значений императива В. С. Храковского и А. П. Володина содержится свыше 30 номинаций (просьба, совет, приказание, приглашение, увещание, требование, разрешение, заклинание, предложение, призыв, согласие, пожелание, молва, команда, распоряжение, наказ, разъяснение, одобрение, привлечение внимания, извинение, привет и др.) [Храковский, Володин 1986: 134]. Однако сами авторы отмечают, что список частных императивных значений является «итогом **интуитивной** классификационной деятельности, в результате которой выделялись либо наиболее важные, либо всевозможные императивные значения (выделе-

но нами. – Ч. Ч.» [там же]. Следует подчеркнуть, что в работах, посвященных изучению семантики императива, отмечается сложное переплетение его модальных, экспрессивных и стилистических оттенков, при этом критерии их идентификации как модальных, экспрессивных или стилистических до сих пор точно не установлены. Вышесказанное определяет актуальность дальнейшего изучения русского императива, понимание коммуникативной специфики которого значимо не только для русистики в целом, но и в еще большей степени для лингводидактики и методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ).

2. Лингвопрагматическая характеристика директивных речевых актов

С нашей точки зрения, основания для дифференциации значений побуждения к действию следует искать в области лингвопрагматики [Austin 1962; Searle 1976; Булыгина 1981; Артюнова 1998 и др.]. Апелляция к прагматическим характеристикам директивных речевых актов (ДРА), в которых используются императивные глаголы, позволяет рассматривать выражаемую ими интенцию говорящего в соотношении с признаками ДРА, установленными Е. И. Беляевой применительно к английскому языку. Такими признаками являются: 1) обязательность (обязательность) выполнения каузируемого действия для адресата; 2) бенефактивность (полезность) действия для коммуникантов; 3) приоритетность положения говорящего или слушающего в речевом акте [Беляева 1992]. В таблице представлены результаты дифференциации директивных речевых актов, которые входят в программу изучения РКИ.

Как показано в таблице, каждое частное императивное значение характеризуется определенным набором прагматических признаков. Знак «плюс» маркирует выраженность признака, знак «минус» – отсутствие признака. На основе сходства прагматических признаков нами установлено, что в подкласс **реквестивных ДРА** входят *просьба*, *мольба* и *приглашение*. В этих актах императив выражает желательное для говорящего действие, совершить которое он побуждает адресата. Однако каузируемое действие не подлежит обязательному выполнению адресатом, поэтому признак обязательности действия здесь не релевантен. Приоритетной является позиция адресата, который может как выполнить, так и не выполнить действие. Само действие полезно (бенефактивно) для говорящего или – в приглашении – для говорящего и для адресата.

Прагматические признаки частных значений императива
Pragmatic Signs of Particular Meanings of the Imperative

Классы ДРА	Частные значения императива	Прагматические признаки ДРА									
		Облигаторность действия для адресата	Облигаторность действия для адресанта	НЕоблигаторность действия для адресата или адресанта	Приоритетность позиции адресата	Приоритетность позиции адресанта	Приоритетность позиции НЕ отмечается	Бенефактивность действия для адресата	Бенефактивность действия для адресанта	Бенефактивность действия для адресанта и адресата	Бенефактивность действия НЕ отмечается
Режестивы	Просьба	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-
	Мольба	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-
	Приглашение	-	-	+	+	-	-	-	-	+	-
Прескриптивы	Приказ	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+
	Разрешение	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-
	Инструкция	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+
	Заказ	+	-	-	-	+	-	-	+	-	-
	Требование	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+
Суггестивы	Предложение	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-
	Совет	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-
	Предупреждение	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-

В подклассе **прескриптивных ДРА**, включающих *приказ, разрешение, инструкцию, заказ и требование*, императив побуждает к действию, которое подлежит обязательному выполнению адресатом. Позиция говорящего при этом всегда приоритетна по сравнению с позицией адресата в силу более высокого социального или ситуативного статуса говорящего. Исполнителем действия является адресат, который несет ответственность за выполнение действия. Признак бенефактивности для большинства актов этого подкласса не является определяющим, поскольку выполнение действия не несет какой-либо выгоды ни адресанту, ни адресату. Однако для *разрешения* и *заказа* признак бенефактивности является релевантным. Выражая *разрешение*, говорящий позволяет совершить действие, желательное для слушающего, причем это действие не противоречит намерению самого говорящего. *Заказ* осуществляется лишь в определенной коммуникативной ситуации, ограниченной рамками магазина, ресторана, бара и т. п., когда говорящий выполняет коммуникативную роль кли-

ента, запросы которого должен удовлетворить адресат в силу своих служебных обязанностей. Очевидно, что выполнение действия (заказа) выгодно адресату.

Суггестивные ДРА, объединяющие *совет, предложение* и *предупреждение*, представляют собой такой тип директивов, в которых приоритетную позицию занимает говорящий, считающий себя вправе в силу своего статуса каузировать действия адресата. По мнению говорящего, это действие бенефактивно для адресата, хотя его выполнение не является обязательным и адресат сам принимает решение, выполнить или не выполнить это действие.

На наш взгляд, лингвопрагматический подход к установлению семантики императива позволяет обучить инофонов правильному употреблению в речи несовершенного (НСВ) и совершенного (СВ) вида глаголов повелительного наклонения. Для формирования грамматической и речевой компетенции инофонов недостаточно лишь лексических и грамматических знаний – требуется умение ориентироваться в прагматических признаках ре-

чевого акта, в частности, в отношениях между участниками коммуникации, их предпочтениях, явных и скрытых намерениях и др.

В современной лингвистике исследования, в которых устанавливается зависимость между грамматическими категориями и дискурсивными признаками коммуникации, можно отнести к переднему краю науки. Так, дискурсивные функции видов глагола рассматриваются в работах В. А. Плунгяна и других ученых, входящих в Проблемную группу по теории грамматики при Институте языкознания РАН [см., напр.: Плунгян 2004; Исследования по теории грамматики 2008 и др.]. Как подчеркивает В. А. Плунгян, «дискурсивный анализ... позволяет описать такие грамматические противопоставления, которые, при ином взгляде, остаются практически полностью незамеченными исследователями» [Плунгян 2008: 26]. Однако видовая оппозиция глаголов повелительного наклонения в аспекте влияния на выбор говорящим несовершенного или совершенного вида в зависимости от экстралингвистических (по существу дискурсивных) факторов речевого акта до сих пор не была предметом специального изучения. Хотя этот вопрос ставился в отдельных работах по методике преподавания РКИ [см., напр.: Гуревич 2008], он еще не получил окончательного разрешения.

В нашей предыдущей статье было показано, что в директивных речевых актах, относящихся к подклассу реквестивов, под влиянием экстралингвистических факторов речевого акта у видов формируются особые прагматические значения, которые в одних случаях дополняют грамматическую семантику видов, в других – нейтрализуют эту семантику [Челоне 2018]. Выявленные у императивных видов прагматические значения: ожидаемость / неожиданность адресатом каузируемого действия, заинтересованность / незаинтересованность адресанта в его выполнении и др. – вслед за В. А. Плунгяном можно назвать показателями принадлежности текста к такому типу дискурса [Плунгян 2008: 16], который репрезентирован директивным речевым актом.

С учетом сказанного представим описание императивных видов в подклассах прескриптивов (приказе, разрешении, инструкции, заказе, требовании) и суггестивов (совете, предложении, предупреждении).

3. Виды императива в прескриптивных речевых актах

Акт **разрешения** всегда является ответной репликой на запрос, поэтому каузируемое действие становится для адресата ожидаемым. Как было отмечено ранее [Челоне 2018: 89–97], ожидаемое действие обычно выражается глаголом

НСВ. Однако в акте разрешения НСВ приобретает дополнительное значение незаинтересованности говорящего в результате каузируемого действия, на что указывает, в частности, эмоционально-экспрессивная частица *ну что ж*. Например (в примерах императивы выделены полужирным шрифтом, значимые контекстные средства подчеркнуты)¹:

– *Можно позвонить по твоему мобильнику?*
– ***Ну что ж, звони.***

– *Можно, я возьму твой зонтик?* – ***Ну что ж, бери.***

В этикетных ситуациях разрешение, выраженное НСВ, придает императиву оттенок вежливой доброжелательности. Так, если гость обратится к хозяйке с вопросом *Можно мне налить еще чашечку кофе?*, в ответе скорее всего будет употреблен глагол НСВ: *Ну конечно, **наливайте, наливайте!*** (обратим внимание на повтор императива). Или: – *Вы не возражаете, если я открою окно?* – ***Открывайте, открывайте.***

Модальный оттенок доброжелательности обнаруживается у НСВ и в других ситуациях, не связанных с нормативно-этикетным речевым поведением. Тем не менее даже в обыденной речи в ответной реплике говорящего, разрешающего запрашиваемое собеседником действие, обычно употребляется этикетное междометие *пожалуйста*, которое произносится с доброжелательной интонацией. Например:

– *Можно посмотреть ваши новые фотографии?* – ***Смотри, пожалуйста.***

– *Можно позвонить по твоему мобильнику?*
– ***Пожалуйста, звони.***

– *Можно, я возьму твой зонтик?* – ***Пожалуйста, бери.***

СВ выражает в акте разрешения не только само разрешение, но и согласие говорящего, его заинтересованность в результате, например:

– *Можно позвонить по твоему мобильнику?*
– ***Конечно, позвони.***

– *Можно, я возьму твой зонтик?* – ***Да, возьми.***

В речевом акте **приказа** важен служебный статус говорящего, который дает ему право на побуждение адресата к действию. Социальная закрепленность приоритетной позиции адресанта является обязательным условием успешности этого речевого акта. Невыполнение приказа наказуемо, при этом отношение адресата к каузируемому действию для говорящего нерелевантно. В качестве негативной формы приказа выступает **запрещение** – превентивный речевой акт, базирующийся на пресуппозиции наличия у адресата желания совершить некоторое действие, которое является нежелательным для говорящего [Беляева 1992: 16–17].

Закономерности употребления в ДРА приказа императивных видов сводятся к следующему. В официальной (служебной) коммуникативной ситуации приказ носит обязательный, категоричный и нередко срочный характер, чему полностью соответствуют категориальные значения СВ – выражение результативных, однократных, локализованных во времени действий [Бондарко 1974: 16]. Отмеченные значения СВ можно проиллюстрировать следующими примерами:

- *Останьтесь. Я вас не отпускал!*
- *Вернитесь! Мы еще не закончили!*
- *Встаньте, когда разговариваете со старшими по званию!*

Чтобы повысить иллюкутивную силу волеизъявления и показать адресату, что от него требуется приступить к каузируемому действию немедленно, в ДРА приказа могут употребляться глаголы НСВ. На наш взгляд, в этом случае у императивов НСВ нейтрализуется категориальное значение процессуальности действия и развивается значение локализованности действия во времени, свойственное обычно СВ. Например:

- *Сейчас же возвращайтесь! Я вас не отпускал!*
- *Отчаливайте завтра же, на рассвете!* – приказал господин Белуга. (Дорофеев, НКРЯ)

Как директивный речевой акт **требование** представляет собой прескриптив, основанный на прагматической пресуппозиции нежелания адресата выполнить каузируемое действие. В одних случаях это нежелание обусловлено психологическим состоянием адресата, в других – непризнанием приоритетности положения говорящего. ДРА требования, как правило, реализуется в ситуации особенного напряжения, в частности, когда говорящий присваивает приоритет, действуя с позиции силы. Каузируемое действие в ДРА требования носит обязательный характер; говорящий занимает здесь приоритетную позицию, которая определяется его социальным либо ситуативным статусом; признак бенефактивности действия для адресанта и адресата не является релевантным.

Как и в ДРА приказа, обязательность выполнения требуемого действия полностью соответствует категориальным значениям СВ, выражающего результативные, однократные, локализованные во времени действия. Например:

- *Исполните взятые на себя обязательства!*
- *Срочно перечислите сумму задолженности!*
- *Вымой за собой посуду! Сколько раз тебе говорить!*

Однако в речи носителей русского языка категоричное требование может выражаться и глаголами НСВ. Выбор императивного вида зависит

от совпадения или несовпадения каузируемого действия с моментом речи. Так, императив НСВ выражает срочное действие, которое адресат должен выполнить сразу (*Садитесь и пишите отчет! Что это вы заторопились? Рано собираться! Оставайтесь и заканчивайте работу!*); императив СВ – действие, время выполнения которого непосредственно не связано с временем выражения волеизъявления (*Напишите отчет! Останьтесь, вы еще не закончили работу!*). Кроме того, выбор вида может быть связан со стереотипами речевого поведения конкретного человека.

В целом, в ДРА требования типичным является употребление императивов СВ, так как каузируемое действие является локализованным во времени (требуемое действие как бы «привязано» к ситуации волеизъявления) и говорящий нацелен на достижение результата. НСВ придает императиву модальные оттенки категоричности волеизъявления и срочности выполнения каузируемого действия.

В аспекте лингвопрагматики **инструкция** представляет собой разновидность прескриптива, в котором приоритетность позиции говорящего основана на наличии у него профессиональных знаний в определенной области. Инструкция базируется на прагматической пресуппозиции, что адресат заинтересован в получении этих знаний. Цель инструкции – снабдить адресата указаниями о ходе выполнения действий, способных привести к желаемому для него результату всякий раз, когда он приступает к осуществлению определенной деятельности. Обязательность выполнения инструкции обусловлена соображениями целесообразности, так как невыполнение инструкции может привести к неудовлетворительным результатам, за которые адресат может быть наказан (прямо или косвенно) [Беляева 1992: 17].

ДРА инструкции выражается исключительно императивами СВ, способного адекватно передать прагматику волеизъявления в данной коммуникативной ситуации: последовательность действий, результативность, локализованность действия во времени. Понаблюдаем за экспликацией этих значений в следующих примерах:

- *Отпустите монету, снимите трубку, наберите номер.*
- *Наложите картон с силуэтом елочки на шаблон изнаночной стороной, прикрепите его скрепками.* (Проснякова, НКРЯ)

Заказ выделяется в особый вид прескриптивных речевых актов на том основании, что его осуществление связано с конвенциональными ситуациями общения в ресторане, баре, магазине и других местах, где реализуется речевое взаимодействие клиента и представителя сферы об-

служивания. Приоритетную позицию в этом акте занимает говорящий, что обусловлено его ситуационной ролью заказчика, запросы которого должен удовлетворить адресат. Последний воспринимает каузируемое действие как обязательное, поскольку оно входит в круг служебных обязанностей работника [Беляева 1992: 18].

Закономерно, что интенция говорящего-заказчика, связанная с установкой на выполнение каузируемого действия и получение конкретного результата, обуславливает использование в ДРА заказа глаголов СВ, способных выражать результативные действия. Например:

- **Принесите** меню.
- **Примите** наш заказ.
- **Налейте** мне еще шампанского.
- **Принесите** счет.

НСВ обычно используется в этом акте при повторном выражении волеизъявления клиента, сопровождаемом ситуативно обусловленными эмоциями – нетерпением, нервозностью, подбадриванием и т. п., например:

– *Посыпьте мороженое шоколадом, пожалуйста. **Сыпьте, сыпьте!***

Как видим, в этой реплике посетителя кафе первоначальное побуждение к действию выражено императивом СВ (*посыпьте*), при повторном же волеизъявлении, когда действие уже выполняется, но заказчик хочет, чтобы оно протекало более интенсивно, используется императив НСВ (*сыпьте*), который в этом случае репрезентирует не столько сам заказ, сколько настойчивую просьбу.

4. Виды императива в суггестивных речевых актах

В речевом акте предложения говорящий может побуждать адресата к следующему: а) совершить какое-либо действие, б) совершить действие совместно с говорящим, в) самому совершить действие, т. е. предлагает свою услугу. Для нас интерес представляет первый вариант побуждения, поскольку лишь в этом случае предложение выражается формой повелительного наклонения глагола.

Прагматические признаки ДРА предложения: 1) приоритетность позиции адресанта; 2) необлигаторность выполнения действия для адресата; 3) бенефактивность действия для адресата [там же: 19]. Важно подчеркнуть, что ДРА предложения характеризуется непосредственным участием говорящего в реализации каузируемого действия. Этим предложение отличается от речевого акта совета, которому данный признак не свойствен: советуя, говорящий остается как бы вне каузируемого действия.

В речевой репрезентации предложения могут участвовать глаголы обоих видов. Представим закономерности их употребления.

ДРА предложения, как и ДРА приглашения, часто используется в ситуации приема гостей или в других ситуациях, регулируемых правилами этикета. В этом случае побуждение к действию выражается формой НСВ. Предложения также высказываются в ситуациях, не регламентированных этикетными нормами, например в ежедневной бытовой коммуникации. В этих случаях императивный вид может быть любым и его прагматическое значение соотносится с грамматической семантикой данной категории. Так, СВ передает результативность, однократность и локализованность действия во времени; НСВ – повторяемость, многократность или длительность действия. Приведем примеры:

– ***Я** дам тебе билет. Если хочешь, **сходи** в театр.* (СВ)

– *На улице идет сильный дождь, **возьми мой зонтик!*** (СВ)

– *Я знаю, что ваша машина сломана. Если хотите, **воспользуйтесь** завтра моей!* (СВ)

– *Если хочешь, ходи по пятницам в театр. **Я** буду давать тебе билеты.* (НСВ)

– *Когда на улице идет дождь, **бери мой зонтик!*** (НСВ)

– *Каждый раз, когда ломается у вас машина, **пользуйтесь** моей!* (НСВ)

Примеры показывают, что в ДРА предложения говорящий создает условия для того, чтобы собеседник принял предложение, т. е. способствует выполнению каузируемого действия. На это указывают, в частности, личное местоимение первого лица *я* и падежные формы притяжательного местоимения первого лица *мой*.

Как отмечено выше, акт предложения обычно реализуется в ситуации приема гостей. Вот как это выглядит в речевой практике:

– *Здравствуйте, Николай Иванович! Рады вас видеть! Проходите, **раздевайтесь.***

– *Проходите, **знакомьтесь.** Это наши старые друзья.*

– *Жить вы будете у нас. Что же вы стоите? Заходите, **раздевайтесь, вешайте** плащ. Вот ваша комната. Проходите, **устраивайтесь.***

– *Евгений протянул гостям конфеты: – **Угощайтесь!***

– ***Пейте** чай, пожалуйста.*

Как видим, в ситуации приема гостей речевой акт предложения может объединяться с актом приглашения. В этом случае, как и в ДРА приглашения, выбор императива НСВ не детерминирован грамматическими значениями несовершенного вида. НСВ мотивируется здесь исклю-

чительно прагматикой – готовностью адресата услышать предложение, естественное в данной ситуации и регламентированное этикетом. СВ императива в этой ситуации придаст бы побуждению слишком категоричный характер. Более того, изменение вида глагола кардинально меняет прагматический признак коммуникативной ситуации и порождает совершенно другой речевой акт – команду или приказ. Действительно, предлагая чай, говорящий вряд ли вместо фразы *Пейте чай* (НСВ) употребит фразу *Выпейте чай* (СВ); предлагая гостю снять верхнюю одежду, неуместно сказать *разденьтесь* (СВ) вместо *раздевайтесь* (НСВ).

Императив НСВ употребляется также для выражения повторного предложения после императива СВ при виде колебания или нерешительности собеседника. В данном случае видовое значение дополняется модальным оттенком подбадривания адресата. Проиллюстрируем сказанное примерами:

– *На улице идет сильный дождь, возьми мой зонтик! ... Давай **бери, бери!***

– *Я знаю, что ваша машина сломана. Если хотите, воспользуйтесь завтра моей! Не стесняйтесь, **пользуйтесь**, без проблем!*

– *Я дам тебе билет. Если хочешь, сходи в театр. **Ходи** с удовольствием!*

Таким образом, выбор говорящим СВ и НСВ осуществляется в зависимости от типа ситуации (нормативно-этикетная или обыденная).

Речевой акт **совета** является ядерным в подклассе суггестивных ДРА, так что ему присущи все прагматические признаки, характеризующие этот подкласс: 1) приоритетная позиция говорящего, считающего себя вправе каузировать действие адресата; 2) бенефактивность каузируемого действия для адресата; 3) необлигаторность каузируемого действия для адресата, который сам принимает решение о выполнении или невыполнении этого действия [Беляева 1992: 19].

Проведенный анализ показал, что императивы НСВ выражают советы общего характера или советы, побуждающие к повторяющемуся действию. Подобные советы могут быть адресованы отдельному человеку, целой аудитории или неопределенно широкому кругу лиц. Например:

– *Изучая иностранный язык, как можно чаще **слушайте** аудиозаписи.*

– ***Читайте** классику, она полезна для саморазвития!*

– *Если не хотите, чтобы глаза болели, **смотрите** меньше телевизор!*

Если совет побуждает к конкретному однократному действию, предпочтение отдается СВ. Например:

– ***Обратитесь** к врачу, **вызовите** его на дом.*
– *Может, пора уезжать? – Нет еще, у нас много работы. **Лучше останьтесь** до вечера.*

Поскольку советы обычно содержат новую для слушателя информацию, использование императивов СВ является в них закономерным, см.:

– ***Пройдите** вперед, там есть свободное место.*

– *Здесь дует, **пересядьте** лучше на противоположную сторону.*

– *Вы покупаете ложки в подарок? **Возьмите** эти, у них очень хорошая форма.*

Вместе с тем в речевой практике носителей русского языка при выражении побуждения-совета наблюдается конкуренция видов, свидетельствующая о стирании границ между значениями СВ и НСВ. Сближение значений видов можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, каузируемое действие небенефактивно для говорящего, т. е. он не мотивирован получением результата этого действия. Нейтрализация значения результативности обуславливает выбор НСВ. Во-вторых, восприятие совета адресатом может быть подготовлено развитием коммуникативной ситуации: ожидаемость действия также является причиной выбора НСВ. Наконец, совет, адресованный конкретному собеседнику в конкретной ситуации общения, предполагает побуждение к однократному, локализованному во времени действию, за выражение которого «отвечает» СВ.

Приведем примеры высказываний, в которых наблюдается конкуренция видов императива:

– *Куда вы в такой дождь? **Лучше, оставайтесь / останьтесь** до завтра.*

– *Вам понравилась эта сумка? **Покупайте / купите** ее, я вам советую.*

– *Вы нам подходите. Не теряйте времени, **пишите / напишите** заявление о приеме на работу.*

– *Это правило я понял, но плохо запомнил. **Боюсь забыть. – Иди / пойди и повтори / повтори** его.*

Предупреждение является косвенным побуждением, пропозициональное содержание которого указывает на существующую опасность или на возможные неблагоприятные последствия какого-либо действия для адресата. ДРА предупреждения характеризуется необлигаторностью действия для адресата, приоритетностью позиции говорящего и бенефактивностью действия для адресата [там же: 19–20].

Для выражения коммуникативной интенции в акте предупреждения используются исключительно императивы СВ с отрицательной частицей *не*:

– *Здесь скользко, смотри не упади!*

– *Крепче держи чашку, не урони!*

Как видим, в предупреждающих высказываниях репрезентируется опасение говорящего, что каузируемое действие может произойти случайно, т. е. адресат не намерен его совершить. В первом примере адресат не осознает опасности, поскольку он не информирован о том, что пол скользкий. Коммуникативное намерение говорящего – избежать негативных для адресата последствий (он может сломать ногу). Во втором примере говорящий обращается к адресату с просьбой, нацеленной на то, чтобы предотвратить неприятность (чашка может упасть и разбиться).

СВ в этом речевом акте выражает однократное неожиданное действие, поскольку предупреждение всегда осуществляется в конкретной ситуации. «Многokrатное предупреждение» представляло бы собой другой речевой акт – просьбу или совет, см.:

– *Когда пол скользкий, будь всегда внимательным!* (совет)

– *Всегда крепко держи эти чашки, чтобы не уронить!* (просьба)

Трансформация речевого акта предупреждения наблюдается и в тех случаях, когда императив НСВ, выражающий многократное или повторяющееся действие, используется с отрицательной частицей *не*. Например:

– *Никогда не лги.* (совет)

– *Не уходи, я еще не всё сказала.* (просьба)

– *Не открывайте духовку первые 30 минут.* (инструкция)

Неожиданность действия в этом речевом акте связана с тем, что адресат не намерен совершить каузируемое действие; скорее всего он даже не задумывается о том, что действие может произойти.

Побуждение адресата к действию-предупреждению может выражаться не только глаголом повелительного наклонения, но и посредством стереотипных синтаксических конструкций: 1) *смотри* + личный глагол СВ в форме буд. вр.; 2) *можешь / можете* + инфинитив. Однако степень иллокутивной силы таких побуждений значительно ниже, чем у императивных конструкций. Ср.:

– *Смотри не забудь дневник!* (Смотри, забудешь дневник! Смотри! Можешь забыть дневник!)

– *Смотрите не заблудитесь!* (Смотрите, заблудитесь! Смотрите! Можете заблудиться).

Таким образом, речевой акт предупреждения в русской речи закреплен за императивом СВ, в прагматическом значении которого совмещаются

значения однократности действия и неожиданности действия адресатом.

Подчеркнем, что в форме повелительного наклонения, как и в формах других наклонений, глаголы НСВ и СВ сохраняют свои категориальные (грамматические) значения. Как было показано выше, императивы НСВ используются для выражения длительно-процессуальных, повторяющихся, многократных действий. Эти значения проявляются в сочетаемости глагола с обстоятельствами времени: *постоянно, весь вечер, до ночи, до утра, долго, весь год (месяц, день), всю неделю, все время, несколько дней (лет, месяцев, недель), бесконечно, постоянно, регулярно, всегда, каждый день, почаще, пореже, иногда, время от времени, по выходным, по воскресеньям* и др. Императивы СВ, используемые для выражения результативных, однократных, локализованных во времени действий, подобной сочетаемости не имеют.

5. Заключение

Таким образом, изучение функционирования видов императива с учетом ситуативного фона речевого акта позволяет углубить и уточнить представления о сущности видовой противопоставления при выражении побуждения к действию. В основе видовой дифференциации глаголов повелительного наклонения, употребляемых в директивных речевых актах, лежит характеристика каузируемого действия. Как показал анализ речевой практики носителей русского языка, на выбор говорящим того или иного императивного вида оказывают влияние не только категориальная семантика вида как грамматического явления, но и экстралингвистические факторы. Социальный статус и ролевые отношения адресанта и адресата, их эмоционально-психологическое состояние, готовность адресата к побуждению, восприятие каузируемого действия как полезного или бесполезного, заинтересованность или незаинтересованность коммуникативных партнеров в результате действия – эти и другие компоненты речевой ситуации так или иначе влияют на выбор говорящим вида императивного глагола. С учетом всего вышесказанного можно считать, что совокупность прагматических значений, которые реализуются в директивных речевых актах, составляют прагматический потенциал императивного вида.

Примечание

¹ В статье приводятся примеры из следующих источников: Национального корпуса русского языка (2000–2015 гг.); учебников по русскому языку как иностранному (2004–2008 гг.); личной картотеки автора (2014–2018 гг.).

Список литературы

Андреева И. С. Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. 18 с.

Арутюнова Н. Д. Прагматика // Большой энциклопедический словарь: языковедение. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 389–390.

Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.

Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 333–343.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Виноградов В. В. Русский язык в современном мире // Русская речь. 1970. № 1. С. 4–11.

Глазкова С. Н. Национально-культурная специфика русского директива: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2013. 48 с.

Гуревич В. В. Глагольный вид в русском языке: значение и употребление: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 224 с.

Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. 487 с.

Милых М. К. Побудительные предложения в русском языке // Ученые записки Ростовского-Донского университета: труды историко-филологического факультета. Харьков, 1953. Т. XXII, вып. 4. С. 3–21.

Немешайлова А. В. Повелительное наклонение в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 1961. 27 с.

Плунгян В. А. Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 7–34.

Плунгян В. А. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 390–411.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 270 с.

Челоне Ч. Виды глаголов повелительного наклонения в прагматическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 89–97.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

Шмелев Д. Н. Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном

русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 18 с.

Austin J. L. How to do things with words. Harvard and Oxford: Cambridge University Press, 1962. 167 p.

Searle J. R. A. Classification of Illocutionary acts // Language in Society. Great Britain: Cambridge University Press, 1976. Vol. 5, № 1. P. 1–23.

References

Andreeva I. S. *Povelitel'noe naklonenie i kontekst pri vyrazhenii pobuzhdeniya v sovremennom russkom yazyke*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The imperative mood and the context in the expression of motivation in the modern Russian language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1971. 18 p. (In Russ.)

Arutyunova N. D. *Pragmatika [Pragmatics]. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar': yazykoznanie* [The Large Encyclopedic Dictionary: Linguistics]. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1998, pp. 389–390. (In Russ.)

Belyaeva E. I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliyskiy yazyk* [Grammar and pragmatics of motivation: English language]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1992. 168 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [The aspect and tense of the Russian verb (meaning and use)]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1971. 239 p. (In Russ.)

Bulygina T. V. *O granitsakh i sodержanii pragmatiki* [On the boundaries and content of pragmatics]. *Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of literature and language]. Moscow, 1981, vol. 40, issue 4, pp. 333–343. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian: grammatical doctrine of the word]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1947. 784 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk v sovremennom mire* [The Russian language in the modern world]. *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. Moscow, 1970, issue 1, pp. 4–11. (In Russ.)

Glazkova S. N. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika russkogo direktiva*. Avtoreferat dis. dokt. filol. nauk [National and cultural specificity of the Russian directive. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2013. 48 p. (In Russ.)

Gurevich V. V. *Glagol'nyy vid v russkom yazyke: znachenie i upotreblenie* [The verb aspect in the Russian language]. Moscow, FLINTA Publ., 2008. 224 p. (In Russ.)

Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 4. Grammaticheskie kategorii v diskurse [Studies in the theory of grammar. Issue 4. Grammatical categories in discourse]. Moscow, GNOZIS Publ., 2008. 487 p. (In Russ.)

Milykh M. K. Pobuditel'nye predlozheniya v russkom yazyke [Imperative sentences in the Russian language]. *Uchenye zapiski Rostovskogo-na-Donu universitetata: Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta* [Rostov-on-Don University Scientific Notes: Proceedings of the Faculty of History and Philology]. Kharkov, 1953, vol. 22, issue 4, pp. 3–21. (In Russ.)

Nemeshaylova A. V. *Povelitel'noe naklonenie v sovremennom russkom yazyke*. Avtoreferat dis. kand. filol. nauk [Imperative mood in the modern Russian language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Penza, 1961. 27 p. (In Russ.)

Plungyan V. A. Diskurs i grammatika [Discourse and grammar]. *Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 4. Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Studies in the theory of grammar. Issue 4. Grammatical categories in discourse]. Moscow, GNOZIS Publ., 2008, pp. 7–34. (In Russ.)

Plungyan V. A. K diskursivnomu opisaniyu aspektual'nykh pokazateley [To the discursive description of aspectual indicators]. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike: k 70-letiyu prof. V. S. Khrakovskogo* [Typological substantiations in grammar: to the 70th anniversary of prof. V. S. Khrakovsky]. Moscow, ZNAK Publ., 2004, pp. 390–411. (In Russ.)

Khrakovskiy V. S., Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa: Russkiy imperativ* [Semantics and typology of the imperative: The Russian imperative]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 270 p. (In Russ.)

Chelone Ch. Vidy glagolov povelitel'nogo nakloneniya v pragmaticheskom aspekte [Imperative Verb Aspects: a Pragmatic Approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 89–97. (In Russ.)

Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 624 p. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Znachenie i upotreblenie formy povelitel'nogo nakloneniya v sovremennom russkom literaturnom yazyke*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The meaning and the use of the imperative mood in the modern Russian literary language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1955. 18 p. (In Russ.)

Austin J. L. *How to do things with words*. Cambridge, Cambridge University Press, 1962. 167 p. (In Eng.)

Searle J. R. A. Classification of Illocutionary Acts. *Language in Society*. Cambridge, Cambridge University Press, 1976, vol. 5, issue 1, pp. 1–23. (In Eng.)

ASPECT-BASED OPPOSITION OF IMPERATIVE VERBS IN PRESCRIPTIVE AND SUGGESTIVE SPEECH ACTS (a Case Study of the Russian Language)

Cinzia Celone

Russian Language Teacher

Primo Levi Foreign Languages Lyceum (MITD330007)

20, Varalli st., Bollate, 20021, Italy. cencious86@yahoo.it

SPIN-code: 8208-9076

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1292-8562>

ResearcherID: M-7227-2018

Submitted 16.08.2018

In this paper, we investigate the use of aspects of imperative verbs in the Russian language with a particular focus on two subclasses of directive speech acts – the prescriptives (command, permission, instruction, order, requirement) and the suggestives (proposal, advice, warning). In our research we adopted a pragmatic approach, i. e. studying the verb aspects, we focused on the extralinguistic factors of communication. The aspect differentiation of imperative verbs used in directive speech acts is based on the nature of the causative action. It is shown that the aspects of imperatives implement two types of meanings in prescriptive and suggestive speech acts: 1) grammatical (the imperfective aspect is used to express an action in progress, to express the duration or repetition of an action, while using the perfective aspect the speaker expresses a single concrete action with a focus on its completeness and result); 2) pragmatic (the imperfect is used when the causative action is expected by the addressee, while the perfective aspect expresses an action that is unexpected). Our study presents the results of a comparative analysis of prescriptive and suggestive speech acts in oral communication or direct speech. We have established that the imperfective imperative is used to express proposal, advice, permission, and requirement, while the perfective imperative is used in proposal, advice, permission, warning, command, requirement, instruction, and order. The use of imperatives in different aspects in the same speech act is associated with different pragmatic meanings. Special attention is paid to the so-called ‘competition of aspects’. It is demonstrated that the linguistic-pragmatic approach allows one to clarify the functioning and correct use of the different aspects of imperatives in speech acts, in so doing it can have a practical importance in improving the methodology of teaching Russian as a foreign language.

Key words: imperative mood; imperative verbs; Russian verb aspects; directive speech acts; suggestive speech acts; prescriptive speech acts.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111.01
doi 10.17072/2037-6681-2018-4-97-102

ПОЭТИКА И ПОЭТОЛОГИЯ: «ТОМАС БЕРНХАРД И МОДЕРНИСТСКИЙ МЕТАРОМАН»

Нина Станиславна Бочкарева

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bochk@psu.ru

SPIN-код: 5691-5020

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Статья поступила в редакцию 15.08.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бочкарева Н. С. Поэтика и поэтология: «Томас Бернхард и модернистский метароман» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 97–102. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-97-102

Please cite this article in English as:

Bochkareva N. S. Poetika i poetologiya: «Tomas Bernkhard i modernistskiy metaroman» [Poetics and Poetology: 'Thomas Bernhard and the Modernist Metanovel']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 97–102. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-97-102 (In Russ.)

В рецензии на монографию В. В. Котелевской «Томас Бернхард и модернистский метароман» (2018) поднимаются теоретические проблемы отношений поэтики и поэтологии, метаизации и метаромана, несовпадения авторской и критической терминологии. Книга Котелевской вписывается в контекст российских исследований метапрозы (О. С. Мирошниченко), метаромана (В. Б. Зусева-Озкан) и романа о романе (И. В. Сулова), а также исследований прозы Т. Бернхарда российскими германистами (Д. В. Затонский, Н. С. Павлова, А. В. Белобратов, С. П. Ташкенов, С. Ю. Новикова). Экспериментальная структура научного (поэтологического) трактата сопоставляется с экспериментальным характером объекта исследования – метароманов Бернхарда, в которых поэтика «замещается» поэтологией. В частности, отмечается, что монография Котелевской тоже подверглась «метаизации», которая в произведениях Бернхарда выражается в редукции мимесиса в пользу творческой саморефлексии, а в книге Котелевской – в редукции описательной поэтики в пользу теоретических рассуждений и обобщений, литературно-философского контекста и интертекста. Обобщающие и конкретизирующие части работы меняются местами, границы между ними проблематизируются. Логика описания объекта (творчества Бернхарда) внешне нарушается, но во внутренней логике монографии прослеживается движение от музыки («Бетон», 1982) к архитектуре («Корректур», 1975), от содержания к форме, от «мысли-темы» к ее выражению и обратно. В центре внимания исследователя оказывается раннее произведение «Амрас» (1964), которому сам автор придавал особое значение. В монографии его анализ занимает полсотни страниц и соединяет роман «Стужа» (1963) с последним произведением «Изничтожение: Распад» (1986). Через акцентирование романтической традиции обосновывается жанровая специфика «романа» и «фрагмента», а также использование термина «роман» применительно к большинству произведений, хотя ни сам Бернхард, ни его герои так свои произведения не называют.

Ключевые слова: поэтика; поэтология; метароман; австрийская литература; Томас Бернхард.

Н. С. Лейтес в учебном пособии «Черты поэтики немецкой литературы нового времени», сравнивая разные употребления термина «поэтика» («наука, изучающая художественную специфику литературы, и сама эта специфика»; нормативная, описательная, историческая, структурная поэтики), дает определение, актуальное для системного изучения литературы. Под поэтикой она понимает «особенности поэтического видения мира, складывающиеся в целостную систему образных представлений и способов их выражения» [Лейтес 1980: 4]. Для современного литературоведения актуальным становится тоже по-разному употребляемый термин «поэтология», в частности, понимаемый как «процессы и закономерности генерирования, компоновки и рецепции художественного текста, но, кроме того, работа художественного сознания, структуры воображаемого, взаимоотношения творящего и исторически-бытового – (авто)биографического – Я» [Котелевская 2018: 105]. Настойчиво возвращаясь от постмодернизма к модернизму, исследователи с разных сторон анализируют процесс «метаизации» поэтики в «радикальных экспериментах» XX столетия, где поэтика «замещается» поэтологией.

Подчеркнуто экспериментальный характер поэтики австрийского «классика» второй половины XX в. Томаса Бернхарда с разных сторон привлекал внимание российских германистов. Д. В. Затонский анализировал «смещенный» («по отношению к миру эмпирическому»), «замкнутый» (в границах, устанавливаемых «зрению, воображению, духу»), «рассказываемый» («не изображаемый, не показываемый») художественный мир произведений писателя [Затонский 1985: 369–401]. Н. С. Павлова исследовала «память жанра», «неканонические “смешанные” жанровые формы, отвечавшие “смешавшейся” реальности», структуру и функции анекдота, поношения, исповеди, притчи: «Если традиция анекдота помогала Бернхарду обнажить нелепость ситуации героя, если техника поношения служила расщеплению реальности и мнимости, то в исповеди расщеплению подлежит душа человека» [Павлова 2005: 294]. С. П. Ташкенов сосредоточил внимание на кризисе языка и коммуникации, преодолеваемом в творчестве Бернхарда через внутренний диалогизм монологической речи: «Его высказывание по своей тактике является провокативным, в то время как сама стратегия – инспиративной, так как побуждает читателя как реципиента к ответному слову, к реакции, возражению, опровержению» [Ташкенов 2009: 23]. А. В. Белобратов, комментируя подборку разножанровых произведений Бернхарда на русском языке, обозначил объединяющую их «про-

блему творчества, самой возможности сотворения искусства в современном мире, его “производства” в ситуации, когда уже все “произведено” и “производителю искусства” остается лишь удел имитаторства, подражания, копирования» [Белобратов 2010: 9].

Монография филолога-германиста и поэтессы В. В. Котелевской «Томас Бернхард и модернистский метароман» (2018), продолжая традицию российских и зарубежных исследователей, обнаружила еще один ракурс изучения творчества австрийского писателя. В центре внимания ученого – как поэтика, так и поэтология модернистского метаромана, поздним вариантом которого она считает произведения Бернхарда. Работа Котелевской не случайно вошла в десяток книг, которые представил журнал «Новый мир» [Ларионов 2018]. Даже не зная, что ее автор – создатель нескольких поэтических книг, с самого начала сталкиваешься с образным и насыщенным языком этого научного трактата. Посвященная творчеству писателя-интеллектуала и актуальной литературно-философской проблематике, книга Котелевской читается как оригинальный и увлекательный поэтологический текст.

Особого внимания заслуживает экспериментальная композиция монографии. Она тоже подверглась «метаизации», которая в произведениях Бернхарда выражается в редукции мимесиса в пользу творческой саморефлексии, а в книге Котелевской – в редукции описательной поэтики (в одном из значений поэтики как науки) в пользу теоретических рассуждений и обобщений, литературно-философского контекста и интертекста. Последовательное движение мысли ученого от философии языка (вторая глава) к поэтологии (третья глава), а затем к архитектонике и композиции (четвертая глава) разносторонне и глубоко раскрывает метапоэтику исследуемых произведений австрийского писателя в «типичной для Бернхарда манере долгого кружения вокруг одного образа или одной мысли, с постепенным выявлением всех его аспектов» [Баскакова 2003: 202]. Поэтому читателю приходится самому «деконструировать» обозначенный в кратком вступлении творческий путь писателя по указаниям года создания произведений.

«Разрушение» традиционной исследовательской схемы наиболее отчетливо проявилось в первой и пятой главах монографии, которые выполняют функцию введения и заключения, но посвящены отдельным романам («Бетон» и «Корректур»), т. е. обобщающие и конкретизирующие части работы меняются местами, границы между ними проблематизируются. Более того, в первой главе рассматривается «Бетон» (1982) и «проблема абсолютного текста», а в по-

следней – более ранний текст «Корректур» (1975) и движение «от абсолютного текста к экзистенциальному проекту». В результате логика описания объекта (творчества Бернхарда) внешне нарушается, но во внутренней логике монографии (в том числе на интермедиальном, или трансмедиальном, уровне) прослеживается движение от метафоры музыки (герой «Бетона» безуспешно пытается написать книгу о композиторе) к метафоре архитектуры (герой «Корректур» построил дом-конус, но его проект оказался утопическим), от содержания к форме, от «мысли-темы» к ее выражению и обратно.

Монография Котелевской, с одной стороны, продолжает и обобщает многолетние зарубежные и отечественные исследования метапрозы (в ней с новой точки зрения отрефлексированы уже известные и самые последние философские, литературные и критические материалы). С другой стороны, она вновь вызывает вопросы о соотношении понятий «метатекст», «метапроза», «метароман», «роман о романе» («роман романа») и другие, дискутируемые в российских работах начала XXI столетия [Мирошниченко 2001; Бочкарева, Сулова 2010, 2011; Зусева-Озкан 2012]. О. С. Мирошниченко одним из ведущих вариантов модернистской метапрозы считает «самопождающий» роман («the self-begetting novel» [Kellman 1980]), т.е. «роман о становлении героя, созревающего до написания именно данного романа» [Мирошниченко 2001: 13]. Она проводит границу между «саморефлексивным» (замкнутым на своей структуре) и «самосознающим» текстом, «в котором сам акт рассказывания обязательно тематизирован и прокомментирован» [там же: 9]. Для французской и русской традиции мы считаем актуальным и выражающим литературное самосознание субжанр «романа о романе», сущностной особенностью которого является его «исключительная сосредоточенность на проблемах романа и романного творчества» [Бочкарева, Сулова 2010: 5]. В. Б. Зусева-Озкан предпочитает термин «метароман», который характеризуется двуплановой структурой («роман героев» и «роман романа»), причем субъект и объект рефлексии должны совпадать (обсуждается то самое произведение, частью которого это обсуждение является) [Зусева-Озкан 2012: 35].

Однако ни Бернхард, ни его пишущие герои свои тексты «романами» не называют. Возникает вопрос о несовпадении литературоведческой рефлексии с авторской и о различии литературоведческой терминологии в разных странах. Выбор того или иного термина и его перевод на русский язык зависит не только от материала исследования, но и от научной школы, и от концепции исследователя. Например, в англоязыч-

ном дискурсе преимущественное использование термина «metafiction» связано не только с разным объемом произведений, но и с традиционным противопоставлением «novel» и «romance», и с проблематизацией границ между «history» и «story». Предисловие к своему последнему произведению «To the Hermitage» М. Брэдбери начинается с признания: «This is (I suppose) a story. It draws a great deal on history...» [Bradbury 2001: XXI], – «подчеркивая проблематичность жанровой природы своей прозы и ее автотематический характер» [Скубачевска-Пневска 2015: 154]. Польская исследовательница считает, что русская переводчица верно перевела английское «story» как «роман», а не «историю» или «рассказ»: «В русской исследовательской традиции, особенно бахтинской, именно с романом связаны значения и ценности, представляемые фигурой рассказчика от первого лица, в котором Дэвид Лодж, друг и сотрудник Брэдбери, узнал его насмешливый “Shandean self-portrait”» [Скубачевска-Пневска 2015: 154].

Все российские исследователи определяют художественную прозу Бернхарда в терминах «роман», «повесть», «рассказ». Примечательно, что Д. В. Затонский и Н. С. Павлова ранее произведение «Амрас» (1964) называют «повестью», а В. В. Котелевская, ставя этот текст в центр своего исследования, определяет его как «роман» и «метароман». Третий параграф четвертой главы «“Амрас”: книга “обо Всем целокупно возможным” (испытание идеи)» занимает полсотни страниц и соединяет ранний роман «Стужа» (1963) с последним романом «Изнитожение: Распад» (1986), в котором «любимейший» самим писателем роман «Амрас» (наряду с произведениями Жан-Поля, Ф. Кафки, Р. Музиля и Г. Броха) вводится в «литературный канон – рекомендательный список для юного итальянца Гамбетти, изучающего немецкую словесность» [Котелевская 2018: 283]. Таким образом, «Книга обо Всем», которую вынашивал герой «Амраса», все-таки состоялась, став литературным «завещанием» Томаса Бернхарда [там же], а позиции немецкой и итальянской литературы в XX столетии сместились, ведь на рубеже XVIII–XIX вв. юные немцы учились у великих итальянцев.

В романе «Амрас», по словам Котелевской, «Бернхард развивает тот тип метаромана, который был создан в немецкоязычной литературе Жан-Полем: сюжетные перипетии обыграны в двойном регистре – как онтология персонажей и как *поэтологические метафоры*, шифры, указывающие на правила конструирования данного и всякого романа» (выделено автором. – Н. С.) [Котелевская 2018: 281]. Исследовательница акцентирует в этом произведении Бернхарда

немецкую романтическую традицию: «Во-первых, это вводимый интертекстом (Новалис, Шлегель, Жан-Поль) романтический взгляд на освещаемые здесь феномены (болезнь, искусство, познание, природа, жизнь и смерть, фрагмент и целое, поэзия и философия, индивид и письмо, автор и роман, двойничество) <...> В-третьих, регулярно настраиваемые над фикцией метатексты создают ироническую – в шлегелевском смысле – дистанцию по отношению к изображаемому...» [Котелевская 2018: 234–235]. В этом контексте актуализируется и «преобладающее значение» романа в художественной программе немецких романтиков: «Роман – поприще свободы, и для героев его, и для автора, а через свободу он дает выходы в странные, непривычные творческие миры» [Берковский 1973: 101]. И новелла у романтиков «тяготеет в сторону маленького романа» [там же: 133].

В сложной структуре «Амраса» романная свобода «ограничивается» поэтикой фрагмента: «Фрагмент, словно маленькое произведение искусства, должен совершенно обособляться от окружающего мира и замыкаться в себе» [Шлегель 1983: 300]. Котелевская подробно анализирует роман «с точки зрения структурирования и концептуализации фрагментов сюжетного, метафигурального и интертекстуального уровней» (выделено автором. – Н. С.) [Котелевская 2018: 247]. Фрагментарность реализуется в романе как на композиционном (эксплицитном), так и на архитектурном (имплицитном) уровнях. Три сюжетно-композиционных блока разбиваются вставными текстами (письма К. М., фрагменты из «Философского дневника» Леонардо да Винчи, тексты Вальтера). Кроме того, Котелевская на разных уровнях поэтики романа анализирует интертекст из «Фрагментов» Новалиса, откуда Бернхард берет эпиграф к своему произведению.

Романы Бернхарда включаются в широкий контекст европейского модернизма (точнее – этот контекст включается в процесс постижения произведений австрийского писателя). Так, в одном из параграфов второй главы прослеживается немецкоязычная философская и литературная традиция лингвистического скептицизма (Ф. Ницше, Г. фон Гофмансталь, Ф. Маутнер, К. Краус, П. Хандке), помогающая понять критику языка у Бернхарда и модернистов, а в разных параграфах третьей главы дается анализ произведений Р. М. Рильке, Р. Вальзера, Х. Х. Янна, М. Фриша, П. Хандке и Бернхарда. Здесь же и в других главах для исследования поэтики и поэтологии модернистского метаромана часто используются произведения французских (М. Пруст, А. Жид, П. Валери и др.), английских (В. Вулф, Дж. Джойс) и португальского (Ф. Пессоа) писателей.

Таким образом, в структуре монографии Котелевской отразилась «художественно-генеративная» модель автобиографической прозы Бернхарда «всё во мне» [Белобратов 2006: 572]. Мета- и автофикциональные дискурсы в его творчестве тесно связаны, хотя исследователи справедливо акцентируют внимание на разных текстах [Котелевская 2018; Новикова 2018]. Устойчивый интерес с 1980-х гг. российских переводчиков и литературоведов к произведениям австрийского писателя не исчерпывает, а постоянно открывает новые возможности. Книга Котелевской особенно продуктивна и в этом отношении, так как обозначает множество историко-литературных и историко-культурных параллелей, а также обнаруживает проблемы теоретического характера (поэтика и поэтология, метапоэтика и метароман, метажанр и субжанр и др.).

Список литературы

- Баскакова Т. Послесловие // Бернхард Т. Племник Витгенштейна. История одной дружбы / пер. и послесл. Т. Баскаковой // Иностранная литература. 2003. № 2. С. 144–203.
- Белобратов А. Томас Бернхард: двадцать лет спустя // Иностранная литература. 2010. № 2. С. 4–10.
- Белобратов А. В. Томас Бернхард: постижение // Бернхард Т. Все во мне...: Автобиография. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. С. 558–574.
- Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л.: Худож. лит., 1973. 568 с.
- Бочкарева Н. С., Сулова И. В. История французской литературы: роман о романе на рубеже XX–XXI веков: учеб. пособие. Пермь, 2011. 128 с.
- Бочкарева Н. С., Сулова И. В. Роман о романе: Преодоление кризиса жанра (на материале русской и французской литератур 20-х годов XX века) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 148 с.
- Затонский Д. В. Томас Бернхард // Затонский Д. В. Австрийская литература в XX столетии. М.: Худож. лит., 1985. С. 369–401.
- Зусева-Озкан В. Б. Поэтика метаромана: «Дар» В. Набокова и «Фальшивомонетки» А. Жида в контексте литературной традиции. М.: РГГУ, 2012. 232 с.
- Котелевская В. В. Томас Бернхард и модернистский метароман. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федер. ун-та, 2018. 352 с.
- Ларионов Д. Книжная полка Дениса Ларионова: обзор // Новый мир. 2018. № 8. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_8/-Content/Publication6_6990/Default.aspx (дата обращения: 05.10.2018).
- Мирошниченко О. С. Поэтика современной метапрозы (на материале романов Андрея Битова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 25 с.

Новикова С. Ю. Автобиографическая проза Томаса Бернхарда: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 24 с.

Павлова Н. С. Реальность и жанр у Бернхарда // Павлова Н. С. Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 268–297.

Скубачевска-Пневска А. «Книги рожают книги». «В Эрмитаж!» Малькольма Брэдбери как роман-матрешка // Диалог согласия: сб. науч. ст. к 70-летию В. И. Тютюпы / под ред. О. В. Федунинной, Ю. Л. Троицкого. М.: Intrada, 2015. С. 154–162.

Ташкеннов С. П. Проза Томаса Бернхарда: кризис языка и проблема диалогического слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

Шлегель Ф. Фрагменты // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. / вступ. ст., сост., пер. с нем. Ю. Н. Попова. М.: Искусство, 1983. Т. 1. С. 290–316.

Bradbury M. To the Hermitage. L., Basingstoke and Oxford: Picador, 2001. XXXIII p. 498 p.

Kellman S. G. The Self-Begetting Novel. L.; Basingstoke: The Macmillan Press Ltd, 1980. X p. 161 p.

References

Baskakova T. Posleslovie [Afterword]. Bernhard T. Plemyanik Vitgenshteina. Istoriya odnoy družby [Bernhard Th. Wittgenstein's nephew. A friendship]. Transl., afterword by T. Baskakova. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2003, issue 2, pp. 144–203. (In Russ.)

Belobratov A. V. Tomas Bernhard: dvadtsat' let spustya [Thomas Bernhard: twenty years later]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2010, issue 2, pp. 4–10 (In Russ.)

Belobratov A. V. Tomas Bernhard: postizhenie [Thomas Bernhard: comprehension]. Bernhard T. *Vse vo mne...: Avtobiografiya* [Bernhard Th. Everything in me ...: Autobiography]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 2006, pp. 558–574. (In Russ.)

Berkovskiy N. Ya. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 568 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Suslova I. V. *Istoriya frantsuzskoy literatury: roman o romane na rubezhe 20–21 vekov: uchebnoe posobie* [The history of French literature: novel about a novel at the turn of the 20th and 21st centuries: a textbook]. Perm, Perm State University Press, 2011. 128 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Suslova I. V. *Roman o romane: Preodolenie krizisa zhanra (na materiale russkoy i frantsuzskoy literatur 20-kh godov 20 veka): monografiya* [Novel about a novel: Overcoming the crisis of the genre (a case study of Russian and French literature of the 20s of the 20th century): a monograph]. Perm, Perm State University Press, 2010. 148 p. (In Russ.)

Zatonskiy D. V. Tomas Bernkhard [Thomas Bernhard]. *Zatonskiy D. V. Avstriyskaya literatura v 20 stoletii* [Zatonskiy D. V. Austrian literature in the 20th century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985, pp. 369–401. (In Russ.)

Zuseva-Ozkan V. B. *Poetika metaromana: «Dar» V. Nabokova i «Fal'shivomonetchiki» A. Zhida v kontekste literaturnoy traditsii* [Poetics of the metanovel: 'The Gift' by V. Nabokov and 'Counterfeiters' by A. Gide in the context of the literary tradition]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2012. 232 p. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. *Tomas Bernkhard i modernistskiy metaroman* [Thomas Bernhard and the modernist metanovel]. Rostov-on-Don, Taganrog, Southern Federal University Press, 2018. 352 p. (In Russ.)

Larionov D. Knizhnaya polka Denisa Larionova: obzor [Denis Larionov's Bookshelf: overview]. *Novyy mir* [New World], 2018, issue 8. Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018-8/Content/Publication6_6990/Default.aspx (accessed 05.10.2018) (In Russ.)

Miroshnichenko O. S. *Poetika sovremennoy metaprozy (na materiale romanov Andreyta Bitova)*. Avtoreferat dis. kand. filol. nauk [Poetics of modern metaprose (a case study of Andrei Bitov's novels). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2001. 25 p. (In Russ.)

Novikova S. Yu. *Avtobiograficheskaya proza Tomasa Bernkharda: problematika i poetika*. Avtoreferat dis. kand. filol. nauk [Thomas Bernhard's autobiographical prose: problems and poetics. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2018. 24 p. (In Russ.)

Pavlova N. S. Real'nost' i zhanr u Bernkharda [Reality and genre by Bernhard]. Pavlova N. S. *Priroda real'nosti v avstriyskoy literature* [The nature of reality in Austrian literature]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, pp. 268–297. (In Russ.)

Skubaczewska-Pniewska A. «Knigi rozhdayut knigi». «V Ermitazh!» Mal'kol'ma Bredberi kak roman-matrashka [“Books give birth to books”. “To the Hermitage!” Malcolm Bradbury as a matryoshka novel]. *Dialog soglasiya: sb. nauch. st. k 70-letiyu V. I. Tyupy* [Dialogue of Agreement: a collection of scientific articles to the 70th anniversary of V. I. Tiupa]. Ed. by O. V. Fedunina, Yu. L. Troitskiy. Moscow, Intrada Publ., 2015, pp. 154–162. (In Russ.)

Tashkenov S. P. *Proza Tomasa Bernkharda: krizis yazyka i problema dialogicheskogo slova*. Avtoreferat dis. kand. filol. nauk [Thomas Bernhard's prose: crisis of the language and the problem of the dialogic word. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2009. 25 p. (In Russ.)

Schlegel F. Fragments [Fragments]. *Shlegel' F. Estetika, Filosofiya. Kritika: v 2 t.* [Schlegel F. Aesthetics, Philosophy. Criticism: in 2 vols.]. Preface, ed., transl. by Yu. N. Popova. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983, vol. 1, pp. 290–316. (In Russ.)

Bradbury M. *To the Hermitage*. Basingstoke and Oxford, Picador, 2001. XXXIII, 498 p. (In Eng.)

Kellman S. G. *The Self-Begetting Novel*. London, Basingstoke, The Macmillan Press Ltd, 1980. X, 161 p. (In Eng.)

POETICS AND POETOLOGY: 'THOMAS BERNHARD AND THE MODERNIST METANOVEL'

Nina S. Bochkareva

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bochk@psu.ru

SPIN-code: 5691-5020

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Submitted 15.08.2018

The review of the monograph by V. V. Kotelevskaya *Thomas Bernhard and the Modernist Metanovel* (2018) raises theoretical problems of the relationship between poetics and poetology, metaization and metanovel, the discrepancy between genre terminology used by writers and that generally accepted in literary studies. The book by Kotelevskaya fits into the context of the Russian studies of metafiction (O. S. Miroshnichenko), metanovel (V. B. Zusev-Ozkan), and novel about a novel (I. Suslov), as well as T. Bernhard's prose studies by Russian Germanists (D. V. Zatonsky, N. S. Pavlova, A. V. Belobratov, S. P. Tashkenov, S. Yu. Novikova). The experimental structure of the scientific (poetological) treatise is compared with the experimental character of the object under study, i. e. Bernhard's metanovels, in which poetics is "replaced" by poetology. In particular, it is noted that the Kotelevskaya's monograph has also undergone "metaization", which in Bernhard's works is expressed in the reduction of mimesis in favor of creative self-reflection, and in the book by Kotelevskaya – in reduction of descriptive poetics in favor of theoretical reasoning and generalizations, literary-philosophical context, and intertext. The generalizing and particularizing parts of the work are interchanged, the boundaries between them are problematized. The logic of the object (Bernhard's work) description is externally broken, but in the internal logic of the monograph one can feel the movement from music (*Beton*, 1982) to architecture (*Correction*, 1975), from the content to the form, from the 'thought-theme' to its expression and back again. The focus of the researcher is on the early work *Amras* (1964), to which the author himself attached particular importance. In the monograph, analysis of this work takes up to fifty pages and connects the novel *Frost* (1963) with the last work *Extinction* (1986). The emphasis on the romantic tradition justifies the genre specificity of the 'novel' and 'fragment', as well as the use of the term 'novel' as applied to most works, although neither Bernhard himself nor his characters call their works this way.

Key words: poetics; poetology; metanovel; Austrian literature; Thomas Bernhard.

УДК 821.161.1-62“18”

doi 10.17072/2037-6681-2018-4-103-117

АВТОПОРТРЕТ ВО ВРЕМЯ БОЯ, НА ФОНЕ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ (о Федоре Глинке)¹

Леонид Михайлович Геллер**почетный профессор****Лозаннский университет, факультет гуманитарных наук**

CH-1015, Швейцария, г. Лозанна. hellerleonid5@gmail.com

SPIN-код: 1767-5029

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6996-7266>

Статья поступила в редакцию 11.02.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Геллер Л. М. Автопортрет во время боя, на фоне картинной галереи (о Федоре Глинке) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 103–117. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-103-117

Please cite this article in English as:

Heller L. M. Avtoportret vo vremya boya, na fone kartinnoy galerei (o Fedore Glinke) [Self-Portrait During the Battle, with a Picture Gallery in the Background (about Fedor Glinka)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 103–117. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-103-117 (In Russ.)

Задача автора статьи – сосредоточившись на «Письмах русского офицера» (1809/1815–1816), главном прозаическом произведении Федора Глинки, показать, что его анализ побуждает ставить вопросы, сохраняющие актуальность и сегодня для историка-литературоведа и, в частности, позволяющие «обновить» взгляд на проблематику *архаистов и новаторов* (Тынянов). На разных уровнях рассматривается проблема жанра – сначала в ракурсе сопоставления жанров писем, дневника, дорожных (фронтовых) записок. Формулируется тезис о том, что всю историю русской литературы можно описывать в поле взаимодействия двух жанровых основ, «писем» и «записок». В такой истории Глинка занял бы важное место. Разбор сюжетной и стилистической композиции 8-томного сочинения позволяет раскрыть драму «войны и мира» и столкновение двух цивилизаций, которые предваряют, в частности, славянофильскую тематику. Общую утопическую (масонскую) направленность, связность книге Глинки обеспечивает стройная система низких, высоких и средних стилей, и вместе с тем разнообразие стилей соответствует разнообразию тем и жанровых условностей. Возвращение к вопросу о жанрах дает возможность присмотреться к античным эпиграфическому и экфрастическому жанрам, которые возродили в XVIII в. интерес к путешествиям и руинам и которые Глинка трактует очень по современному, отходя от карамзинского образца.

Ключевые слова: Федор Глинка; автопортрет; «Письма русского офицера»; жанр; эпиграфия; экфрагис.

Федору Николаевичу Глинке не совсем повезло в истории русской литературы.

Это утверждение может показаться странным. Ведь скоро будет двести лет, как книги его появляются на полках книжных магазинов, и, пожалуй, появляются все чаще. Вряд ли верны слова советского критика о том, что в прошлом веке

Глинка «замалчивался дворянско-буржуазной наукой» за причастность к «вольнлюбивой поэзии» [Базанов 1957], но нет сомнения в том, что в наше время слава участника наполеоновских кампаний и члена декабристских обществ гарантирует ему периодическую благосклонность издательств. Выдержки из его военных очерков

печатались в 1941 г. в «Библиотеке офицера» – для поднятия боевого духа. В 1949 г., – при аккомпанементе кампании против «космополитов» в Петрозаводске, месте ссылки писателя, выходит сборник, составленный из патриотических и «местно-фольклорных» произведений. Глинка включается во все антологии поэтов-декабристов, и, кроме того, Малая и Большая серии «Библиотеки поэта» отводят для него по томику в 1951 и 1957 гг., как бы обозначая пик сталинизма и начало оттепели.

Присутствие Глинки в советской культуре ощущалось несильно, но постоянно, и в кризисные моменты интерес к нему очевидным образом возрастал (или разогревался по указанию).

А за первые три года перестройки только в Москве свет увидели, по меньшей мере, три сборника его сочинений². И его издание продолжается.

Это удивляет, но поддается объяснению. Ранг чуть ли не «писателя на все времена» надежно «закрепился» за Глинкой, поскольку он оказался удобным для идеологических манипуляций. В его вещах легко было отпрепарировать гражданские и патриотические мотивы, затемнив либо скрыв контекст, – благо и стихи, и проза его членятся на многочисленные и сравнительно небольшие сегменты (строфы, главки, подглавки). Столь частые переиздания отражают творчество Глинки в очень урезанном виде. Некоторые вещи не печатались никогда. Но и знаменитые «Письма русского офицера» выходят с большими купюрами: вырезаются то несозвучные стереотипу «декабриста» признания в любви к императору, то места слишком «германофильские», то пространственные сентиментальные или этнографические экскурсы, то благодушные мечтания о «военных селах» (о тех самых аракчеевских поселениях, против которых несколькими годами позже будет направлена главная ярость декабристов и Глинки в том числе).

В одном из последних сборников сохранены почти целиком обширные «польские» фрагменты «Писем русского офицера», где писатель критически оценивает поляков и польскую историю. Насколько мне известно, исключена, однако, замыкавшая эту часть в каноническом издании первая на русском языке биография Тадеуша Костюшки, попытка обрисовать идеальный тип национального вождя. Вместо нее в сборник попал роман о другом национальном вожде – враге поляков Богдане Хмельницком. Сборник был издан в 1991 г. в Киеве.

Стоило бы изучить варианты глинковских переизданий: они помогут восстановить, что и когда допускалось в советскую (и постсоветскую) культуру, как менялся образ отношений между Россией и ее соседями.

Выборочна и критическая литература о Глинке, кстати, не очень и богатая, хотя нельзя сказать, что он не упоминается в историях и учебниках. Наоборот, упоминается регулярно. Но трактуется – походя или совсем мимоходом – едва ли не только в точках пересечения с «декабристской литературой» и сквозь фильтр все той же гражданской, нравственной и военно-патриотической тематики. Характерна ошибка в одном из «перестроечных» изданий. Представляя литературной новацией (началом «поэтического краеведения») [Серков, Удерецкий 1985: 5, 7–8, 25] «Замечания во время поездки в некоторые отечественные губернии», автор предисловия относит их не как должно – к «Письмам русского офицера», а к «Письмам к другу». Вторая книга вышла почти одновременно с новым изданием первой, составив как бы ее «более теоретическое» дополнение: они отличаются по замыслу и структуре. Несколько раз повторенная ошибка свидетельствует о том, сколь плохо освоено творчество писателя.

Собственно литературные его аспекты изучены мало. Замечено было стремление Глинки к некоему синтезу традиций Ломоносова и Карамзина [там же: 9], но специфика его поисков не стала объектом анализа, если не считать отдельных наблюдений над поэзией 20–30-х гг.³ Не проглядывает ли тут начатая еще в 1830-е гг. традиция несколько снисходительного отношения к мистику и моралисту Глинке? А Пушкин и ценил его за оригинальность, и называл Фитой Кутейкиным. Курьезно, что уже в Брокгаузе и Ефроне найдена вполне советская по стилю формула для оценки его поздней поэмы «Таинственная капля»: «не имеющая художественных достоинств» [Глинка 1890: 855]. Поэма исчезла из памяти литературоведов, – а жаль, ибо интерес к ней вывел бы из небытия и линию попыток создания русской религиозно-мистической стихотворной эпопеи в духе Мильтона и Клопштока, попыток мало удачных, быть может, но законных, – и не бесплодных хотя бы и в отрицательном смысле: после революции они составили фон для травестированных квази- и антирелигиозных писаний Маяковского, Луначарского, пролеткультовцев.

Короче: даже в серьезных исследованиях о Глинке говорят, как будто все в нем известно, понятно и никаких вопросов задавать он не побуждает. Изучение поэтической эволюции русской литературы как бы проходит мимо него. Потому и можно говорить о его невезении.

Задача этой статьи – сосредоточившись на главном прозаическом произведении Глинки, показать, что даже беглый его анализ принуждает ставить вопросы, сохраняющие актуальность

для историка-литературоведа и, в частности, позволяющие обновить взгляд на ту проблематику, которую для русской литературы определил в «Архаистах и новаторах», исключив Глинку из своего поля зрения, Тынянов⁴.

Начнем с того, что представляется самым сложным при первом подходе к «Письмам русского офицера», – с проблемы жанра.

Их автобиографичность не вызывает ни сомнений, ни разногласий. Но критики видят в них то военные мемуары, то хронику отечественной войны, то «поэтическое краеведение». Вместе с тем вопрос об их жанровой структуре серьезно не ставился.

В своем основном издании (1815–1816) «Письма» занимают восемь не очень объемистых томов. В первом говорится об австрийском походе 1805–1806 гг.; составляющие его тексты печатались в журнале «Русский вестник», редактировал который старший брат Федора, Сергей Глинка, и были изданы книгой в 1808 г. Второй и третий тома – это уже упомянутые «замечания» о поездках по Смоленской, Тверской, Московской и Киевской губерниям, предпринятых Глинкой в 1810–1811 гг. В остальных томах речь идет об «Отечественной и заграничной войне с 1812 по 1815 год». Четвертый посвящен борьбе с наполеоновским нашествием. Затем читатель сопровождает русскую армию, преследующую изгнанного врага по всей Германии (том V); возвращается из Силезии в Россию, проходя через Польшу (том VI); снова пересекает Европу, входит во Францию, вступает в Париж (том VII). Последний, восьмой том, заполнен описанием Парижа.

Включая вещи написанные и опубликованные в разное время, эти восемь томов представляют собой, тем не менее, единое целое, что, кажется, ускользнуло от внимания критиков, – понятный недосмотр, если вспомнить, что в наше время путь к читателю находили только лишенные связности, сокращенные, искаженные варианты.

В предисловии к изданию 1815 г. Глинка огоривает: «Теперь предлагаю весь веденный мною журнал; одна часть его в письмах, другая в рассказах и замечаниях: разнообразие сие не вредит порядку»⁵. Писатель прав: в книге есть порядок. Не просто порядок изложенных событий, а порядок, превращающий ее в цельное литературное произведение (об этом еще пойдет речь). Но писатель особо подчеркивает и сложный жанровый состав книги.

Он называет ее «журналом», но из контекста фразы ясно, что термин «журнал», дневник, имеет более общий смысл, чем в привычном нынешнем жанровом употреблении. Но многим (не

всем!) записям «русского офицера», кратким, конкретным, сделанным по горячим следам событий, свойствен именно дневниковый стиль.

Дневник в принципе – внелитературная форма. В то время он только еще оформлялся как прием романного письма (к которому обратится, скажем, Лермонтов в «журнале Печорина») и тем более как *литературный* жанр. Подлинный дневник интимен, не предназначен для посторонних глаз и, еще более, для публикации: известные дневники XVI–XVIII вв. увидели свет, как правило, после смерти их авторов, порой много десятков лет спустя; некоторые из них были зашифрованы (как дневник Пипса).

В литературе второй половины XVIII – начала XIX в. дневниковую функцию прямой фиксации впечатлений и наблюдений брали на себя, с одной стороны, «путевые записки» (то была эпоха путешествий и туризма), с другой – «письма». Жанры эти примыкали друг к другу, часто смешиваясь, как, например, в знаменитых «Письмах об Италии» Дюпати. Бывало, что один жанр переходил в другой в результате позднейшей переработки, дневники и письма давали материал литературным воспоминаниям и описаниям, – так Сен-Симон составлял свои знаменитые мемуары, а де Бросс свои «Итальянские письма». Когда Фонвизин, описавший в письмах (Панину) свою поездку по Франции, готовил книгу к печати, он озаглавил ее «Записки о первом путешествии» – знаменательный факт.

Глинка отвергает переработку. В «предупреждении» к позднему изданию он утверждает, что, вопреки мнению Жуковского и по совету Крылова, он ничего не изменил в своих «походных строках» [Глинка 1991: 22–23].

Вне приведенной выше цитаты термина «рассказ» он к своей прозе не прилагает, а говорит о «замечаниях», «мыслях и рассуждениях», «описаниях», «объяснениях». Все эти определения вмещаются в более общую категорию; ее удобно обозначить словом «записки», употребительным и в эпоху Глинки, и позже. Писатель сам дает повод к обобщению: первый том он разделяет на «письма» и «военные записки», шестой – на «дорожный дневник» и «письма из Польши». Итак, книга предстает перед нами в виде сочетания трех жанровых форм – писем, дневника, записок.

Но именно «письма» выведены в название. Писатель настаивает на эпистолярности. В тексте пестрят обращения к адресату, ведется диалог, – часто перед нами в самом деле письма, об этом говорит и грамматика. Так, в «Описании Отечественной войны» записи, казалось бы, мало чем отличаются от дневниковых, но места помечены не «там же», а «оттуда же» (IV, 135, 153, 177

и др.). Особенно ясно эта установка Глинки проступает на фоне испытавших его влияние свидетельств о войне 1812 г.: «Походных записок русского офицера» И. Лажечникова, «Дневника партизанских действий» Д. Давыдова, «Записок кавалерист-девицы» Н. Дуровой. И, разумеется, на фоне карамзинских «Писем русского путешественника», с которыми Глинка прямо перекликается.

Сделаю оговорку. Здесь нас не интересует большая или меньшая «автобиографичность» текста. То, что затрудняет современных теоретиков автобиографии⁶ – совпадает ли автор с героем, достоверно ли описываемое, как установить меру достоверности и т. п., – проблематично в ином плане, чем ведется наш анализ, и мало на него влияет. Его, наш подход, не затрагивает и «деконструктивистская» позиция (П. Де Ман), отрицающая особое положение автобиографических жанров, а значит, и интерес к их типологии, на том основании, что в любом литературном произведении существуют «автор текста» и «автор в тексте», более или менее прямо отражающие друг друга⁷. На этом уровне, уровне идентификации субъекта, проблема кажется действительно сложной. Эйхенбаум давно раскрыл, каким условно-литературным может быть личный дневник (Толстого), а Кэте Гамбургер показала, что автобиографию и роман от первого лица нельзя различить по внутритекстовым данным (см.: [Эйхенбаум 1987; Hamburger 1970]). Но если принять сравнительную действительность «автобиографического пакта» (Ф. Лежен) и наличие основанных на нем жанров, то некоторые их черты проясняются на уровне прагматики вписанных в текст субъектов, на уровне их отношений между собой и с окружающим миром. Книга Глинки интересна, между прочим, тем, что дает хороший материал для такого анализа.

Глинка придает значение жанровым нюансам, и умножая определения, и решительно выбирая лишь одно из них. Он побуждает еще раз поставить о них вопрос. Обычные определения – фрагментарность и аморфность «записок», более интроспективный характер «дневника» и т. д.⁸ – не всегда убеждают; записки Дуровой, например, развиваются последовательно, включая тонкопсихологические обстоятельные воспоминания о детстве. Более существенны такие важные и общие для дневника, записок, писем свойства, как свобода смены фокуса с внешнего мира на внутренний и наоборот, способность включать разнородные элементы, наконец, прерывность повествования, заданная зависимостью от даты и места.

Но это не все и, может быть, не главное. Напомню о вошедшем в обиход (см., напр.: [Ма-

рахова 1967; Чудакова 1964]) различии между такими жанрами, как записки, дневники, письма, и такими, как жизнеописания, мемуары, воспоминания. Уточню: в последних пишущий отделен в принципе от мира событий, участником или наблюдателем которых он был и которые восстанавливает ретроспективно; зато он находится в том же мире, что и его потенциальный или реальный читатель (не будем говорить о будущих читательских поколениях). Письма же, дневники, записки сводят в одном «субъектно-симультанном пространстве» субъекта действия (героя) и субъекта писания («автора»), время действия и время писания.

В таком толковании действуют две категории понятий: *онтологические* (субъект, время, пространство) и *предикативные* (действие, писание, чтение). Каждый субъект (субъект действия, писания, чтения) соединен обратной связью с окружающим его пространственно-временным континуумом. Субъект действия (герой) погружен во время действия и пространство действия; писатель погружен во время-пространство писания, читатель – чтения (я упрощаю: не следует забывать, что континуум имеет и культурные измерения).

Если разницу между ретроспективными и симультантными жанрами определяют в первую очередь временные координаты, то имеет смысл предположить, что внутри этих рядов главная дифференцирующая роль принадлежит пространственным отношениям.

Отличие дневника от записок и писем будет состоять в том, что для него хватает собственного пространства: мир читателя он выносит за скобки. Отсюда его монологичная свобода. Конечно, полной монологичности не существует. Не говоря о том, что в любой мир проникают отголоски извне, так же и в дневнике мир действия и мир писания не совпадают, как не совпадают их центры, пишущий и действующий. Они в той или иной мере смещены. Тем не менее (почти) диалог ведется с самим (почти) собой, внутри мира, сдвоенного в (почти) одно целое.

Записки ориентируются на читателя, который не всегда выступает в них открыто, но подразумевается. Они передают восприятие «культурного континуума», составляют и «оживляют» перечень памятников старины, достопримечательностей, произведений искусства. Покидая свой мир, имплицитный «читатель в тексте» следует за автором и разделяет с ним его время-пространство. Автор-герой записок становится гидом вписанного в текст читателя. «Но возвратимся к замку» (I, 15), пишет он, сделав отступление; описывает сцену приема в гостиной зале и приглашает: «а мы между тем пройдем в галерею

древностей»⁹ (I, 33). Такое «мы» характерно именно для записок, его не встретить ни в дневнике, ни в письмах.

Письма (диалогичные по определению) возможны, наоборот, благодаря расстоянию между

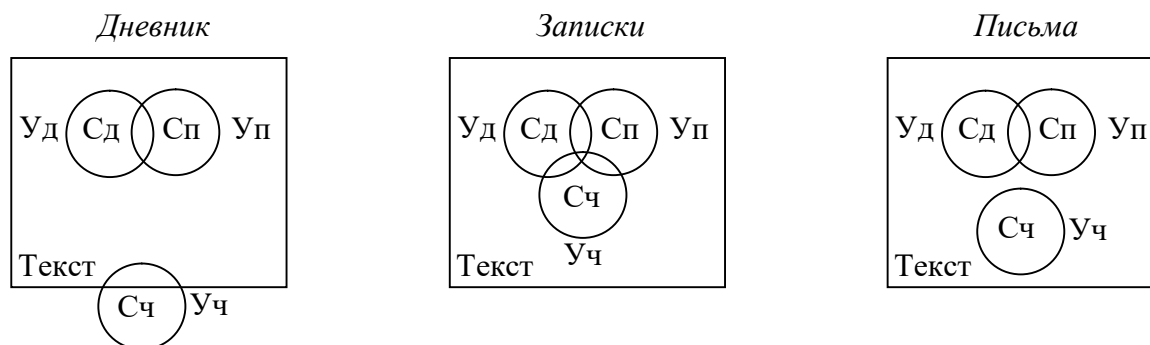
субъектами писания и чтения и разрыву между их пространствами, который заставляет двигаться «оттуда» или «оттуда же» в другое место.

Резюмируем сказанное с помощью иллюстрации:

Сд = Субъект действия; Уд = время-пространство действия

Сп = Субъект писания; Уп = время-пространство писания

Сч = Субъект писания; Уч = время-пространство чтения

Пространственная дифференциация симультанных жанров
Spatial differentiation of simultaneous genres

Схема, разумеется, абстрактна. Как было сказано, в реальных текстах жанровые свойства смешиваются и смещаются.

Но речь идет не о терминологических ярлыках, а о задачах, которые определяют оформление жанров и в дальнейшем, при всех их исторических изменениях, оставляют на них свой отпечаток. Показанное распределение пространств если и не целиком определяет, то сильно влияет на жанровые функции. Например, два пространства нужны в философских письмах. Паскаль шлет письма из провинции, Монтескье из воображаемой Персии, Вольтер из реального Лондона, Руссо пишет «Письма с горы» – трудно придумать более емкую метафору для философского остранения. Особая ситуация возникает в путевых записках: путь прокладывается в культурном пространстве, нередко организованном вокруг некоего сакрализованного средоточия. Туризм XVIII в. обновляет ритуал паломничества; в «документальных» записках скрыта драматическая повествовательная пружина, они могут служить иносказанием духовного поиска (а гид – духовного наставника)¹⁰.

В книге Глинки нужно отметить (для подробного анализа здесь нет места) напряжение, вызванное столкновением – или «синтезом» – двух жанровых основ (отвлечемся от «дневниковости», которая у Глинки вливается в форму путевых записок и может быть с ней отождествлена). Уже для древней русской литературы сосуществование записок и писем в разнообразных формах хождений и посланий было одним из определяющих факторов. И позже громадную роль играли, с одной стороны, «письма» Карам-

зина, Чаадаева, Гоголя, Герцена, Солженицына, с другой – разножанровые, но унаследовавшие драматизм духовного путешествия «записки» Гоголя, Тургенева, Достоевского – вплоть до Анатолия Марченко. Не исключено, что всю историю русской литературы можно описывать в поле взаимодействия этих двух фундаментальных жанров. В такой истории Глинка занял бы важное место.

Синтез с доминантой эпистолярности, осуществленный им в «Письмах русского офицера», отражая кое-что из реалий – полевые условия, пересылку текстов в журнал, – имеет, конечно, внутрилитературную мотивировку и отправляет прямо к «Письмам русского путешественника» Карамзина.

В одной из своих самых важных статей Ю. Лотман и Б. Успенский говорят, что карамзинские «Письма» были читателю «предложены как собрание реальных документов дружеской переписки. Литературное произведение имитировало нелитературное» [Лотман, Успенский 1984: 572]. Думается, что письма, предававшиеся огласке, безразлично, в кругу ли знакомых или в печати, были неизбежно отмечены литературностью; требовало того само эпистолярное искусство, которое к началу 1790-х гг. уже давно вторглось в беллетристику и определило эволюцию романа от Ричардсона до Гете, от Руссо до Шодерло де Лакло. Даже жанр философских писем обращается к сюжетности (Монтескье). Но и в романе форма писем сохраняет связь с философствованием. И этот аспект эпистолярности, несомненно, привлекал Глинку (это очевидно в «Письмах к другу»), как прежде Карамзина.

Свои записи он делал урывками, «часто на голлом поле или в черных Мазурских избах» (I, 2), но в них (как у Карамзина) постоянно ощущается «сделанность», как сказали бы формалисты. Подлинность впечатлений ничуть не мешает открытой литературности в их обрисовке и в самом повествовании: «Уже прошло несколько дней, как я не писал к тебе ни строчки; но все это время удовольствие, так сказать, отрывало меня от самого себя. Все чувства мои погружены были в какое-то неизъяснимо сладостное упоение. Рассудок покорился сердцу, сердце наслаждалось и время исчезло...» (I, 25–26).

Понятие литературности произведения относится, кроме всего прочего, и к его композиционной завершенности. Можно согласиться, что карамзинские письма имитируют произведение, составленное по прихоти дорожных случайностей, лишенное драматического сюжета. Однако сюжет в них есть, что заметил уже Сиповский [1899: 488]: они рассказывают о становлении личности автора-героя, и путешествие имеет смысл инициации.

Парадоксальным – на первый взгляд – образом Глинка ни разу, кроме названия и беглого упоминания «хижины бедной Лизы» в панораме воображаемого сада, не ссылается на Карамзина. Его система отсылок – на первой же странице и в нескольких эпизодах Стерн, затем «перо блестящего Дюпати и славного Морица» (V, 155). Это умолчание похоже на скрытую полемику. Вспоминая классификацию причин, побуждающих людей путешествовать, которую с шутливой серьезностью предложил Стерн, Глинка пишет: «Читая сие, я не мог причислить себя ни к одному из сих отделений; ибо путешествовал по обязанности, а не от праздности или пустого любопытства. Служа в полку адъютантом (...)» (I, 1). Здесь чувствуется ирония (очень сильная у Стерна) по отношению к любителям вояжей, которая потом отзовется вдруг в заключительном восклицании Печорина в «Тамани»: «Какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности!...»

Надо сказать, впрочем, что Глинка, подобно Карамзину, серьезно относился к Стерну – «нежный, умный, чувствительный Стерн» (VI, 39) – и не перенимал ни его пародийности, ни мысли о бесполезности всяких путешествий и внешних стимулов для игры чувств и воображения¹¹. Наоборот, «Русский офицер» усердно ищет культурных удовольствий, они-то и приводят его в «сладостное упоение». Но занимается ими Глинка во время, свободное от военных походов и от главного дела: «изобразить, как Росс бросал на Галлов гром, и ясно показать все по-

двиги геройски» (I, II). Гордясь своей миссией, Глинка стремится отличить свою позицию от карамзинской.

И как свидетель, и как активный участник событий он описывает «век великих превратностей», век исключительный, ибо «никогда общества людей не были подвержены таким бурям, волнениям и переменам» (VII, 11). Обращение к истории, попытка не заблудиться в хаосе событий, а осмыслить их, обеспечивает цельность книги Глинки.

Вспомним: она открывается описанием австрийского похода. Это зачин: встреча русского воина-освободителя с Европой, попавшей под сапог к тирану. «Истинный герой отличается простотою нравов и нежностью чувств в мирное время, мужеством и храбростию на брани и пламенною любовью к отечеству. Русские включают в себе все сии качества. Мы идем на помощь к Австрийцам. Хранить дружество с соседями, помогать ближним и защищать угнетенных, издавна было священным обычаем Россиян. Великодушный наш Монарх исполняет сие ныне: мы спешим к берегам Рейна, где честолюбивый Галл уже возжег пожары войны. Туда стоны угнетенных народов призывают защитников» (I, 4–5).

В описании поездок по России – два следующих тома – повествование «тормозится», осложняется побочными линиями: тут чередуются портреты выдающихся русских людей, прекрасные русские пейзажи, картины покойной жизни и благоденствующего общества. Во Франции Генрих IV мечтал о том, чтобы у каждого его подданного по воскресеньям была в кастрюле курица, – но «русский крестьянин не по воскресеньям, а каждый божий день ест сытные щи с мясом» (II, 177).

Внезапный рост напряжения: Россия в огне 1812 г. и ее жертвенный подвиг. Драматизм постепенно разряжается в следующих томах: освобождение Европы (германских дружественных народов и земель); взгляд на израненную, но уже залечивающую раны Россию; гимн родным смоленским местам – «любя вспоминать о блаженном состоянии юности, нельзя и не любить того, что об нем напоминает. А где же окружены мы больше напоминаниями, как не на своей родине?» (VI, 62); еще один взгляд на Европу, где надпись на памятнике герцогу Саксонскому: “Разрушен – Галлами: восстановлен Александром I-м” – «могла бы годиться и для общего порядка вещей» (VII, 23).

Взгляд на Европу, которая, подобна человеку, выброшенному после кораблекрушения в мирную гавань, – «беспечно лежит он под ясным небом и, не зная (...), что будет с ним далее, забывает прошедшее, не мыслит о будущем и спе-

шит только наслаждаться настоящим» (VII, 24). И вместе с тем – на Европу замков, садов, музеев и галерей, Европу культурных сокровищ.

Наконец, финал: знакомство с завоеванным Парижем, гнездом всех наслаждений и сердцем враждебной цивилизации.

Итак, все части книги соединяются в настоящую драму – материал и канву для нее дала история, но построил ее писатель по всем правилам искусства, с завязкой, перипетиями, кульминацией, развязкой и чем-то вроде катарсиса.

Эта драма «войны» и «мира» (Толстой хорошо знал сочинения Глинки) достойна детального анализа. В ней разыграна встреча нравственно высокой России с бездуховной Францией. В России простой народ возвышается до геройства, а бегущие французы теряют от холода и голода человеческий облик, в Париже русские победители-мироотворцы поражают великодушием, а парижские торгаши – своей любовью к «звонящим добродетелям». Немцев Глинка любит (главным образом, впрочем, за то, что они любят русских), ценит разные аспекты их характера и общественного устройства, но показывает, что им не хватило ни духа, ни силы противостоять Франции, олицетворению зла.

Русская литература знала подобные суждения уже в XVIII в., Щербатов, Болтин, Фонвизин высказывали их. Но с такой масштабностью, с такой почти эсхатологической силой – ее оправдывают и усугубляют атмосфера войны и символика жертвенности, – они появляются впервые, пожалуй, именно у Глинки. Столкновение России и Франции, с патриотическим восторгом описанное как борьба мировых цивилизаций, – вот за что его ценят идеологи.

Познав Запад, зная ему цену, в «Письмах к другу» Глинка будет писать о необходимости истории отечественной («священной») войны, о составлении путешествия по «древней первобытной России», подобного путешествию по Греции юного скифа Анахарсиса из книги аббата Бартеlemi, с которым сравнивал себя русский путешественник Карамзин [Глинка 1816: 14]. Он будет настаивать на превосходстве русского языка над другими, а уж, конечно, над французским. Присоединяясь к платформе «архаиста» Шишкова, он потребует объявить войну «нашествию толп чужеземных речей», особенно в военном словаре, что должно сразу же повысить эффективность русской армии [там же: 11, 38–64, 115 и др.]. Проект такой же реформы Пестель поместит в свою «Русскую правду», и Хомяков объяснит поражения российского флота непонятным для простого моряка лексиконом [Хомяков 1955: 188–189] – почти через столетие после Глинки.

В «Письмах русского офицера» и в «Письмах к другу» кроются зародыши идеи чуть ли не всех будущих славянофилов и почвенников и уже выражено их основное противоречие – преклонение перед «страной святых чудес», Западом в прошлом, и высокомерное недоверие к Западу в настоящем и будущем. Тут и идеализация общинного быта, и патриархальное отношение к крестьянам, и мысли о вреде воспитания на французский манер, и идея русского первенства почти в том духе, который был доведен до уродливости при Жданове, – таковы рассказы о народных умельцах, русских изобретателях астрономических часов или цемента (II, 11–21, 108–148 и др.). Те же места книги, где с большой остротой говорится о польских делах или мельком о евреях, предваряют декабристские и все другие дискуссии об устройстве России – оба эти вопроса, и польский, и еврейский, на долгие годы и вплоть до наших дней станут неизбежной темой всех подобных дискуссий.

Вернемся к «Русскому офицеру». Его пафос – драма народов и высокая драма России. Но, как мы видели, с ними сопрягается сюжет индивидуальный, инициация героя: путешествие сквозь Европу к центру «антимира» и возвращение домой, на Родину, намеченное в финале книги (оно состоится в «Письмах к другу»). Совмещение разных жанровых структур помогает создать двойную перспективу (История–личность, мир свой–мир чужой). И наоборот, жанровая двойственность преодолевается в едином образе героя.

Образ этот, несомненно, автобиографичен в том смысле, что два субъекта книги, ее автор и ее герой, во-первых, утверждают себя внутри текста в качестве разных воплощений того же лица, а во-вторых, отождествляют себя с одним лицом вне-текстовой реальности, Федором Глинкой.

Исследователи согласны с тем, что отличие автобиографии от мемуарной литературы, также выражающей «автобиографическое сознание», состоит в показе трансформации, эволюции этого сознания [Mandel 1980: 49–72; Harris 1990: 5]. В автобиографии есть сюжет, она не просто воспроизводит «мою жизнь», а рассказывает «историю моей жизни».

Когда «русский офицер» Глинка начинает составлять свои «письма», он молод, ему нет двадцати; к концу описанных кампаний он старше на десять лет. Что же произошло с ним за это время? Он воевал, ездил по России, писал, снова воевал. Читатель узнает, что родина героя – смоленщина; в остальном перипетии его личной жизни представлены догадкам. Нигде, например, Глинка не признается, что он принадлежит к польскому дворянскому роду, обрусевшему в середине XVIII в. [Глинка 1890]. Но интерес к

Польше, болезненно критический и в то же время увлеченный, почти восторженный, как бы невольно раскрывает кое-что из психологического облика героя, из его «польского» комплекса.

Разбор таких косвенных указаний увел бы нас далеко от главных тем этой статьи; прямых же мало. В военных эпизодах автор более чем скромно. Запечатлевая «Россов подвиги геройски», себя он замечает лишь мельком (а он был награжден золотым оружием за храбрость): вот он, нечаянно нагнувшись, чудом избежал смерти от пролетевшего ядра, вот голову ему зашибла отбитая картечью терновая ветвь, вот он передает приказ. Зато много места он отводит солдатам, коллегам-офицерам, своему кумиру, генералу Милорадовичу; и еще больше – реляциям боевых действий, пояснениям к ним, описаниям местности и т. д. В мирных эпизодах, кроме светских и культурных удовольствий, он занят наблюдением и описанием «народов разных свойств». Он почти не сообщает деталей своей биографии, но чувства свои и мысли описывает пространно.

Это не столько действующий, сколько рефлектирующий герой, причем «рефлектирующий» во всех смыслах слова: он «отражает» внешний мир и ведет рефлексию по поводу отраженного, сам отражаясь в своих размышлениях.

Если главный, символический сюжет глинистой жизни за десять лет войны, драма духовного поиска в «век великих превратностей», улавливается в общей композиции книги, то другой сюжет – раскрытие облика героя – вписан в ее внутренний строй. Автор замечает: «И теперь, при вторичном издании сих писем я почти не касался слога. Обязанности по службе и заботы по жизни отъемлют у меня весь досуг; а при том и самая разнообразность слога, в книгах моих, показывая, как с летами и опытностью изменяется образ мыслей и выражений, послужит некоторым поучением для начинающих писать» (I, 3). Нужно сказать, что резкая эволюция слога в глаза не бросается. Кое в чем «с летами» он действительно «возмужал», стал менее восторженным и более точным, обогатился оттенками, в нем появились сатирические ноты (это уже в описаниях Парижа). Но точнее будет говорить не об изменениях, а о постепенном построении и совершенствовании стилистики – процессе, который тесно связан с динамикой и организацией самого повествования.

Здесь еще более ощутима «сделанность». Последовательность эпизодов на первый взгляд зависит только от передвижений армии (или маршрута поездки по России), только от времени-пространства походной жизни, отраженной в путевых записках. Но если присмотреться, окажется, что эпизоды чередуются по принципу

смены тональности, повинуясь смене настроений рассказчика и его точки зрения. После баталии следует поэтическое отступление или бытовая сценка, описание пейзажа сменяется историческим анекдотом или легендой: настроения зависят от предмета повествования, но и сами задают его, определяя заодно и жанр рассказа. Идет непрерывная литературная игра.

Непрестанно меняется и слог, иногда почти сухой – «в 8 часов утра полки Черниговский драгунский, Малороссийский гренадерский, наш Апшеронский, роты артиллерии и пионеров, свернулись в колонну, и под начальством Генерал-Лейтенанта Эссена 2-го, перешли за границу» (I, 4), – но чаще эмоциональный, метафоричный, даже при передаче конкретных ощущений: «Вчерашний день был я окружен тысячью различных смертей, видел беспрестанно льющуюся кровь, слышал свист пуль – и остался жив. Сего дня рано по утру ходил на место сражения: шум умолк, мертвая тишина царствовала в долине, солнце медлило восходить: оно казалось страшилось вззреть на место, где гремела брань» (I, 91). В летописи войны против Наполеона стиль становится эпическим и «возвышенным», охватывая и самое высокое, и самое низкое (что составляет саму сущность «драмы» в понимании ее романтиками¹³), и величие подвигов Россиян, и отвратительное до ужаса падение Галлов: «<...> До какой степени достигает остервенение человека! Нет! Голод, как бы он ни был велик, не может оправдать такого зверства. Один из наших проповедников недавно назвал Французов *обесчеловечившимся* (курсив авт. – Ф. Г.) народом; нет ничего справедливее этого изречения <...> Зато как они гибнут: как мухи в самую позднюю осень!.. У мертвых лица ужасно обезображены. Злость, отчаяние, бешенство и прочие дикие страсти глубоко запечатлелись на них (IV, 127). <...> Ужаснейший мор свирепствовал в стенах осажденного города <...> Ужаснейший разврат, лютейший самой язвы, свирепствовал в сии дни гнева небесного. Воспаленные огнями сладострастия солдаты врываются в дома, исторгали трепещущих дочерей из рук их родителей и увлекали в змеиные норы свои. Часто груды тлеющих трупов служили им постелью» (VII, 117–118).

С этим натуралистическим и вместе с тем насыщенным поэзией, гиперболическим, апокалипсическим, библейским стилем своеобразно сочетается, не смешиваясь, торжественный стиль классицизма. Размышляя о высоких материях, «Русский офицер» часто обращается к образцу абстрактно-великолепной оды: «Приди от стран благословенных, из обителей тишины и вечных радостей, приди от краев эфирных, где ты предстоишь лучезарному престолу миры Творящего,

приди! – и тихо по лазоревым зыбям спустился на землю – жилище суеты и горестей, священный мир! Ты приятнее светлой зари, когда она, после бурной ночи, светлеет на ясном своде небес; ты сладостнее благодатного весеннего солнца. Тебя приветствует седовласый старец в бедной хижине своей и малые сироты убиенного на брани сына его перестают плакать, видя спокойствие на его челе. Тебя приветствуют Вельможи в великолепных чертогах своих; покой и веселье возвращаются к ним <...>» (I, 111).

Между «низкими стилями» – сухим военным донесением и бытовым или этнографическим очерковым описанием – и стилями «высокими», эпико-библейским и одическим, располагается средний стиль, «чувствительная», карамзинская, «нежная» манера: «Теперь смотрю я на зеленые долины, испещренные цветами; внимаю томному журчанию ручейков, и гляжу на мелкие серебряные волны их, которые мелькают и бегут по склонению своему, и, встречая на пути искусственные пороги из разноцветных камушков, стремятся вниз, дробятся, сыплются бисером и жемчугом, и превращаясь в белую кипящую пену, тихо льются по зеленому ковру цветущей муравы. Взоры мои блуждают по прелестным, живописным окрестностям. Говорят, что в некоторых местах природа улыбается; здесь она в задумчивости (I, 20)»; «<...> Вы идете по цветам – легкие ветерки отовсюду надувают на вас благоухание. Скрытые хоры музыки разливают сладчайшие звуки по всему пространству над зелеными долинами, в тени рощей и по светлым водам. Сии волшебные звуки, переливаясь из отзыва в отзыв, кажутся томными вздохами в отдаленных гротах и цветущих переулках сада» (VI, 24).

Однако «чувствительный стиль» далеко не однообразен, иногда он теряет мелодичность фразы и сладостность лексики. В описания мира города, мира современной цивилизации («Что там беспрестанно движется, кружится, скачет в каретах, кариолках, верхом? – Это *многочудство* (курсив авт. – Ф. Г.) Парижское»), он способен вобрать в себя ее нервный ритм и проникнуться саркастическим юмором, предваряя Гоголя петербургских повестей: «Да, правду сказать, что Пале-Рояль есть сокращение всего Парижа. Тут можно все найти и все потерять. Приведите сюда человека каких хотите склонностей: тут тотчас его поймут, отгадают, тотчас откроют путь к его сердцу и кошельку. Сердце его разберут как часы. Тут умеют приласкать каждую склонность, постигнуть каждое желание, предупредить каждое намерение; умеют тут раздувать пламя всех страстей, питать и лелеять все явные и тайные слабости. Пройдя все притины и мытарства волшебного замка сего, кажется, будто

прошел весь путь жизни. Тут в один день можно испытать почти все то, что с человеком случается в целый его век» (VIII, 21–22).

В письме, играющем роль введения к изданию 1815 г., писатель уверяет: «Что касается до слога, то я не старался, а, может быть, и не мог сделать его витиеватым и кудреватым; я желал одного, чтобы все повествования мои отличались простотою и истиною» (I, 4). Наши нынешние понятия о «витиеватости» не совсем, пожалуй, совпадают с представлениями писателя. Как показывают приведенные цитаты, он грешил-таки страстью к красности слога. Но не считал этой красности витиеватою. В другом месте и по другому поводу он дополняет свою мысль об образцовом слоге: «Кажется, что мы тогда только употребляем много слов, когда сами не понимая хорошо своих ощущений, желаем другому сделать их вразумительными; а тот, кто умеет истинно чувствовать и правильно раздроблять свои понятия, выражает всегда коротко и ясно» (I, 25).

Удивительное по компактности определение – в нем слиты воедино, не противореча друг другу, два разных мироощущения и два отвечающих им принципа поэтики. В центре одного стоит разум с его способностью оперировать вразумительными понятиями, анализировать, раздроблять их «правильно» (т. е. согласно формальным правилам); в центре другого – ощущения и чувства, которые только и связывают человека с другими людьми и с окружающим его миром и при оценке которых действует лишь мерило истины или истинности (жизненности этих связей и самих чувств). В первом господствует рациональность классицизма, во втором – та реакция на него, которая ведет к романтизму. Глинковская «синтетическая» формула снимает противостояние, но не уравнивает принципов: делая упор на чувства, она подчиняет их истинность пониманию и их выражение классическим критериям краткости и ясности. В ней прекрасно выразился дух поэтики сентиментализма и «Бури и натиска», еще зависимых от «просветительского» XVIII в.

Стилистическая практика Глинки реализует богатые возможности формулы.

Классицистский канон он смещает в сторону Карамзина, к бытовой речи и среднему «песенно-элегическому» стилю, который уже Сумароков занимал из западной буколки (чего избегают Державин и «славянофил» Шишков и чему будут возражать Катенин и другие «молодые архаисты»). В то же время он углубляет (как бы разрывает изнутри) карамзинскую манеру трагико-одической перспективой и библейским возвышенным натурализмом. При этом он сохраняет характерный и для классицизма, и для сентиментализма, и для «Бури и натиска» принцип стили-

стической организованности. Он не ощущает витиеватости, т. е. искусственности и избыточности своего стиля, ибо тот не становится самоцелью, как позже красочность, усиленная выразительность станут самоцелью у Марлинского или Бенедиктова. У Глинки работает стройная система низких, высоких и средних стилей; она обеспечивает связность книги. Она прямо соотнесена с предметом повествования и темой, иначе говоря, сугубо функциональна и поэтому ясна и, при всем многообразии, проста.

Разнообразие стилей соответствует разнообразию тем и, соответственно, жанровых условий¹⁴.

Так мы возвращаемся к проблеме жанра, но уже на другом уровне. Жанровая игра так же важна для текста и для построения литературного образа автора-героя, как и игра стилистическая (нет одной без другой), и не менее интересна для анализа.

Пользуясь принципиальной открытостью и прерывностью записок-писем, Глинка строит свою книгу на более или менее свободном переходе от одной жанровой условности к другой. Те из них, которые упоминались при разговоре о стиле (ода, песня, эпическая проза), издавна привлекали внимание. Совсем, однако, не учтены – ни в исследованиях о Глинке, ни, как кажется, вообще в работах о русской литературе той эпохи – жанры, связанные между собой и распространившиеся в связи с интересом к путешествиям, к античности и руинам, который заново вспыхнул после открытия Геркуланума и Помпей (в 1711 и 1755 гг.).

Это древние жанры, узкие по функциональной мотивировке, но очень существенные для XVIII в., занятого перетолкованием искусства, его истории и функций: эпитафический и экфрастический.

Первый берет в качестве темы для воспроизведения и для размышлений надписи на произведениях античного искусства, на статуях, триумфальных арках, храмах и ставит целью составление надписей и подписей для произведений современных (здесь можно упомянуть о роли французской Академии Надписей в формировании художественного вкуса эпохи – одно из ее заседаний описал Карамзин¹⁵). Тема второго – сами произведения искусства; моделью его считаются «Картины» Филострата, повлиявшие на многие поколения художников и мыслителей, начиная с Возрождения и кончая Гете¹⁶. Жанры эти составляют основу трактатов по теории искусства и зарождающейся художественной критики, в «Диалоге о монетах» Аддисона, «Салонах» Дидро или «Лаокооне» Лессинга, но они овладели литературой о путешествиях, повлияв

на всю литературу вообще и сыграв свою роль и в России¹⁷.

Эпитафическую конвенцию прекрасно иллюстрирует прогулка по саду из «Писем русского офицера» («Я нарочно списал несколько надписей в сем прекрасном саду»): она сопровождается размышлением по поводу урны, которую владелица сада сделала в честь умершей в Париже: «Hélas, j'avois une amie! – то есть Увы! я имела подругу!.. Всякая чувствительная душа в минуту поймет прекрасный смысл сих слов. На что говорить пространно, на что делать пышные надписи?» (I, 22–23)¹⁸.

Совершенно правы Лотман и Успенский, говоря о погруженности человека в культуру у Карамзина. Культура втягивает в свою орбиту весь мир: «Горы, реки, природа как таковая получают принадлежность к миру Культуры, если описаны в стихах. Поэт делает с пейзажем то, что земледелец с полем и садом. Обработывая его, он делает его частью культуры». И текст карамзинских писем становится частью «синкретического единства культуры», «словесным элементом (как бы “подписями к картинкам”) ее целого – того культурного мира, в который входили памятники архитектуры, живописи, всех форм человеческого труда и обжитого человеком пространства Европы» [Лотман, Успенский 1984: 572–573]. Для Карамзина вся литература представляет собой сплошной эпитафический процесс, чтение и составление подписей к миру. Многое от такого понимания остается у Глинки.

Иногда, впрочем, он ближе, чем Карамзин, к традиции XVIII в.: тут сказывается его архаизаторская позиция, особенно явная в «Письмах к другу». Одну из их частей составляют «Описания медалей», где Глинка подражает коллекционерам, превращавших свои каталоги в предлог для панегирико-исторической эпитаграмматики¹⁹: «*Освобождение Берлина. Руской, спаситель отечества своего, пролетев, с быстротою орла, великое пространство от Волги и Оки, достигает берегов Шпреи, вступает в бой и разит врагов. Спасенная Столица Пруссии, с ужасом взирая на страшного мучителя своего и с любовью припадает к сердцу избавителя. Руской одною рукою поддерживает ищущую покрова его, а другою готов разрезать противника своего в прах!*» (курсив авт. – Ф. Г.) [Глинка 1816: 19 (медаль № 9)].

Но в «экфрастическом жанре», понимаемом как разговор об искусстве, Глинка уходит далеко вперед от Карамзина. Этот разговор занимает много места на протяжении всей книги. И в нем – особенно в своей трактовке живописи – Глинка вполне самостоятелен. Карамзинские письма о музеях и живописи дают лишь общую (вернее, передают общепринятую) оценку умения и тема-

тики живописца, подражая подходу и объективному тону Дидро. Например, Карамзин ограничивается следующим замечанием о картинах Микельанджело: «Что принадлежит до картин его, то оне не столько приятны, сколько удивительны: для того, что он всегда хотел представлять трудное и чрезвычайное. Зная хорошо Анатомию, старался он слишком сильно означать мускулы в своих фигурах; а тело писал всегда кирпичного цвета» [Карамзин 1984: 53].

Немногим больше говорит Карамзин о других художниках, даже о Рафаэле, который «признан единогласно первым в своем искусстве». Глинка, наоборот, говорит много – и старается все узнать. Как он зол на французов, лишивших дрезденскую галерею подлинника «Мадонны» Корреджио, и как счастлив увидеть его собственными глазами, снова проходя через Дрезден год спустя! (V, 50; VII, 26). Он вдохновляется Лессингом, его энергией и пафосом, его идеей «плодотворного момента» (полагающей, что из ряда событий художник выбирает наиболее важный, в котором содержится весь символический смысл происходящего). Впервые, как мне кажется, в русской литературе писатель не просто говорит о содержании картины, ее композиции или колорите, а пытается найти для нее эквивалент в эмоциональном слове, в звучании, в ритме повествования (именно эквивалент, ибо по описанию узнается художник, автор самой картины): «<...> Посмотрите, как мучится сей страдалец, по рукам и ногам к столбу привязанный, и поджигаемый снизу тихим огнем! Как страшно напряжились посинелые жилы его! Как выдались, как торчат кости и мускулы! Глаза несчастного закатились, пена на мертвых устах, зубы скрежещут, бледность на лице, грудь высоко вздулась. Кажется, слышишь, как лопают жилы и трещат кости: столь усиленно напряжение медленно сжигаемого. В некотором отдалении нельзя поверить, чтобы это было в картине, или, по крайней мере, чтоб эта картина была не лепная: так резки и глубоки черты, так превосходна рисовка, так смела кисть, так естественны все выпуклости. – Кто же, великий творец сей картины, или я худо описал ее; или тот час должно угадать, что она Михель Анджелова» (V, 47–48).

Унаследовав от Карамзина «живописность», Глинка динамизирует ее и переводит в тот экспрессивно-драматический регистр, которым уже почти без изменений будут пользоваться романтики, от Марлинского до Гоголя. В своем восприятии живописи Глинка уже и есть романтик.

Тему искусства он постоянно заставляет соприкасаться с темой войны. Война с ее насилием прямо или косвенно контаминирует восприятие

картин мастеров. В этом Глинка не только несомненный новатор, но и очень актуальный писатель. Можно сказать, что одна из главных тем его книги – это тема «культуры и войны». Его сопоставление насилия и живописи, баталистики и «экфрасиса» обогатит литературу. Одним из его последователей (не знаю, сознательным ли) оказывается Бабель. Глинка проходит походом там, где будет идти с Конармией Бабель (через Броды); он описывает еврейские местечки и польские костелы; в одном из них он видит страсти Христовы с поразительной фигурой разбойника (I, 49–51). Очень на это похож бабелевский «Пан Аполек»: лишнее доказательство тому, что, читая Глинку, мы многое по-новому видим в русской литературе.

Не меньшую роль, чем эпиграфический и экфрастический жанры, играют в его книге самые разные формы утопической конвенции: от изображения благодетельного человека²⁰ до фантазмагорий о добрых правлениях. Особо упомяну впечатляющий трактат о садах (III, 112–142), который рисует – по образцу популярных и в России «Времен года» Томсона и «Садов» Делиля – целую прекрасную страну с прирученной природой, островами Дружбы, Напоминания, Радости, Забав, с живописными руинами, бюстами и статуями, с беседками, посвященными литературным героям, и домиками, где разложены книги для приятного чтения.

Но главная утопия Глинки, конечно, нравственная.

Культура, вовлекающая в себя весь мир, есть в первую очередь культура нравственная. Мир не только «культурен», он как бы насквозь проинтегрирован нравственным смыслом. Любое его явление если не дает, то может дать урок нравственности: «Чрез все селение протекает светлый, как кристалл, но мелкий ручеек, составившийся, по-видимому, из слияния горных ключей. Он никогда не замерзает зимою и не пересыхает в летние жары; всегда одинаков и всегда доставляет равную пользу простодушным поселянам. Какой пример умеренности! Протекая над одною утесистою скалою, он падает с нее на устроенное внизу мельничное колесо, и мельница мелит беспрерывно. Подобные сему ручейки бывают безымянны и неизвестны людям, хотя иногда и более приносят существенной пользы, нежели те обширные реки, которые величественным течением своим прельщают дивящихся на берегах зрителей, и после в бурных волнах поглощают жилища их. – Таким образом смиренная добродетель, долгое время обитает под кровом уединенной хижины и наконец парит в небеса, не быв известною жителям мира сего, которые ослепляются блестящею тщетою; но люди привыкли

пленьяться всем необыкновенным, хотя бы оно клонилось и к злополучию их» (I, 7–8).

Если автор-герой (или просто «авто-герой») «Писем русского офицера» «мужает», как говорилось выше, то проявляется это возмужание в сокращении к концу книги подобных восторженно-дидактических пассажей. Их меньше, но совсем они не исчезают. Отношение к миру остается тем же. И не меняется накрепко связанная с ним утопия благотворительности: «Знатные и богатые в сем мире сотворены быть Ангелами хранителями бедных и несчастных. Отличительное преимущество богатых состоит том, что они могут свободно творить добро и делать людей счастливыми <...> За всеми наслаждениями мира сего следует пресыщение; одни только радости душевные, награда благотворения, бывают вечны, ибо источник их неиссякаем. – Лучшая награда за благодеяния в сердцах у благодетелей» (I, 46).

До конца книги красной нитью – особенно в томах, посвященных поездкам по России, – проходит эта мечта, а в «Письмах к другу» ей будет посвящена отдельная часть: «О состоянии бедных и о способах благотворить им». Это масонская мечта и главный аспект масонской общественной деятельности. Глинка юношей вступил в ложу Избранного Михаила и оставался масоном до конца жизни. Он никогда не изменил ни масонскому мистицизму, ни масонской миролюбивой утопии всеобщего братства и взаимопомощи. Это еще один ракурс для рассмотрения творчества Глинки: о русском масонстве говорилось очень много²¹, но, как правило, в контексте XVIII в. Еще не уяснено, как оно влияло на более позднюю русскую литературу, в частности, какова была его роль в распространении мистических и эзотерических мотивов.

Поставим здесь точку. Анализ можно было бы продолжать, но главные линии его уже намечены. Надеюсь, мне удалось показать, что фигуру Глинки нельзя обходить при разговоре о развитии русской литературы; разговор о нем позволяет уточнить наши представления о начале XIX в. и дополнить тыняновскую картину, во-первых, новым материалом и плохо исследованной жанровой проблематикой, во-вторых, новым углом зрения на вопрос о механизмах поэтической эволюции: глинковский «синтез» возник до того, как оформилась позиция «младших архаистов», и уже как бы ее включал, не порывая с Карамзиным.

Оставлю этот вопрос для другой статьи, а здесь скажу в заключение, что «авто-герой» Глинки материализуется перед читателем прежде всего как лицо литературное, принимающее литературные позы²² и утверждающее себя обра-

щением к закрепленным в литературе жанровым конвенциям. Мы можем кое-что узнать о его жизни, немногим больше – о его психологии. Это молодой человек, полный «чувствительного» интереса к миру, много думающий, очень занятый общественными проблемами, очень образованный ценитель искусства и книголюб, хороший стилист, мечтатель, масон, большой патриот, самоотверженный и храбрый, наверное, простой в обращении с солдатами офицер...

Облик мало индивидуален, но вполне ясен: это облик человека и писателя своего времени, эпохи крушения одного мира и надежд на мир новый, эпохи преобразования литературы, в котором сходятся прошлое, настоящее и будущее.

«Письма русского офицера» не авто-биография, они лишь в малой степени рассказывают о жизненном пути.

Для них удобнее было бы ввести термин «авто-пневмо-графия» – они рисуют духовный облик «авто-героя», его внутренний автопортрет во время битвы, на фоне картинной галереи.

Примечания

¹ Статья написана на русском языке в 1995 г. и публикуется в оригинале впервые. Переработанный французский вариант был напечатан под названием: «Genre – Thème – Style – Genre. Les synthèses de Fedor Glinka» in: A. Davidenkoff, éd., L'espace poétique. En hommage à Efim Etkind, in: Revue des études slaves, LXX (3), 1998. P. 575–592. Существует польский перевод: Autoportret z czasow wojny z galeria malarstwa w tle. O Fiodorze Glince // Hornung M., Jedrzejczak M., Korsak T., eds., Cialo. Plec. Literatura, Varsovie, Wiedza Powszechna, 2001. P. 455–484.

² «Письма русского офицера» (М., 1985), «Сочинения» (М., 1986), «Письма русского офицера» (М., 1987).

³ Д. Мирский сравнивает его с английскими «метафизическими поэтами» Гербертом и Воэном (Воганом), см. его книгу «История русской литературы» (Лондон, ОРІ, 1990. С. 171). Насколько мне известно, наиболее (хотя и недостаточно) подробно поэзия Глинки рассмотрена в очерках В. Базанова, предваряющих сборники «Библиотеки поэта» (1951 и 1957). См. также его «Поэтическое наследие Ф. Н. Глинки (30-е гг. XIX в.)» (Петрозаводск, 1950).

⁴ Не упоминается Глинка и в статье Т. Робели «Литература путешествий» в кн. под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова «Русская проза» (Л., 1926), составившей базу для всех последующих работ на эту тему.

⁵ Курсив автора см.: «Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, подробным описанием поход Росси-

ян противу Французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением, замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии». Писаны Федором Глинкой. Москва: типогр. Селивановского, 1815–1816 (т. I–VIII). Т. I. С. 3. Далее ссылки на это издание даются нами в скобках в тексте статьи (тома обозначены римскими, страницы – арабскими цифрами).

⁶ Краткий обзор новых теорий см.: [Harris 1990].

⁷ Эта позиция в принципе мало отличается от позиции многих романтиков или Флобера, зажившего: «Госпожа Бовари – это я».

⁸ См. ряд определений и библиографию: [Марабова 1967; Ватникова-Призэл 1978].

⁹ И у Карамзина явен этот уклон в сторону записок, напр.: «Между тем, друзья мои, вы все еще сидите со мною в Академии Надписей», и т. д. [Карамзин 1984: 254].

¹⁰ Восходя, конечно, к модели, канон которой для XVIII в. составило фенелоновское путешествие Телемака и Ментора.

¹¹ В русском литературоведении связь со Стерном Карамзина и вслед за ним других путешественников-сентименталистов стала восприниматься как нечто очевидное; не исключено, однако, что ближе к Стерну (во всяком случае, к Стерну-иронисту) стоят противники сентиментализма, как С. фон Ф.(юцен), автор «Путешествия критики, или Писем одного путешественника...», или романтики, как Вельтман, автор «Странника».

¹² «Ничто не ускользнет от глубокого пронзающего взора путешествующего историка, – и он опишет нам все словами старых повестей, не по замыслениям стихотворцев и басносплетателей, а по былинам тех времен» [Глинка 1816: 14]. Замечу, что эту именно программу будет выполнять, в частности, Вельтман в своих романах и филологических изысканиях.

¹³ Уже у Шиллера и вплоть до Гюго (см., например, предисловие к «Кромвеллу»).

¹⁴ Я придерживаюсь мнения, что жанровые условности определяются на разных уровнях и разными способами и что эта множественность не сводима к классификации, основанной на одном общем критерии (не очень давно это мнение заново теоретически обосновал J.-M. Schaeffer [Schaeffer 1989]). Это не затрудняет распознавания и описания исторически сложившихся и взаимодействующих жанровых условностей, или, по терминологии французских постструктуралистов (Тодоров, Женетт), «дискурсов».

¹⁵ См. цитату, приведенную в примечании выше⁹ [Карамзин 1984: 254, 259]. О роли Акаде-

мии Надписей в развитии нового интереса к античности см., напр.: [Lanson 1916: 844–847].

¹⁶ См. коммент. P. Hadot: [Philostrate 1991].

¹⁷ Мне неизвестны литературоведческие работы, которые были бы посвящены обзору и анализу этих жанров.

¹⁸ Точно так же Карамзин постоянно обращает внимание и списывает надписи.

¹⁹ См., напр.: [Дмитриев-Мамонов 1783].

²⁰ Показывая добродетеля «из народа», Глинка идет за карамзинским «Фролом Силиным», который произвел переворот в русской «паренетике», жанре, посвященном изображению идеального человека («паренесис»: образец для подражания), равно связанном с церковной и утопической литературными традициями. Подробнее об этом жанре и его роли в русской утопии см.: [Heller, Niqueux 1995]. О формах утопической конвенции у Глинки см. с. 113–114.

²¹ Назовем лишь А. Пыпина «Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в.» (Пг., 1916) и Г. Вернадского «Русское масонство в царствование Екатерины II» (Пг., 1917); библиографию см.: Й. Биллингтон, J. Billington «The Icon and the Axe» (New York, 1970); S. L. Baehr «The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia» (Stanford, 1992).

²² Создание такого персонажа в письмах Карамзина и его литературные позы прекрасно описали Лотман и Успенский [Лотман, Успенский 1984]. Тут Глинка – выученик Карамзина.

Список литературы

Базанов В. Ф. Н. Глинка // Глинка Ф. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 5–54. (Библиотека поэта, Большая серия).

Глинка Ф. Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах. СПб.: тип. К. Крейя, 1816. Т. 1: 176 с.; Т. 2: 165 с.; Т. 3: 192 с.

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера; Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия. Киев: Днипро, 1991. 491 с.

Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием поход Россиян противу Французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением, замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. Писаны Федором Глинкой. М.: типогр. Селивановского, 1815–1816. Т. I–VIII. Т. 1. 242 с.; Т. 2: 224 с.; Т. 3: 189 с.; Т. 4: 257 с.; Т. 5: 246 с.; Т. 6: 216 с.; Т. 7: 201 с.; Т. 8: 292 с.

Глинка Ф. Н. // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1890 (Репринт Терра-1991). Т. 16. С. 855.

Дмитриев-Мамонов Ф. (Дворянин Философ). Слава России, или Собрание медалей, означающих дела Петра Великого и другия некоторыя. М.: [Унив. тип., у Н. Новикова], 1783. 8 с.

Карамзин Н. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 720 с.

Лотман Ю., Успенский Б. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 525–606.

Марахова Т. О жанрах мемуарной литературы // Учен. зап. Горьковского педагогического института. Горький, 1967. Вып. 69. С. 19–30.

Серков С., Удерецкий Ю. Писатель, воин, гражданин – Ф. Н. Глинка // Глинка Ф. Письма русского офицера. М.: Моск. рабочий, 1985. С. 5–25.

Сиповский Б. Карамзин – автор «Писем русского путешественника». СПб.: тип. В. Демакова, 1899. VIII. 642 с.

Хомяков А. Избранные сочинения. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 413 с.

Чудакова М. Дневник // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Сов. энцикл., 1964. Т. 2, стлб. 707–708.

Эйхенбаум Б. Молодой Толстой (1920) // Эйхенбаум Б. О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. С. 34–138.

Ватникова-Призэл З. О русской мемуарной литературе: критические анализы и библиография // East Lansing: Russian Language Journal, 1978. 250 с.

Hamburger K. La Logique des genres littéraires. Paris: Seuil, 1970. 372 p.

Heller L., Niqueux M. Histoire de l'utopie en Russie. Paris, PUF, 1995. 295 p.

Harris J. G. Diversity of Discourse: Autobiographical Statements in Theory and Praxis // Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature. Princeton U. P., 1990. P. 3–35.

Lanson G. Histoire de la littérature française. Paris, Hachette, 21 éd. 1916. P. 844–847.

Mandel B. J. Full of Life Now // Autobiography: Essays Theoretical and Critical, J. Olney, ed. Princeton, 1980. P. 49–72.

Schaeffer J.-M. Qu'est-ce qu'un genre littéraire. Paris: Seuil, 1989. 184 p.

Philostrate. La Galerie de tableaux. Paris: Les Belles Lettres, 1991. 151 p.

References

Bazanov V. F. N. Glinka [F. N. Glinka]. Glinka F. *Izbrannye Proizvedeniya (Biblioteka Poeta, Bol'shaya Seriya)* [Selected Works (Poet's Library,

Big Series)]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1957, pp. 5–54. (In Russ.)

Glinka F. *Pis'ma k drugu, sodержashchie v sebe zamechaniya, mysli i rassuzhdeniya o raznykh predmetakh* [Letters to a friend containing remarks, thoughts and arguments about different subjects]. St. Petersburg, Publishing House of K. Kreyya Publ., 1816. Vol. 1. 176 p. Vol. 2. 165 p. Vol. 3. 192 p. (In Russ.)

Glinka F. N. *Pis'ma russkogo ofitsera. Zinoviya Bogdan Khmel'nitskiy, ili Osvobodzhennaya Malorossiya* [Letters of a Russian officer. Zinovy Bogdan Khmelnitsky, or the liberated Little Russia]. Kiev, Dnipro Publ., 1991. 491 p. (In Russ.)

Glinka F. *Pis'ma russkogo ofitsera o Pol'she, Avstriyskikh vladenyakh, Prussii i Frantsii, s podrobnym opisaniem pokhod Rossiyan protivu Frantsuzov v 1805 i 1806, takzhe otechestvennoy i zagranichnoy voyny s 1812 po 1815 god. S prisovokupleniem, zamechaniy, mysley i rassuzhdeniy vo vremya poezdki v nekotorye otechestvennye gubernii. Pisany Fedorom Glinkoy* [Letters of a Russian officer about Poland, Austrian possessions, Prussia and France, with a detailed description of the campaign of the Russians against the French in 1805 and 1806, as well as the domestic and foreign war from 1812 to 1815. With the addition, comments, thoughts and arguments during a trip to some of the domestic provinces. Written by Fyodor Glinka]. Moscow, Publishing House of Selivanovskyy, 1815–1816. Vol. 1. 242 p. Vol. 2. 224 p. Vol. 3. 189 p. Vol. 4. 257 p. Vol. 5. 246 p. Vol. 6. 216 p. Vol. 7. 201 p. Vol. 8. 292 p. (In Russ.)

Glinka F. N. *Entsiklopediya Brokgauza i Efrona* [Encyclopedia of Brockhaus and Efron]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron, 1890 (Reprint Terra-1991), Vol. 16. 855 p. (In Russ.)

Dmitriev-Mamonov F. (Dvoryanin Filosof). Slava Rossii, ili Sobranie medaley, oznachayushchikh dela Petra Velikago i drugiya nekotoryya [Glory to Russia, or a collection of medals meaning the deeds of Peter the Great and some others]. Moscow, N. Novikov's Publishing House, 1783. 8 p. (In Russ.)

Karamzin N. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 720 p. (In Russ.)

Lotman Yu., Uspenskiy B. «Pis'ma russkogo puteshestvennika» Karамзина i ikh mesto v razvitiy russkoy kul'tury ['Letters of a Russian traveler' by Karamzin and their place in the development of Russian culture]. Karamzin N. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Karamzin N. Letters of a Russian traveler]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 525–606. (In Russ.)

- Marakhova T. O zhanrakh memuarney literatury [On the genres of memoir literature]. *Uchenye zapiski Gor'kovskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Gorky Pedagogical Institute]. Gorky, 1967, issue 69, pp. 19–30. (In Russ.)
- Serkov S., Uderevskiy Yu. Pisatel', voyn, grazhdanin – F. N. Glinka [Writer, warrior, citizen – F. N. Glinka]. *Glinka F. Pis'ma russkogo ofitsera* [Letters of a Russian officer]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1985, pp. 5–25. (In Russ.)
- Sipovskiy B. Karamzin – avtor «Pisem russkogo puteshestvennika» [Karamzin – the author of “Letters of the Russian traveler”]. St. Petersburg, Publishing House of V. Demakov, 1899. VIII, 642 p. (In Russ.)
- Khomyakov A. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. New York, Chekhov Publishing House, 1955. 413 p. (In Russ.)
- Chudakova M. Dnevnik [Diary]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [The Concise Literary Encyclopedia]. Moscow, 1964, vol. 2, pp. 707–708. (In Russ.)
- Eikhenbaum B. Molodoy Tolstoy (1920) [Young Tolstoy (1920)]. Eykhenbaum B. *O literature* [Eikhenbaum B. On literature]. Moscow, 1987, pp. 34–138 (In Russ.)
- Vatnikova-Prizel Z. O russkoy memuarney literatury: kriticheskiye analizy i bibliografiya [On Russian memoir literature: critical analysis and bibliography]. East Lansing, Russian Language Journal Publ., 1978. 250 p. (In Russ.)
- Hamburger K. *La Logique des genres littéraires*. Paris, Seuil, 1970. 372 p. (In Fr.)
- Heller L., Niqueux M. *Histoire de l'utopie en Russie*. Paris, PUF, 1995. 295 p. (In Fr.)
- Harris J. G. Diversity of Discourse: Autobiographical Statements in Theory and Praxis. *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*. Princeton U. P., 1990, pp. 3–35. (In Eng.)
- Lanson G. *Histoire de la littérature française*. Paris, Hachette, 21-e éd. 1916, pp. 844–847. (In Fr.)
- Mandel B. J. Full of Life Now. *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*, J. Olney, ed. Princeton, 1980, pp. 49–72. (In Eng.)
- Schaeffer J.-M. *Qu'est-ce qu'un genre littéraire*. Paris, Seuil, 1989. 184 p. (In Fr.)
- Philostrate. *La Galerie de tableaux*. Paris, Les Belles Lettres, 1991. 151 p. (In Fr.)

**SELF-PORTRAIT DURING THE BATTLE,
WITH A PICTURE GALLERY IN THE BACKGROUND
(about Fyodor Glinka)**

Leonid M. Heller

Honorary Professor

University of Lausanne

CH-1015 Lausanne, Switzerland. hellerleonid5@gmail.com

SPIN-code: 1767-5029

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6996-7266>

Submitted 11.02.2018

In this paper, we try to show that the magnus opus of Fyodor Glinka, his *Letters of a Russian Officer* (1809/1815–1816), when analyzed, is liable to add to our understanding of the archaists-innovators debate as formulated by Tynyanov. We approach the Glinka's book on the genre level, as a combination of letters, journal and travel (military) notes. Our analysis of narrative and stylistic composition of the 8-volume work lays bare the drama of 'war and peace' and the collision between two civilizations in which a lot of Slavophile interrogations could be read. This proto-Slavophile position as well as a utopian free-masonic stance assure the ideological and philosophical coherence of the Glinka's book, whereas its poetic wholeness is assured by an interplay of high, low and median styles, which the writer brilliantly exploits. Our analysis gives an opportunity to observe how the ancient genres of epigraphy and ekphrasis, revived in the 18th century, following the interest for travels and ruins, enter the book's poetic system, and to note that Glinka treats these genres in a new way, turning away from the Karamzinist model.

Key words: Fyodor Glinka; self-portrait; *Letters of a Russian Officer*; genre; epigraphy; ekphrasis.

УДК 791.43: 821.11

doi 10.17072/2037-6681-2018-4-118-124

«ВЕНЕЦИАНСКИЙ ТЕКСТ» И ЭСТЕТИКА ОТРАЖЕНИЙ В ФИЛЬМЕ ПОЛА ШРЕДЕРА «УТЕШЕНИЕ СТРАННИКОВ» ПО РОМАНУ ИЭНА МАКБЮЭНА

Ольга Анатольевна Джумайло

д. филол. н., зав. кафедрой теории и истории мировой литературы

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет

344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93. o.dzhumaylo@gmail.com

SPIN-код: 7549-9770

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1217-5567>

ResearcherID: J-9484-2017

Статья поступила в редакцию 11.09.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Джумайло О. А. «Венецианский текст» и эстетика отражений в фильме Пола Шредера «Утешение странников» по роману Иэна Макьюэна // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 118–124. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-118-124

Please cite this article in English as:

Dzhumaylo O. A. «Venetsianskiy tekst» i estetika otrazheniy v fil'me Pola Shredera «Uteshenie strannikov» po romanu Iena Mak'yueua [‘Venetian Text’ and Aesthetics of Reflections in Paul Schrader’s ‘The Comfort of Strangers’ based on the Novel by Ian McEwan]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 118–124. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-118-124 (In Russ.)

Статья обращена к эстетике отражений в киноадаптации режиссером и теоретиком кино Полом Шредером романа известного английского писателя Иэна Макьюэна «Утешение странников». Во-первых, аргументируется обращение к «венецианскому тексту» как несущему эстетику «трансцендентального стиля» с его ключевыми мотивами зыбкости, переходности, трансгрессии, отражений. Знаменательны переключки текстов романиста (И. Макьюэн), сценариста (Г. Пинтер) и режиссера (П. Шредер) со словесными и кинотекстами, разворачивающимися в Венеции (Т. Манн, Д. Дюморье, Л. Висконти, Н. Роег и др.), и их тематическими и визуальными лейтмотивами.

Во-вторых, эстетика отражений сопровождает фантазмический образный план «Утешения странников», привлекая внимание к границе визуального (эстетизированного) и эротического деструктивного (самодеструктивного) опыта. В этом отношении любопытны как многочисленные образы оптических предметов, фотографий, зеркальных поверхностей, так и сам показ фотографирования, перенос опыта вуайеризма на экран, а также рефлексия о наслаждении взглядом (gaze).

Наконец, «трансцендентный стиль» Шредера выводит зрителя к метарефлексии о зыбкости и трансгрессии любого взгляда, а в данном случае взгляда на красоту, подлежащую уничтожению. Кроме того, акцент на нарративном фокусе, повествовании от лица Роберта, связывает данный текст с исповедальной темой величия в самоубийстве (suicidal glory), в целом характерной для Шредера (в особенности его фильма «Мисима»), и устанавливает еще один план саморефлексии. Личное фиаско и самоутрата предстают и в «венецианском тексте» Шредера, сопровождаемые скорбью об утраченных ценностях и недостижимости совершенной красоты.

Ключевые слова: «венецианский текст»; эстетика отражений; «трансцендентальный стиль»; метарефлексия; Пол Шредер; Иэн Макьюэн.

Фильм американского кинорежиссера и теоретика кино Пола Шредера «Утешение странников» (*The Comfort of Strangers*, 1990) провоцирует на размышления об использовании режиссером нескольких интеллектуальных и художественных контекстов в представлении предельных состояний эротического желания. Как автор известной киноведам монографии «Трансцендентальный стиль в кино: Одзу, Брессон, Дрейер» (1972) [Шредер 1996–1997] Шредер во многом сам следует «трансцендентальному стилю», который скорее создает пространство для философско-эстетического вопрошания, нежели прибегает к эксплицирующей поэтической системе. По словам режиссера, «трансцендентальный стиль стремится максимально заострить тайну существования, он избегает любых привычных объяснений реальности – собственно реализма, натурализма, психологизма, романизма, экспрессионизма, импрессионизма и, наконец, рационализма» [цит. по: Kouvaros 1996: 10].

Предметом нашего внимания становится эстетика фильма, рассмотренная с трех позиций: специфического отражения «венетического текста» в фильме; оптических и фантазмических образных планов; саморефлексии в кинотекстах Шредера.

В пересказе сюжет фильма, снятого как киноадаптация одноименного романа Макьюэна [McEwan 1982], выглядит скандальным: молодая британская пара едет в Венецию, чтобы решить, стоит ли им оставаться вместе. Колин и Мэри осматривают достопримечательности и нередко ощущают себя потерянными в городе-лабиринте. Будто случайно им встречается Роберт, хорошо говорящий по-английски итальянец, который приглашает их сначала в свое кафе, а затем в прекрасный особняк, где знакомит с женой Кэролайн. Несмотря на несколько странное и тревожащее молодых людей поведение хозяев, это знакомство оживляет их отношения. Однако в финале Роберт и Кэролайн убивают Колина и, охваченные страстью друг к другу, оставляют его истекать кровью.

Подобно тому как роман Макьюэна не является криминальным и порнографическим текстом [Ryan 1994; Slay 1996; Malkolm 1999], фильм Шредера показывает границы персонального опыта как важнейшую проблему экзистенциального, философского и эстетического характера. Сюжет, воплощенный прекрасным актерским составом (Уокен, Миррен, Эверетт, Ричардсон), преподнесен в странной оптике, намеренно создающей ощущение соприсутствия других текстов культуры: в кадре часто появляются разнообразные артефакты в рамках, будто провоцируя зрителя на метатекстуальную ре-

флексию. Стилизация выступает как концептуальный элемент текста. И действительно, в основе фильма лежит роман Макьюэна, отсылающий к классическому тексту Томаса Манна «Смерть в Венеции». Сценарий по роману был написан крупнейшим британским драматургом Гарольдом Пинтером и несет приметы его собственного почерка [Richardson 2017]. В особенности это заметно в создании атмосферы ожидания и угрозы, сопровождаемой знаменитыми пинтеровскими паузами и мотивами насилия, возникающего в самых обыденных ситуациях и выявляющего бессознательные желания героев [Pinter 2000]. Несомненно, что и в фильмографии Шредера «Утешение странников» становится оригинальной вариацией на тему величия самоубийства (*suicidal glory*), уже развитой им ранее.

Фильм воспроизводит поэтику пространства новеллы Манна «Смерть в Венеции», давшую прототипическую модель для используемого Макьюэном и Шредером комплекса сводимых друг к другу пространственных, сексуальных и мортальных мотивов: венецианские гондолы как проводники мортального сюжета, наблюдение как часть гомоэротического сюжета, эстетическая искушенность Роберта и Кэролайн и преобладающий эстетический контекст в отношении Колина. Поэтика Манна и в деталях: музыка в баре Роберта заставляет вспомнить о музыке, которую слышит Ашенбах (его прототипом у Манна был Малер); музыка также отсылает к экранизации «Смерти в Венеции» Лукино Висконти, делающего Ашенбаха композитором. Принцип суггестивных повторов, лейтмотивная организация и мифопоэтическая образность дополняют впечатление о присутствии текста Манна, к тому же Макьюэн признает свой особый интерес к творчеству Томаса Манна уже в 1978 г.¹ В каком-то смысле сама идея столкновения рокового и повседневного в венецианских декорациях, оборачивающегося трагическим финалом, также восходит к Манну. В фильме Шредера – будто уже виденные ранее гондолы, красные от крови губы, скрываемая седина (отца Роберта), опасная бритва. Однако в текстах Макьюэна и Шредера они скорее пастиш, нежели знамение. Известен скепсис обоих в отношении поиска смысла в знаках и символах.

Воспроизводство «венетического текста» в каком-то смысле принуждает зрителя и исследователя рассматривать роковые обстоятельства скорее в связи с попаданием героев в данный топос (упадок, карнавал, извращенная любовь и финальная смерть в классических «венетических текстах»). Более того, образы фильма отсылают к «венетическому тексту» начиная с готических романов У. Бэкфорда, А. Радклиф и Д. Дюморье

и заканчивая проблематизирующими сексуальную идентичность текстами Леди Монтегю, Г. Джеймса, Ж. Уинтерсон и др. [Pfister, Schaff 1999]. Метатекстуальный аспект вводится также отсылками к эстетическим трудам Рескина (его цитирует Колин) и эссе Джеймса «Венеция» (1882), акцентирующим венецианские культурные клише. Особенно любопытен интерес английских литераторов к венецианскому топосу непосредственно перед выходом романа Макьюэна в 1981 г.: это и пьеса Пинтера «Betrayal» (1978), и рассказ Дюморье «Ganymed» (1959), и ее роман «Don't Look Now» (1971). Чувство нарастающей тревоги и потерянности в венецианском топосе пронизывают также широко известные фильмы Л. Висконти «Senso» (1954) и Н. Рога «Don't Look Now» (1973).

Психологическая трактовка пребывания в Венеции как месте транзита может трактоваться и как метафора измененного «пространства отношений героев» (обе пары ищут обновления чувств). И хотя психологическая трактовка сюжета не объясняет радикальности формы «транзита» в насильственную смерть, все же одним из травмирующих обстоятельств в личной истории Роберта предстает острое переживание им упадка культуры прошлого (также венецианский сюжет, трактуемый в семейном и гендерном ключе). Это прошлое неоднократно заявляется лейтмотивом острова-кладбища, на котором похоронены предки Роберта, и указанием на бережное хранение предметов, связанных с прошлым отца и деда. Всеобщее разрушение традиции и, по видимому, собственный гомоэротизм объясняют горечь Роберта и его стремление к самоубийству². Для многих постромантических текстов Венеция становится эмблемой эстетизма специфического рода – она будто демонстрирует экзистенциальный и исторический кризис, переживаемый англо-американской и европейской культурой, ставит под вопрос понятия цивилизации, культуры и искусства, которые теряют свою вечную миссию поддержания гармонического всеединства [O'Neill, Sandy, Wootton 2012: 2]. Венецианский текст будто утрирует характеристику типичного героя Шредера – «подглядывающего, фланера-наблюдателя, вуайера, одиночки», смотрящего на отношения и эмоции других будто через стекло и каждый раз испытывающего гнев, тревогу, страх перед будущим и нарциссистическую самоутрату [цит. по: Kouvaros 1996: 122].

Так, интертекстуальные отсылки (литературные и кинематографические) и собственно воплощенные на экране пространственные образы Венеции вводят идею зыбкости границ, перехода (вода / земля, путь / лабиринт, остров / кладбище, дворец сладострастия / пыточная, отель как при-

станции / место транзита и шире – от красоты и ее лицемерия к смерти и самоубийству). Отсылки к «венецианскому тексту» скорее внушают идею зыбкости и переходности, нежели становятся системой точных мотивных или сюжетных переключек.

Этот фильм, как никакой другой, может стать иллюстрацией к популярной концепции *gaze*, преподнесенной в классической версии Лоры Малви как мужской взгляд, несущий импlications власти над объектом желания (мотивы наблюдения и фотографирования), власти мужчины в патриархальном обществе (на это указывает ироничное замечание Кэролайн по поводу труппы, состоящей из женщин, в которой играла Мэри) [van Alphen 1996]. В фильме также последовательно деконструируется образ туристической Венеции и туристического взгляда на нее (*touristic gaze*): статичные планы вызывают в памяти излюбленные венецианские виды на открытках. Фильм заставляет вспомнить навязчивое желание героини Хэпберн сделать снимки туристической Венеции в «Summertime» (1955) Дэвида Лина. Но эти же виды открытки оказываются вмонтированы в сюжет, снятый скорее в конвенциях нуара, – диагональный поворот, длинные тени, отбрасываемые предметами, блики и отражения, демонстрация угла и «точки зрения», повторяющиеся образы воды, пустого ночного города, городского лабиринта и пр. [Davis, Marvin 2004: 2]. Подобный реминисцентный и, в данном случае, нуаровый принцип обнаруживается также в звуковом монтаже: выбор композитора, Анджело Бадалamenti, отсылает к мрачным психологическим безднам кинематографа Линча, с которым он сотрудничал.

Однако особо любопытно то, как Шредер проблематизирует *gaze*. Это очевидно в случае мужского и туристического взглядов, но становится концептуально значимым посредством систематического построения кадров, в которые включены сразу несколько рамок, предполагающих несколько точек зрения. Поразительно точно это характеризует и венецианское «сценическое» пространство, описанное Питером Акройдом в его книге «Venice: Pure City» (2010): «Венеция может быть описана как серия коробков-сцен, будто открывающихся одна из другой» [Askroyd 2010: 146].

Своего рода метавзгляд (Роберта, режиссера, зрителя) позволяет донести главную идею фильма – важность оптики видения как таковой. С психоаналитической точки зрения связь между садизмом и наблюдением отмечал Жак Лакан. В этом отношении уместно введение лакановского понятия *regard* (обычно переводимого на английский как *gaze*), манифестирующего такой

разрыв порядка восприятия визуального поля, который запускает саморефлексию смотрящего. Данная мысль будто подкрепляется рядом возникающих в кадре предметов, связанных с оптикой и фотографированием. Но даже в менее акцентированных сценах этот ряд постоянно дополняется: так, к примеру, показывая предметы, принадлежащие деду и отцу, Роберт указывает на театральный монокль.

Собственно сюжет о связи эроса и насилия в фильме преподнесен последовательно как сюжет о фантазме, своего рода оптическом искажении в сознании героя. Фантазм – это воплощенный в образах бессознательный сценарий получения удовольствия, план и способ удовлетворения желаний. Так молодая пара пока не осознает своих желаний, но встреча со странными супругами будто вносит нечто, пока не распознанное ими самими как желаемое. Рассказ Кэролайн о боли в спине, результате любви и насилия со стороны Роберта, буквально завораживает Мэри, как и способность самой Кэролайн наслаждаться полной, возводимой в абсолюте, властью другого над своим телом. Возможно, имеющий под собой реальное основание рассказ преподносится как модель взаимоотношений специально для слушающей Мэри. Однако Кэролайн подчеркивает, что и ей, и Роберту понятна грань, за которой воплощенный фантазм полной власти над ее телом станет разрушительным. Именно этот эпизод становится моделью для двух фантазмических признаний (крайних до гротеска), которыми делятся уже Колин и Мэри: она желает получать сексуальное наслаждение и при этом ампутировать Колину руки и ноги; он – создать для нее вечно движущуюся машину секса. С фантазмическим началом ассоциируется также маниакальное фотографирование, вуаеризм Роберта и Кэролайн [Forceville 2002], помещающих бесчисленное количество фотографий Колина у изголовья своей кровати.

Однако главным художественным решением темы фантазма становится избыточный ряд образов, связанных с зеркальностью. (Кстати, и фотографирование, и зеркальность отсылают к «Фотоувеличению» (Blow-up) Антониони³.) Помимо собственно зеркал, в фильме присутствуют картины, изображающие сцены эстетизированного томления, и стеклянная витрина, в которой выставлены манекены, лежащие в кровати. И то и другое отсылает соответственно к фантазмам Роберта и Кэролайн (картины) и Колина и Мэри (витрина). Психоаналитическая трактовка подкрепляется включением возможных отсылок к Саду, в особенности интересных в связи с дискуссиями вокруг фигуры Сада и его современных последователей в эротической и порногра-

фической литературе 1950-х («История О» (1954) и «Отражение» (1956)) и кинематографе последующих лет [Павлов 2012].

Но вернемся к зеркалам: в одном из них отражаются многие сцены фильма, будто эстетизируя ситуации повседневные и банальные⁴. Помещение этого зеркала рядом с картинами, таким же образом обрамленными, накладывает на отраженную в зеркале реальность статус фантазмической. Сходную функцию выполняет и дверь-обманка (на ней изображена картина), через которую входит и выходит Роберт. Акцентуация границы, перехода, трансгрессии, маргинальности сама по себе любопытна. В финале фильма она тематизируется, когда Кэролайн объявляет Мэри, что все они в «зазеркалье», перед тем как у этого же зеркала Роберт перережет Колину горло.

Фантазмическим по сути предстает произошедшее и с точки зрения обездвиженной Мэри, в глазах которой отражается насилие. Этот перцептивный поворот особо значим и потому, что Мэри оказывается в роли пассивного зрителя. Тогда объясним ее парадоксальный, на первый взгляд, поступок в самом конце фильма, когда во время опознания тела убитого Колина она поправляет ему волосы. Колин продолжает оставаться объектом эстетизации.

Говоря о специфической тематизации оптики в фильме Шредера, невозможно обойти вопрос о том, кому принадлежит возникающий в фильме нарративный фокус. К середине картины мы понимаем, что первые слова голоса за кадром, которые слышит зритель, – слова Роберта, который предпочитает связать историю своей женитьбы на Кэролайн с историей своего отца⁵. Первые слова повторены в середине фильма дословно, но теперь мы видим лицо говорящего. Однако повтор этот будет иметь парадигматическое значение, когда в самом финале фильма слова прозвучат уже как начало признания виновного в убийстве Роберта в полицейском участке. Иначе говоря, нарративным фокусом в фильме становится Роберт. Он конфигурирует сюжет, полный умолчаний (мотивы героя так и остаются до конца нераскрытыми). Это связано с отказом от необходимости полной экспликации сюжета и поступков героя (Роберта). Шредера привлекает в сценарии Пинтера именно его умение заставить зрителя сомневаться в декларируемых героем взглядах, часто расходящихся со следующими за ними действиями. Как и в пьесах драматурга, в сценарии Пинтера к фильму возникает насилие, не сопровождаемое никаким словесным объяснением (сцена болезненного удара кулаком в живот напоминает сцену из «Birthday Party» Пинтера), или тревожащий зазор между тем,

«что сказано и его истинным значением» [цит. по: Kouvaris 1996: 85]. Психологическая мотивация героя не до конца прояснена, но вместе с тем она преподносится как объективно существующая подоплека странных поступков героя. В этой связи вспоминается наблюдение Жиля Делеза, который в своем труде «Кино» обращает внимание на то, что в послевоенном европейском кинематографе изображен герой, поступки которого не вполне понятны и зрителю, и ему самому.

Статус главного героя, инициатора речи, более того, речи-признания, заставляет нас вспомнить «Мисиму» (1985), фильм Шредера, который режиссер часто упоминает как один из наиболее значимых для понимания авторского акцента на теме величия самоубийства, объединяющей скорбь по утраченным традициям, недостижимость совершенной красоты и личное фиаско. Фильм разделен на несколько частей, красноречиво озаглавленных: «Красота», «Искусство», «Действие», «Гармония пера и меча». Так, убийство Колина (недостижимой красоты, своего рода «Золотого храма») связывается в сознании Роберта с утратой патриархальных традиций, деструкцией идеала и самодеструкцией. В фильме подчеркивается, что Роберт и Кэрлайн, в сущности, отдают себя под суд, совершают акт самоуничтожения. С этой точки зрения, фильм представляет собой вариант исповедального признания в духе Мисимы, своего рода танатографию эроса.

Таким образом, «венецианский текст», экстенсивно присутствующий в фильме, задает ключевой мотив зыбкости, переходности, трансгрессии. С одной стороны, фильм акцентирует границы визуального и эротического опыта (образы предметов искусства, мотив зеркальных отражений, коллекционирование фотоснимков; поэтика умолчаний и навязчивых речевых повторов как маркеров нетранзитивности травматического опыта; введение в качестве кульминационного сюжета сцены воплощенного эротического фантазма и пр.). С другой – кинотекст наполнен знаками саморефлексии в отношении повествовательной / операторской «точки зрения» (скольжение взгляда (gaze) и его эффекты; обыгрывание позиции туриста-наблюдателя и вуайера; сопутствующие тематизирующие мотивы социальных, патриархальных гендерных и других «взглядов»; систематическое редуцирование зрительского видения персонажей; разнообразие приемы операторской съемки и пр.). «Трансцендентный стиль» Шредера выводит также зрителя к метарефлексии о зыбкости и трансгрессии любого взгляда, а в данном случае взгляда на красоту, подлежащую уничтожению.

Примечания

¹ В своем романе «Амстердам» он также отсылает к Манну и его «Доктору Фаустусу». Макьюэна интересует интеллектуально-философская проекция частной истории: современный композитор Клайв заимствует «Оду к Радости» Бетховена и проходит процедуру эвтаназии.

² В сущности, его оппонентами становятся режиссер фильма Шредер, романист Макьюэн и драматург-сценарист Пинтер, известные критики традиционного уклада, не раз обращавшиеся в своем творчестве к патриархальной культуре как к культуре насилия.

³ Шредер также признается в многочисленных заимствованиях из «Конформиста» (Il Conformista) Б. Бертолуччи («немотивированная» камера, гомоэротическая тема и тема наблюдения за убийством).

⁴ Об эстетизации повседневности (итальянском топоэксфрасисе) с «оглядкой» на другие тексты в русской литературе пишут в своих работах О. В. Соболева, Т. Н. Фоминых и Е. А. Постнова, а также Н. С. Бочкарева и К. В. Загороднева.

⁵ Подобный прием част у Шредера: «Ты хочешь услышать личную историю? Хорошо. Я расскажу тебе личную историю – не о себе, конечно. О моем деду, Картере Пейдже первом» – в 2007 г. Шредер снимает «Эскорт для дам» (“The Walker”), в котором вновь возникает тема признания.

Список литературы

Бочкарева Н. С., Загороднева К. В. Экфрасис и иллюстрация в книге «Окна» Дины Рубиной и Бориса Карафелова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 2(23). С. 172–181.

Павлов А. Порношник: от триумфа к забвению // Логос. 2012. № 6 (90). С. 180–195.

Соболева О. В. Венецианский текст в современной русской литературе (1996–2009): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 166 с.

Фоминых Н. Т. Венеция в стихах В. В. Вейдле // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 2(22). С. 126–131.

Фоминых Н. Т., Постнова Е. А. Образы Италии в повести В. А. Каверина «Косой дождь» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4(16). С. 165–174.

Шрейдер П. «Трансцендентальный стиль в кино»: Одзу, Брессон, Дрейер // Киноведческие записки. (1996–1997). № 32. С. 182–201.

Alphen E. van. The Homosocial Gaze according to Ian McEwan's The Comfort of Strangers // T. Brennan and M. Jay (eds.) Vision in Context: Historical and Contemporary Perspectives on Sight. London and New York: Routledge, 1996. P. 171–185.

Ackroyd P. *Venice: Pure City*. London: Random House, 2010. 432 p.

Davis R. C., Marvin G. R. *Venice the Tourist Maze: A Cultural Critique of the World's Most Touristed City*. Berkeley: California University Press, 2004. 372 p.

Forceville Ch. *The Conspiracy in The Comfort of Strangers: Narration in the Novel and the Film // Language and Literature*. 2002. Vol. 11(2). P. 119–135.

Kouvaros J. *Paul Schrader*. Urbano and Chicago: University of Illinois Press, 2008. 161 p.

Malkolm D. *Understanding Ian McEwan*. Columbia: University of South Carolina Press, 2002. 230 p.

McEwan I. *The Comfort of Strangers*. London: Picador, 1982. 125 p.

O'Neill M., Sandy M., Wootton S. *Venice and the Cultural Imagination: 'This Strange Dream Upon the water'*. London: Pickering and Chatto, 2012. 224 p.

Pfister M., Schaff B. (eds.) *Venetian Views, Venetian Blinds: English Fantasies of Venice*. Amsterdam, Atlanta – GA, 1999. 255 p.

Pinter H. *Collected Screenplays 3*. London: Faber and Faber, 2000. 330 p.

Richardson L. *Theorizing the Extra in Pinter's The Comfort of Strangers // The Harold Pinter Review*. 2017. Vol. 1. P. 105–107.

Ryan K. *Ian McEwan*. Plymouth: Northcote, The British Council, 1994. 72 p.

Slay J. *Ian McEwan*, English Author Series. New York: Twayne, 1996. 184 p.

References

Bochkareva N. S., Zagorodneva K. V. Ekfrasis i illyustratsiya v knige 'Okna' Diny Rubinoy y Borisa Karafelova [Ekphrasis and illustration in the book 'Windows' by Dina Rubina and Boris Karafelov]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiyskaya y zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 2(23), pp. 172–181. (In Russ.)

Pavlov A. Pornoshik: ot triumfa k zabveniyu [Porno chic: between cult and oblivion]. *Logos* [Logos journal], 2012, issue 6(90), pp. 180–195. (In Russ.)

Soboleva O. V. *Venetsianskiy tekst v sovremennoy russkoy literature (1996-2009)*. Diss. kand. filol. nauk [Venetian text in modern Russian literature (1996-2009). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2010. 166 p. (In Russ.)

Fominykh N. T. Venetsiya v stikhakh V. V. Veydle [Venice in V. V. Wiedle's poetry]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiyskaya y zarubezh-*

naya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 2(22), pp. 126–131. (In Russ.)

Fominykh N. T., Postnova E. A. Obrazy Italii v povesti V. A. Kaverina 'Kosoy dozhd' [The image of Italy in V. A. Kaverin's 'The Slanting Rain']. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiyskaya y zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 4 (16), pp. 165–174. (In Russ.)

Schrader P. 'Transtsedentalnyy stil v kino': Ozu, Bresson, Dreyer [Transcendental Style in Film: Ozu, Bresson, Dreyer]. *Kinovedcheskie zapiski* [Film Studies Notes], 1996-1997, issue 32, pp. 182–201. (In Russ.)

van Alphen E. The Homosocial Gaze according to Ian McEwan's 'The Comfort of Strangers'. *Vision in Context: Historical and Contemporary Perspectives on Sight*. Ed. by T. Brennan and M. Jay. London and New York, Routledge, 1996, pp. 171–185. (In Eng.)

Ackroyd P. *Venice: Pure City*. London, Random House, 2010. 432 p. (In Eng.)

Davis R. C., Marvin G. R. *Venice the Tourist Maze: A Cultural Critique of the World's Most Touristed City*. Berkeley, California University Press, 2004. 372 p. (In Eng.)

Forceville Ch. *The Conspiracy in 'The Comfort of Strangers': Narration in the Novel and the Film. Language and Literature*, vol. 11(2) (2002), pp. 119–135. (In Eng.)

Kouvaros J. *Paul Schrader*. Urbano and Chicago, University of Illinois Press, 2008. 161 p. (In Eng.)

Malkolm D. *Understanding Ian McEwan*. Columbia, University of South Carolina Press, 2002. 230 p. (In Eng.)

McEwan I. *The Comfort of Strangers*. London, Picador, 1982. 125 p. (In Eng.)

O'Neill M., Sandy M., Wootton S. *Venice and the Cultural Imagination: 'This Strange Dream Upon the Water'*. London, Pickering and Chatto, 2012. 224 p. (In Eng.)

Pfister M., Schaff B. (Eds.) *Venetian Views, Venetian Blinds: English Fantasies of Venice*. Amsterdam, Atlanta – GA, 1999. 255 p. (In Eng.)

Pinter H. *Collected Screenplays 3*. London, Faber and Faber, 2000. 330 p. (In Eng.)

Richardson L. *Theorizing the Extra in Pinter's 'The Comfort of Strangers'. The Harold Pinter Review*. Vol. 1 (2017), pp. 105–107. (In Eng.)

Ryan K. *Ian McEwan*. Plymouth, Northcote, The British Council, 1994. 72 p. (In Eng.)

Slay J. *Ian McEwan*. English Author Series. New York, Twayne, 1996. 184 p. (In Eng.)

**‘VENETIAN TEXT’ AND AESTHETICS OF REFLECTIONS
IN PAUL SCHRADER’S ‘THE COMFORT OF STRANGERS’
BASED ON THE NOVEL BY IAN McEWAN**

Olga A. Dzhumaylo

Associate Professor, Head of the Department of World Literature and Criticism

Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication

Southern Federal University

93, Universitetskiy pereulok, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. o.dzhumaylo@gmail.com

SPIN-code: 7549-9770

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1217-5567>

ResearcherID: J-9484-2017

Submitted 11.09.2018

The paper addresses aesthetics of reflections in the film adaptation of Ian McEwan’s novel *The Comfort of Strangers* by the director and film theorist Paul Schrader. First, it argues the so-called ‘Venetian text’ to be extremely potent for the ‘transcendental style’ glimmering, transgression, and reflections. In texts created by the novelist McEwan, the script-writer Pinter, and the director Schrader, there are notable references to novels and films set in Venice (Mann, Du Maurier, Roeg, Visconti) and their well-known thematic and visual leitmotifs.

Furthermore, aesthetics of reflections accompanies the phantasmal imagery of *The Comfort of Strangers*, which problematizes the borders between visual (aesthetized) and erotic destructive (self-destructive) experience. In this respect, repetitive optical images, photographs, mirroring surfaces are as curious as the very showing of the process of taking pictures, voyeuristic practices on screen, and observations about enjoyment as an effect of male gaze. Moreover, there are mirroring episodes in which the characters confess about their wish to watch their beloved experiencing some kind of corporeal transgression.

All in all, the ‘transcendental style’ proposed by Schrader forces the viewer’s meta reflection about transgression hidden in any gaze (here it is the transgression of the beauty doomed for disruption). The narrative voice, which belongs to Robert, links this text with a confessional theme of suicidal glory, characteristic of Schrader’s oeuvre (his *Misima* in particular). This makes another layer of self-reflection. Personal fiasco and self-loss are represented this time in Schrader’s own ‘Venetian text’, which is accompanied by the grief about lost values and inability to gain the perfect beauty.

Key words: ‘Venetian text’; aesthetics of reflections; ‘transcendental style’; meta reflection; Paul Schrader; Ian McEwan.

УДК 821.111(091)-31“19”
doi 10.17072/2037-6681-2018-4-125-134

ПАМЯТЬ И НАРРАТИВ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «ОСТАТОК ДНЯ»

Тамара Львовна Селитрина

д. филол. н., профессор кафедры романо-германского языкознания
и зарубежной литературы

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

450092, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3. Selitrina@yandex.ru

SPIN-код: 8794-0210

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0357-2218>

ResearcherID: S-5226-2016

Статья поступила в редакцию 18.05.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Селитрина Т. Л. Память и нарратив в романе К. Исигуро «Остаток дня» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 125–134. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-125-134

Please cite this article in English as:

Selitrina T. L. Pamyat' i narrativ v romane K. Isiguro «Ostatok dnya» [Memory and Narrative in Kazuo Ishiguro's 'The Remains of the Day']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 4, pp. 125–134. doi 10.17072/2037-6681-2018-4-125-134 (In Russ.)

Отечественные критики роман Исигуро «Остаток дня» обычно оценивают как своего рода травелог, рассказывающий о феномене «английскости» и английской сдержанности. Некоторые говорят даже о влиянии японского менталитета и японской философии, проявляющемся в изображении главного героя, дворецкого Стивенса. Исследователь, с опорой на собственные высказывания писателя, констатирует, что задача Исигуро не заключалась в том, чтобы изобразить обыденную жизнь типичного английского дворецкого середины прошлого века, а, напротив, попытаться раскрыть две весьма актуальные, на его взгляд, проблемы: политическую и психологическую. Цель данной статьи: проследить на материале романа, как память и нарратив пересекаются в организации и осмыслении жизненного опыта, оформляя его в словесный рассказ главного героя. Категория нарратива дает возможность глубже раскрыть процесс смыслообразования на уровне построения сюжета. Нарратив придает содержанию статус события, причем в наличии имеются два события: событие, о котором рассказано, и событие самого рассказа. Показывается, что одной из характерных примет искусства нарратологии у Исигуро является сюжетное событие, перемещение персонажа через границу семантического поля. Основой сюжета становится столкновение ошибочного представления о человеке и мире с истинным. Жизнь и судьба дворецкого Стивенса, его понимание достоинства человеческой личности оказались мнимыми и ложными, а сам персонаж соотносится с термином Хайдеггера *Das Man*, поскольку он выбирает неподлинное существование, бездумно приспосабливаясь к установленным порядкам и образцам.

Ключевые слова: К. Исигуро; «Остаток дня»; политический роман; психологический роман; память; нарратив; Ю. Лотман; В. Шмидт; современная английская литература; образ дворецкого.

В современной аксиологии принято рассматривать память как хранительницу смыслов и ценностей культуры, как «основу поступательно-го движения истории и источник прозрения истины» [Воротникова 2010: 66].

В своей книге «История как искусство памяти» Патрик Х. Хаттон заметил, что «тема памяти

в наши дни вызывает широкий интерес в гуманитарных науках. На ней пересекаются исследования культур-антропологов, психологов, литературоведов и специалистов по устной традиции, с недавнего времени объединяющих свои усилия с целью разгадать загадки памяти» [Хаттон 2004: 33]. По мнению Хаттона, «здравый смысл пред-

полагает, что мы нуждаемся в прошлом и обязаны поддерживать живую связь с миром. Все размышления поэтов и философов о природе памяти на протяжении столетий говорят о взаимодействии между повторением и воспоминанием. Противоречие между ними было таким же древним, как и греческий миф о Мнемозине, в одно и то же время богини воображения и памяти, и именно этот миф даровал памяти ее особую двусмысленность. Она приводит прошлое в настоящее, однако окрашивает его в свои особые цвета и оттенки» [Хаттон 2004: 15]. Именно на принципе воспоминания событий 20–30-х гг. XX в. строится роман Исигуро «Остаток дня», в котором изображено шестидневное путешествие дворецкого Стивенса из поместья Дарлингтон Холл в Оксфордшире на Юго-Западное побережье Англии. Поездка Стивенса связана со стремлением упрямой бывшую экономку мисс Кентон вернуться к ее прежним обязанностям, хотя минуло без малого двадцать лет. Главам книги присваиваются названия английских городов и местностей, но автор более озабочен пейзажем человеческой души, анализом духовного климата рассказчика. «Поприще памяти – это поприще души», – замечает Н. К. Гей в статье «Память историческая и память художественная» [Гей 2014: 189].

Как правило, исследователи рассматривают этот роман как своеобразный травелог, дающий возможность раскрыть феномен «английскости» в изображении Солсбери, Дорсета и Девона, а также типичного аристократического поместья Дарлингтон Холл с его тенистым садом, цветниками и всеми артефактами загородного дворца (портреты предков, фамильное серебро, редкий фарфор) [Сидорова 2005: 212]. Зарубежные и отечественные ученые делают акцент на значении сдержанности как отличительного качества английского национального самосознания [Джумайло 2011: 190]. Исследователь английской литературы Майк Петри считает, что история в романе Исигуро предстает скорее как фон. Ученый рассматривает книгу Исигуро в первую очередь как психологическую драму, целью которой является изобразить национальный характер: «In fact, despite his un-English sounding name, Kazuo Ishiguro is no doubt a truly “English writer” – someone who is deeply rooted in the English language and culture. ... The novel is as English as its butler-narrator, and its “Englishness” is actually rather important for what it is trying to say, because it is concerned, among many other things, with just that kind of stereotyping I have made myself guilty of in the foregoing statements, as I implied that there was something like a national character in the first place» [Petry 1999]. В свою очередь, Брайан Шаффер полагает: «Ishiguro’s third, best-known, Booker Prize-winning novel is also a provocative

examination of England’s nostalgic, sentimental myths about its past and a commentary on its presently burgeoning “heritage industry”» [Shaffer 2006: 157]. Ю. П. Шевченко рассматривает роман с точки зрения «стереотипа английского юмора» [Шевченко 2017: 427]. В. Минина замечает, что «это роман об английскости, политический и социальный роман» [Минина 2018: 78].

События переданы в ретроспекции главного героя начиная с июля 1956 г., времени начала повествования, и постепенного перемещения в предвоенные 20–30-е гг. XX в.

Сам автор подчеркивает, что его цель не состояла в том, чтобы изобразить жизнь типичного дворецкого 1930-х гг. Исигуро признается, что ему не доводилось воочию быть знакомым с каким-либо дворецким из старых поместий. Для него «дворецкий в определенном смысле метафора» [Исигуро 2012: 152] (“I’ve chosen the figure of a butler for metaphorical reasons” [Ishiguro 1993: 100]), поскольку этот образ дал возможность писателю раскрыть две животрепещущие и актуальные, по его мнению, проблемы. Одна из них политическая, другая – психологическая.

Размышляя во время путешествия о прожитой жизни, как он полагает, весьма достойной, дворецкий искренне сочувствует мисс Кентон, которая однажды в письме к нему призналась, что будущее представляется ей пустыней. В отличие от Кентон, Стивенс уверен, что сам он прожил яркую, насыщенную жизнь. Услужливая память подсказывает ему наиболее примечательные эпизоды, «поворотные пункты в жизни», «turning points», которые ему кажутся кульминационными вехами: события 1922–1923 гг. и 1936–1938 гг. Он служил дворецким у лорда Дарлингтона, бывшего высокопоставленного чиновника министерства иностранных дел, проводившего у себя в поместье неофициальные международные конференции в марте 1923 г. в преддверии официальной конференции в Женеве. Ему особо памятен эпизод из 1920 г., когда лорд Дарлингтон предпринял первую из своих многочисленных поездок в Берлин. Вернувшись в очередной раз из Германии в мрачном состоянии духа, он заметил Стивенсу, что в традициях Великобритании считается позором унижительное обращение с поверженной нацией, что «... в Версале была допущена несправедливость и безнравственно продолжать наказывать народ за войну, которая уже кончилась» [Исигуро 2012: 101] (“... fair play had not been done at Versailles and that it was immoral to go on punishing a nation for a war that was not over” [Ishiguro 1993: 75]). Он ратует за замораживание германских репараций и вывод французских войск из Рура, стремясь убедить в этом своих гостей: французского дипломата Дюпона и американского политика Льюиса.

Выдающийся отечественный историк И. Дьяконов заметил, что «роковой, но с исторической точки зрения понятной ошибкой держав-победительниц было взыскание с побежденных держав, главным образом с Германии, непосильных и рассчитанных на десятилетия репараций, что резко снижало жизненный уровень немцев и столь же резко повысило уровень дискомфорта» [Дьяконов 1994: 292]. В конце концов в 1926 г. Германия была принята в Лигу Наций исходя из положения о том, что членство Германии в Лиге Наций будет сдерживать активность германских националистов и реваншистов. В анализируемом романе американский дипломат Льюис пронизательно предупреждает о возможном будущем реванше Германии, называя собравшихся в поместье политиков, и хозяина в том числе, любителями, а не профессионалами. По его мнению, время любителей прошло, в международной политике не может быть мечтателей. Стивенс, присутствующий на этих дебатах, свято верит, что он помогает своему господину, считающему что эти конференции «способствуют прогрессу человечества» [Исигуро 2012: 152] («furthering the progress of humanity» [Ishiguro 1993: 114]). Для него моральные достоинства хозяина Дарлингтона выше всех похвал. Стивенс уверен, что мир подобен вращающемуся колесу, а великие дома (в одном из них он служит) – ступицы этого колеса. И непрерываемые решения, которые исходят из этого центра, распространяются на весь мир. За долгие годы службы у Дарлингтона Стивенс пришел к твердому мнению о том, что государственные решения принимаются за закрытыми дверями в тиши «великих» (great) домов, а пышные церемонии лишь венчают кропотливую работу, продолжающуюся долгие месяцы. И он, Стивенс, таким образом, вносит скромную лепту в создание «совершенного мира», профессионально служа великим людям современности, тем, кому, он считает, вверена судьба цивилизации.

В воспоминаниях Стивенса вторым поворотным моментом в жизни были события 1936–1937 гг., когда в Дарлингтон Холле в неофициальных встречах обсуждали будущее Европы министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс и германский посол Риббентроп. Теперь, в 1956 г., Стивенс сознает, что Риббентроп приезжал с одной единственной целью – «направлять кампанию по обману общественного мнения в Великобритании» [Исигуро 2012: 152] (“*Herb Ribbentrop's sole mission in our country was to orchestrate this deception*” [Ishiguro 1993: 136]).

Но тогда в далеком 1936 г., по наблюдению Стивенса, «многие видные дамы и джентльмены нашей страны» были в полном восторге от Риббентропа и приглашали его к себе в качестве почетного гостя» [Исигуро 2012: 152] (“...many of

the most distinguished ladies and gentlemen in this country” [Ishiguro 1993: 136]). Сам лорд Дарлингтон пользовался гостеприимством нацистов в своих поездках в Германию в период «Нюрнбергского слета» и, таким образом, поддерживал связи с заведомым врагом. Хозяин Дарлингтона был также тесно связан с организацией Британского союза фашистов и уволил двух служанок-евреек, которые до этого преданно проработали у него в доме без малого семь лет.

В своих суждениях Стивенс стремится защитить хозяина от обвинения в пособничестве нацистам, объясняя тогдашнее поведение лорда Дарлингтона тем, что он «любил находиться в центре событий» [Исигуро 2012: 152]. (“the sort of gentleman who cared to occupy himself only with what was at the true centre of things” [Ishiguro 1993: 136]), что люди, которых он привлекал на протяжении тех лет, «невообразимо далеко отстояли от гнусных экстремистских группировок» [Исигуро 2012: 152] (“the figures he gathered together in his efforts over those years were as far away from such unpleasant fringe groups as one could imagine” [Ishiguro 1993: 137]) – чернорубашечников (“the blackshirts”). По мнению Стивенса, это были влиятельные «в Британской жизни фигуры: политики, дипломаты, военные, духовенство. Более того, некоторые из них были евреями» [Исигуро 2012: 182] (“these were figures who held real influence in British life: politicians, diplomats, military men, clergy. Indeed, some of the personages were Jewish” [Ishiguro 1993: 137]). На протяжении своей поездки дворецкий ведет диалог с незримым оппонентом, оправдывая свое стремление угодить хозяину тем, что «дворецкому выпала честь исполнять свои профессиональные обязанности там, где вершились великие дела» [Исигуро 2012: 184] (“one has had the privilege of practicing one's profession at the very fulcrum of great affairs” [Ishiguro 1993: 138]), когда с известным правом можно сказать: «твой труды явились пусть весьма скромным, но все же вкладом в движение исторического прогресса» [Исигуро 2012: 184] (“the satisfaction of being able to say with some reason that one's efforts, in however modest a way, comprise a contribution to the course of history” [Ishiguro 1993: 138]). Стивенс уверяет себя, «окидывая мысленным взглядом пройденный путь», что «он испытывает самое полное удовлетворение и благодарит судьбу за то, что ему «было дано сподобиться такой милости» [Исигуро 2012: 167] (“I am today nothing but proud and grateful to have been given such a privilege” [Ishiguro 1993: 126]). Перечитывая уже в дороге письма мисс Кентон, Стивенс запоздало признается, что он принял желаемое за действительное, что в ее письмах не было стремления вернуться к прежней жизни. По сути все произ-

ведение Исигуро – анализ главным героем пройденного жизненного пути и стремление доказать самому себе целесообразность и логичность каждого из совершенных им поступков. Он убеждает себя в том, что прожил достойную жизнь и что каждый из его поступков отличался особым достоинством: он не покинул важных гостей лорда Дарлингтона, когда его отец лежал на смертном одре. Он не захотел прочитать в глазах мисс Кентон настоящее большое чувство к нему, и она вышла замуж за другого. А он, Стивенс, легко несет бремя одиночества. Он не хотел увидеть в прежнем владельце поместья человека, долгие годы пособничавшего нацистам. Всякий раз Стивенс уверял себя в достойном завершении сложных и трудных ситуаций, в которых он оказался. Более того, он даже считал, что своим молчаливым одобрением помогал хозяину осуществлять его планы, поскольку сохранял невозмутимость, действуя сообразно обстоятельствам. За долгие годы службы он выработал хорошее произношение и безукоризненное словоупотребление, умение сохранять на лице выражение, в котором личное достоинство гармонично сочеталось с готовностью услужить, умение обуздывать душевные переживания и способность к самоконтролю в минуту сильного возбуждения и сохранение профессиональной невозмутимости в самых сложных ситуациях.

Одной из характерных примет искусства нарратологии Исигуро является сюжетное событие. По формулировке Ю. М. Лотмана, «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля», «значимое отклонение от нормы», «пересечение запрещающей границы» [Лотман 1970: 282]. Интерпретируя этот тезис, Вольф Шмид пишет о пересекаемой границе, которая может быть топографической, прагматической, этической, психологической или познавательной: «таким образом, событие заключается в некоем отклонении от законного, нормативного, в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира» [Шмидт 2008: 22]. В системе данной концепции поездку Стивенса к мисс Кентон можно трактовать как тайную надежду на счастливое стечение обстоятельств и возможность обретения душевного покоя в «остаток дня» вместе с бывшей экономкой. Однако ее признание противоречит его ожиданиям.

Вольф Шмид основными критериями событийности называет «изменение состояния», «релевантность изменения» и «непредсказуемость» [там же: 28]. Стивенс пережил «ментальное событие», у него наступило запоздалое прозрение, осознание беспочвенности надежд и устремлений, полного краха его жизненных ценностей. Он не ожидал, что судьба мисс Кентон в конце

концов сложилась благополучно, что она ожидает рождения внучки и таким образом надеется на продолжение рода. У мисс Кентон есть будущее. Прозрение героя выступает как основное сюжетное событие романа. Жизнь Стивенса осмыслена в романе социально и нравственно-философски. Само путешествие, дорога на запад Англии, может трактоваться как линия, отделяющая прошлое от воображаемого будущего. Впервые перед Стивенсом открылся поэтический мир природы. Вместо замкнутого пространства Дарлингтон Холла перед ним открылись окрестности Солсбери с полями, убегающими одно за другим до самого горизонта, пологие холмы и долины, Мортимеров пруд (Mortimer's Pond) Дорсета. Впервые он ощутил краски, звуки, запахи окружающего мира. Когда он ранним утром в Солсбери обозревал раскинувшиеся перед ним земли, то «отчетливо испытал редкое чувство, которое не спутаешь ни с каким другим, чувство человека перед лицом величия» [Исигуро 2012: 40] (“I distinctly felt that rare, yet unmistakable feeling – the feeling that one is in the presence of greatness” [Ishiguro 1993, 28]): «свою родину мы называем Великобританией, осмелюсь утверждать, что один наш ландшафт уже оправдывает это название» [Исигуро 2012: 40] (“We call this land of ours Great Britain... Yet I would venture that the landscape of our country alone would justify the use of this lofty adjective” [Ishiguro 1993: 28]).

Но мимолетное ощущение простора и свободы побеждается привычным чувством замкнутости и внутренней скованности. Он сознательно отстраняется от живой жизни, замкнувшись в панцире ложного существования. Стивенс не растет внутренне, он не живет естественной человеческой жизнью. Свой интерес к любовным романам (мисс Кентон однажды случайно застала его за чтением беллетристики) он объяснил стремлением почерпнуть из книг подобного рода куртуазию возвышенной стилистики, необходимую ему для работы в поместье. Однако в этой детали ощущим эмоционально окрашенный знак интереса к чужой жизни, к чужим чувствам и страстям, к тому, чего он сам бесповоротно лишен.

Олицетворением живой, естественной жизни является мисс Кентон. Она косвенно выражает свои чувства к нему. Приносит вазу с цветами, «чтобы оживить его покои» [Исигуро 2012: 71] (“brighten your parlour” [Ishiguro 1993: 52]). Экономка объясняет этот естественный для неё жест стремлением привнести небольшую долю уюта и тепла в его «темную и унылую» (“dark and cold”) комнату: «на улице яркое солнышко» (“it’s such bright sunshine outside”) и «с цветами будет повеселее» [Исигуро 2012: 71] (“these (the flowers) would enliven things a little”) [Ishiguro 1993: 52]). Она советует ему обратить внимание на драх-

лость отца, уже не справляющегося с работой в поместье.

Внутренне драматичное состояние мисс Кентон обычно заслонено нейтральным поведением и становится ясным путем немногих, коротких, прямых высказываний, лишь косвенно выражающих скрытые чувства. В её поведении ощутимы внутренние тоскующие призывы к иному существованию, чувство поэзии жизни. Когда мисс Кентон в короткие минуты отдыха по вечерам из окна гостиной любуется лучами заходящего солнца, она как бы призывает Стивенса уйти от монотонного ежедневного существования, бесконечных проверок служебных обязанностей прислуги.

Настойчивому жизненному порыву мисс Кентон Стивенс отчаянно сопротивляется из-за боязни ответственных решений и активного действия. Погружаясь в бесконечный внутренний монолог, Стивенс видит в себе личность с высокими достоинствами, но по сути он давно превратился в безликого *Das Man* (по хайдеггеровской терминологии), о чем свидетельствуют детали его стандартной речи, привычек, одежды.

Собираясь в поездку, Стивенс делает ревизию своим костюмам, некогда принадлежащим гостям лорда Дарлингтона, много лет тому назад подаренными ему и давно вышедшими из моды. Он садится за руль форда, принадлежащего новому хозяину, американцу Фарадею. Остановившись в маленьких гостиницах, Стивенс старается по возможности не упоминать место службы, поскольку его бывший хозяин после войны подвергся всеобщему остракизму и презрению. До недавнего времени Стивенс гордился красотой старинного поместья Дарлингтон Холл, однако лепнина и карнизы показались гостю Фарадею, миссис Уэйкфилд, «умелой подделкой под старину» [Исигуро 2012: 165] (“It looks to me like it’s mock” [Ishiguro 1993: 123]), а не украшением XVIII в. Когда на вопрос миссис Уэйкфилд, служил ли Стивенс у прежнего хозяина, тот ответил отрицательно, она и Стивенса назвала «подделкой» [Исигуро 2012: 165] (“mock” [Ishiguro 1993: 123]).

Свое поведение он объяснил впоследствии Фарадею стремлением не распространяться о жизни бывшего владельца, мотивируя английскими негласными правилами, якобы существующими в их среде, чем несказанно удивил американца.

По пути следования на запад в небольших местечках Стивенса часто принимали за важного джентльмена из-за его изысканной вежливости, дорогих костюмов и автомобиля. Лишь безымянный шофер, заправивший водой автомобиль, да доктор Ричард Карлейль безошибочно определили профессию Стивенса. Карлейль с юмо-

ром заметил: «наши местные непременно должны были принять вас, по меньшей мере, за лорда или за герцога» (“The likes of the people here, they’re bound to take you for at least a lord or a duke”). Должно быть, неплохо, когда тебя время от времени принимают за лорда» [Исигуро 2012: 269] (“It must do one good to be mistaken for a lord every now and then” [Ishiguro 1993: 208]). Услышав, что жители местечка в присутствии Стивенса вели оживленную дискуссию о достоинстве личности, Карлейль насмешливо поинтересовался о мнении Стивенса на этот счет. «Оно сводится к тому, чтобы не раздеваться на глазах у других», – ответил Стивенс. («Что сводится?») – машинально спросил доктор. В ответ он услышал: «Достоинство» [Исигуро 2012: 269] (“But I suspect it comes down to not removing one’s clothing in public”. “Sorry. What does?” “Dignity, sir” [Ishiguro 1993: 208]). Стивенс ответил фразой, вероятно, давно им лелеемой.

Ричард Карлейль, приехавший на работу в Корнуолл в 1949 г., по его словам, «ярким социалистом», верил «в лучшее медицинское обслуживание для всего народа... что социализм обеспечит людям достойную жизнь» [Исигуро 2012: 272] (“...when I first came out here, I was a committed socialist. Believed in the best services for all the people and all the rest of it. First came here in forty-nine. Socialism would allow people to live with dignity” [Ishiguro 1993: 210]). В этой идее выражена активная жизненная позиция. Его время и пространство насыщено каждодневным деятельным трудом, поэтому он с иронией относится к «посиделкам» деревенских жителей: «местные хотят, чтобы их оставили в покое, позволили жить себе тихо и мирно» [Исигуро 2012: 272] (“People here want to be left alone to lead their quiet little lives. They don’t want to be bothered with this issue and that issue” [Ishiguro 1993: 209]).

Суждение Стивенса о достоинстве можно толковать лишь в этическом плане, как умение держать эмоции под контролем, в этом контексте не усматривается деятельностного начала. Догадываясь, что Стивенс служит дворецким, доктор Карлейль моментально теряет к нему интерес. Но разговор о достоинстве, поднятый жителями деревни, встревожил Стивенса. Один из них, Гарри Смит, уверен, что «достоинство – оно не только для одних джентльменов. Достоинство – это то, к чему стремятся и чего могут добиться все мужчины и женщины нашей страны [Исигуро 2012: 241] (“Dignity isn’t just something gentlemen have. Dignity’s something every man and woman in this country can strive for and get” [Ishiguro 1993: 186]). В конце концов, ради этого мы с Гитлером воевали. Если бы вышло, как хотел Гитлер, мы бы теперь в рабах ходили. Все человечество разделилось бы на горстку хозяев и

множество миллионов рабов. А всем тут и так понятно, что в рабском состоянии нет никакого достоинства» [Исигуро 2012: 241] (“That’s what we fought Hitler for, after all. If Hitler had had things his way, we’d just be slaves now. The whole world would be a few masters and millions upon millions of slaves. And I don’t need to remind anyone here, there’s no dignity to be had in being a slave” [Ishiguro 1993: 186]).

Стивенс с удивлением обнаружил, что вопросы большой политики обсуждают не государственные деятели, а простые фермеры. До недавнего времени он был абсолютно убежден, что «простые люди способны усваивать и познавать до какого-то определенного предела и ожидать от всех и каждого, чтобы они со своими «твердыми взглядами» принимали участие в рассмотрении великих общенациональных проблем, разумеется, неразумно» [Исигуро 2012: 241] (“There is, after all, a real limit to how much ordinary people can learn and know, and to demand that each and every one of them contribute ‘strong opinions’ to the great debates of the nation cannot, surely, be wise” [Ishiguro 1993: 194]). Тем более что ему припомнился случай из 1935 г., когда гости лорда Дарлингтона, несколько захмелевшие, задали ему провокационный вопрос: «какой внешнеполитический курс нам избрать?» [Исигуро 2012: 258], на что Стивенс ответил, что это не входит в его сферу и что в этом вопросе он некомпетентен (“I’m very sorry, sir,” I said, “but I am unable to be of assistance on this matter” [Ishiguro 1993: 195]).

Лорд Дарлингтон, произнесший тираду во славу сильной власти в Германии и Италии, уверенно заявил, «что нельзя требовать от обычного рядового человека, чтобы он разбирался в политике, экономике, мировой торговле и прочих материях» [Исигуро 2012: 258] (“The man in the street can’t be expected to know enough about politics, economics, world commerce and what have you” [Ishiguro 1993: 199]).

Уже постфактум, в своей воображаемой полемике с Гарри Смитом, Стивенс отвечает: «давайте раз и навсегда договоримся: долг дворецкого – образцово служить, а не соваться в дела государственной важности. Ведь это же факт, что столь великие дела всегда будут выше нашего с вами разумения» [Исигуро 2012: 260] (“Let us establish this quite clearly: a butler’s duty is to provide good service. It is not to meddle in the great affairs of the nation. The fact is, such great affairs will always be beyond the understanding of those such as you and I...” [Ishiguro 1993: 199]). Более того, Стивенсу даже показалось, что высказывание Гарри Смита созвучно с «идеалистическими заблуждениями, которые охватили значительные слои нашего поколения в 20-е – 30-е годы: быто-

вавшие среди лиц нашей профессии частные мнения о том, что всякому дворецкому с серьезными устремлениями следует вменить себе в обязанность все время переоценивать хозяина, критически изучая побудительные мотивы его действий и вникая в скрытый смысл его взглядов» [Исигуро 2012: 260] (“Indeed, Mr. Harry Smith’s words tonight remind me very much of the sort of misguided idealism which beset significant sections of our generation throughout the twenties and thirties. I refer to that strand of opinion in the profession which suggested that any butler with serious aspirations should make it his business to be forever reappraising his employer – scrutinizing the latter’s motives, analysing the implications of his views” [Ishiguro 1993: 199]).

По мнению Стивенса, подобные взгляды «есть следствие неверного хода мыслей» [Исигуро 2012: 262] (“the result of misguided thinking” [Ishiguro 1993: 199]). Он вспоминает, что дворецкие подобного рода, часто разочаровавшиеся в своих хозяевах и меняющие их друг за другом, исчезали из профессии. Он полагает, что всякий «кто стремится выработать собственные твердые взгляды на дела своего хозяина, непременно утрачивает одно принципиальное качество: преданность» (“...a butler who is forever attempting to formulate his own ‘strong opinions’ on his employer’s affairs is bound to lack one quality essential in all good professionals: namely, loyalty”). Хозяин олицетворяет все, что я считаю благородным и достойным восхищения. Отныне всего себя отдаю ему в услужение. Таким, как мы с вами, никогда не постичь огромных проблем современного мира, а поэтому лучше всего безоглядно положиться на такого хозяина, которого мы считаем достойным и мудрым, и честно и беззаветно служить ему по мере сил» [Исигуро 2012: 260] (“If a butler is to be of any worth to anything or anybody in life, there must surely come a time when he ceases his searching; a time when he must say to himself: “This employer embodies all that I find noble and admirable. I will hereafter devote myself to serving him” [Ishiguro 1993: 200]).

Правда, с течением времени выяснилось, что «поступками лорда Дарлингтона «двигали заблуждения, а то и недомыслие...» [Исигуро 2012: 262] (“Darlington’s efforts were misguided”). «У меня же, со своей стороны, нет решительно никаких оснований о чем-то жалеть или чего-то стыдиться» [Исигуро 2012: 262] (“...is quite illogical that I should feel any regret or shame on my own account” [Ishiguro 1993: 201]).

Внимая суждениям обитателей деревни о жизни и политике, на вопрос, чем он сам занимается, он ответил: «Внешней политикой» (“I tended to concern myself with international affairs more than domestic ones. Foreign policy, that is to say”), при-

бавив, что в былые годы был знаком и с Черчиллем, и с Иденом. Стивенс не тщеславный человек, он не собирался выказать себя государственным деятелем. «Просто так получилось» [Исигуро 2012: 262] (“It has been my good fortune” [Ishiguro 1993: 187]), – объяснил он Карлейлю.

Основой сюжета становится столкновение ошибочного представления о человеке и мире с истинным. Роман Исигуро многопланен, в нем совмещается публицистическое начало с драматическим и лирико-эмоциональным. В сцене прощания с мисс Кентон раскрываются особые связи между выражением и выражаемым. Когда она, с глазами полными слез, говорит ему, что ее жизнь могла бы сложиться и посчастливее, у него самого «разрывалось сердце» (“my heart was breaking”). Но он, как всегда, сохраняет эмоциональную сдержанность и советует ей «хорошо о себе заботиться, поскольку для супругов только начинается лучшая пора жизни» [Исигуро 2012: 262] (“Now, Mrs. Benn, you must take good care of yourself. Many say retirement is the best part of life for a married couple. You must do all you can to make these years happy ones for yourself and your husband” [Ishiguro 1993: 239]).

Лишь в финале он переживает величайшее и глубочайшее отчаяние, с содроганием осознает вдруг открывшуюся перед ним полную бессодержательность его собственной жизни: «я отдал все лучшее, что у меня было лорду Дарлингтону, а теперь у меня ... В общем... Оказалось, что у меня не осталось почти ничего, что можно отдать» ... (“I gave my best to Lord Darlington. I gave him the very best I had to give, and now – well – I find I do not have a great deal more left to give”). «Его светлость был человеком отважным. Он выбрал в жизни свой путь, как потом оказалось, неверный, но выбрал сам, это, по крайней мере, он мог утверждать. А я – я даже этого не могу про себя сказать. Я даже не имею права сказать, что сам виноват в своих ошибках. Вот и приходится задаваться вопросом: а много ли в этом достоинства» [Исигуро 2012: 317] (“His lordship was a courageous man. He chose a certain path in life, it proved to be a misguided one, but there, he chose it, he can say that at least. As for myself, I cannot even claim that. You see, I *trusted*. I trusted in his lordship’s wisdom. All those years I served him, I trusted I was doing something worthwhile. I can’t even say I made my own mistakes. Really – one has to ask oneself – what dignity is there in that?” [Ishiguro 1993: 242–243]). Казалось бы, его служба и служение лорду Дарлингтону образовали ту матрицу, которая способствовала выявлению черт его индивидуальности – честно нести свою службу.

В данном контексте уместен хайдеггеровский термин “Dasein” (бытие). Этот термин создан

немецким философом для того, чтобы описать способ существования человеческого существа, который отечественными учеными интерпретируется следующим образом: «...“человек” (свободный человек) не творит себя (собственное бытие на пустом месте и некоем пустом пространстве: он изначально заброшен в природу и культуру “места”... Важнейший, судьбоносный вопрос для человека – в том, находит ли он в своей “доле” собственную «сущность», которая соответствовала бы этой «доле». Человек, таким образом, самым своим бытием оказывается заброшенным в «истину бытия». Это значит, что искать-то свою “сущность”, свое «предназначение», свое “место в жизни” где-то далеко, пытаться “делать жизнь” с кого-то – значит осуждать себя на “бытийную неподлинность”! Подлинное бытие – собственное, а не заемное, и оно обнаруживается в “открытости” человеческого существа» [Зотов 2012: 362–363].

Философ утверждал, что человеческая жизнь радикально отлична от других форм жизни, потому что способна познать себя и размышлять об этом бытии. Как считал Хайдеггер, человеческие существа могут выбрать подлинную жизнь, полностью понимая свое положение в мире, или неподлинное существование наподобие автоматов, бездумно приспособляясь к установленным порядкам и образцам.

Стивенс до финальной встречи с мисс Кентон был абсолютно уверен в своей непогрешимости, самобытности и самореализованности подлинной жизни. Встреча с мисс Кентон, продолжающей его любить, поведавшей о себе, о муже, которого она долгое время не могла оценить по достоинству, о взрослой дочери разрушает самоуверенность героя и раскрывает перед ним полную бессодержательность его собственной жизни. Стивенс переживает величайшее и глубочайшее отчаяние, с содроганием осознает свою вдруг открывшуюся перед ним душевную нищету.

Случайный собеседник советует ему не оглядываться назад, а смотреть вперед: «нужно радоваться жизни и как можно лучше использовать остаток дня» [Исигуро 2012: 314] (“The evening’s the best part of the day. You’ve done your day’s work. Now you can put your feet up and enjoy it” [Ishiguro 1993: 243]). Когда-то Стивенс считал своим долгом не соглашаться заранее с поражением. Он и сейчас решил принять за лучшее тот образ жизни, который был свойствен ему долгие годы, с еще большим рвением служа новому хозяину, прикидывая, как целесообразнее отвечать на бесконечные подтрунивания Фарадея. Герой компромисса и приспособленчества решил продолжать играть свою роль лакея до конца.

Исигуро неоднократно подчеркивал, что он состоялся как личность в «идеальное» время

конца 60-х – начала 70-х гг. XX в., когда молодое поколение (молодые люди его возраста) выросли с мыслью, что они должны изменить мир и что это их обязанность. Исигуро был членом многих политических групп и участвовал в качестве волонтера во многих социальных проектах. У его сверстников были прекраснотушные идеалы. Однако жизнь все усложнялась, и в настоящий момент, по мнению писателя, «на многих из нас лежит тяжелая ноша ответственности за все, что происходит в стране: кто находится у власти, какие решения принимает правительство, что значит быть гражданином демократической страны» (“I have this notion that it’s up to people like me, ultimately, to decide on the big questions, how the country is run, the decisions the government makes – because this is what it means to be a citizen in a democratic country” [Ishiguro 2008: 101]). По его мнению, каждый член общества выполняет свои текущие обязанности, живя надеждой на лучшее будущее: «Мы не возглавляем правительство, не являемся инициаторами государственных переворотов, но мы работаем, работаем на нанимателя, или на организацию. Конечно, наш вклад в общее дело достаточно мал, но мы уверены, что те, кто находится наверху социальной лестницы, используют наш вклад в общее дело в справедливых целях. Другими словами, все мы напоминаем дворецких, поэтому я и остановил свой выбор на дворецком» (“Most of us, we don’t head governments or lead coup d’etats. What we do is we do a job, we work for an employer or organization or maybe some cause – political cause – and we just do a little thing. We hope that somebody up there, upstairs uses our little contribution in a good way. In other words we’re rather like butlers. And so I ended up with this figure of a butler” [Ishiguro 2008: 101]).

Исигуро поясняет, что Стивенс из романа «Остаток дня» прекрасно исполняет свои служебные обязанности, умеет подавать чай, гордится тем, как умело управляет домом, тем, что творится в мире. Сам дворецкий считает, что он не может выносить решение, как лучше управлять миром, т. е. он отказывается от ответственности за то, что происходит вокруг него в политической жизни. Но ведь хозяин, на которого он работает, – сторонник нацистов, т. е. косвенным образом дворецкий становится пособником нацизма, молчаливо соглашаясь с идеологией хозяина поместья. И в этом, полагает Исигуро, одна из трагедий дворецкого. Следовательно, проблема ответственности личности за все происходящее в мире становится в этом романе определяющей, по мнению писателя.

Исигуро замечает, что довольно часто дворецкий в художественной литературе изображается нелепым, напыщенным – карикатурным. Но

Исигуро подчеркивает, что ему хотелось показать не схему, а живого человека, со всеми присущими ему слабостями и недостатками, человека, который отказывается «жить чувственно»: «я пытаюсь описать портрет человека, который считает, что он ищет определенного в жизни, то, что называется высшим достоинством, а на самом деле оказывается малодушием и бегством от пугающих человеческих эмоций... где-то в глубине души он ощущает симпатию экономки, но игнорирует ее чувства, поскольку уверен, что обязанность дворецкого – не проявлять эмоций, а лучше всего отрешиться от них совсем» (“I try to paint the portrait of a man by pretending that he’s being utterly professional, by pretending that he’s seeking out some sort of special dignity, is really just hiding, is really just cowardice. He just retreats and hides from that arena of scary human emotions. ...Somewhere deep down, he sees the love emanating from the housekeeper... and ignore it... saying that he is this dedicated professional butler. And that it’s the duty of the butler not to have any emotions and to him, that’s a kind of a professional perfection” [Ishiguro 2008: 102]).

По сути, это образ обывателя, внешне совершенно безликого, но опасного своей апатичностью и равнодушием к движению истории. Обращение к социально-политической теме позволило Исигуро придать роману «политическую остроту и непреходящую актуальность» [Минина 2018: 78].

На наш взгляд, анализируемый роман Исигуро можно поместить в интеллектуальный ряд произведений, о которых американская исследовательница Маргарет Сканлан пишет: «Taken as a whole, these novels witness the power of post-war British fiction to identify the problems of understanding and responding to history in the twentieth century and the ability of a disparate group of writers, through modernist concerns with consciousness and distinctive accents of individual voices, to examine those problems. Certainly the writers examined are not the only British writers whose demonstrate a marked consciousness of public history. ...Yet the novels considered have more than local significance, testifying as they do their authors’ understanding of an intellectual universe in which we all live – one in which subject of history is fragmented and uncertain and from which the ungrounded imagination no longer seems to offer escape. This intellectual universe corresponds to some of the political and historical world the writers describe. ...In their unillusioned portrayal of the consequences of such anxieties, these novelists testify to the still vital role of fiction in shaping our understanding of history» [Scanlan 1990].

В свое время Г. Флобер требовал от авторов проявлять объективность, т. е. нейтральность,

беспристрастность и *impassibilité*. Современный теоретик литературы Уэйн Бут, как бы отвечая на подобное заявление Флобера, задается вопросом: “How could anyone ever believe that the author’s intentions about a work are irrelevant to how we read it?” [Phelan, Rabinowitz 2005]. Бут полагал, что субъективность автора неизбежна. На наш взгляд, авторский голос К. Исигуро отстаивает этическую формулу ответственности искусства в решении глобальных проблем бытия.

Список литературы

Воротникова А. Э. Смерть памяти в романе Э. Елинек «Дети мертвых» // Постмодернизм и культурная память: проблема ценностных ориентиров: материалы всерос. конф., Воронеж, ВГУ, 30–31 окт. 2010 г. / под ред. М. Н. Недосейкина, С. Н. Филюшкиной, Д. А. Чугунова. Воронеж: ИИТОУР – полиграф, 2010. С. 66–87.

Гей Н. К. Память историческая и память художественная // Память литературного творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 171–210.

Джумайло О. А. Английский исповедально-философский роман. Ростов н/Д: Изд-во Южного федер. ун-та, 2011. 320 с.

Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1994. 384 с.

Зотов А. Ф. Современная западная философия: учеб. пособие. М.: Проспект, 2012. 608 с.

Исигуро К. Остаток дня. СПб.: Эксмо, 2012. 317 с.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

Минина В. Г. Произведения Исигуро как отражение основных тенденций развития современного британского романа // XXX Пуришевские чтения. «Тезаурус и личность ученого» / отв. ред. М. А. Дремов. М.: МПГУ, 2018. С. 77–78.

Селитрина Т. Л. Текст-герой-автор (заметки о творчестве К. Исигуро) // Память и нарратив: сб. ст. / под ред. С. Н. Филюшкиной, Д. А. Чугунова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. С. 166–171.

Сидорова О. Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 282 с.

Хаттон Патрик Х. История как искусство памяти. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. 423 с.

Шевченко Ю. П. Английский юмор: стереотип или реальность (роман К. Исигуро «Остаток дня») // Античность-современность (Вопросы филологии): сб. науч. работ. Донецк, 2017. Вып. 5. С. 421–429.

Шмидт В. Нарратология. М.: Языки слав. культуры, 2008. 302 с.

A companion to Narrative Theory / ed. by James Phelan, Peter J. Rabinowitz. Blackwell Publishing, Malden, MA., 2005. 571 p.

Conversations with Kazuo Ishiguro / ed. by B. W. Shaffer a. C. F. Wong. University Press of Missisipi, 2008. 224 p.

Ishiguro K. *The Remains of the Day*. Vintage International ed., 1993. 245 p.

Petry M. ‘Narratives of Personal Pasts’: Kazuo Ishiguro in the Context of Postmodern British Fiction. URL: <http://www.gradnet.de/papers/pomo99.papers/Petry99.htm> (дата обращения: 15.05.2018).

Scanlan M. *Traces of another time. History and politics in postwar British fiction*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1990. 211 p.

Shaffer Brian W. *Reading the Novel in English 1950–2000*. Blackwell Publishing, Malden, MA., 2006. 265 p.

References

Vorotnikova A. E. *Smert’ pamyati v romane E. Elinek «Deti mertvykh» [The death of memory in E. Jelinek’s novel ‘The Children of the Dead’]. Postmodernizm i kul’turnaya pamyat’: problema tsennostnykh orientirov. Materialy vserossiyskoy konferentsii. Voronezh, VGU, 30–31 oktyabrya 2010 g. [Postmodernity and cultural memory: the problem of value orientations. Proceedings of the all-Russian conference, Voronezh, VSU, October 30–31, 2010]. Ed. by M. N. Nedoseykina, S. N. Filyushkina, D. A. Chugunova. Voronezh, ИТОУР – Poligraf Publ., 2010. P. 66-87. (In Russ.)*

Gay N. K. *Pamyat’ istoricheskaya i pamyat’ khudozhestvennaya [Historical and artistic memory]. Pamyat’ literaturnogo tvorchestva [Memory of literary creativity]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 171–210. (In Russ.)*

Dzhumaylo O. A. *Angliyskiy ispovedal’no-filosofskiy roman [English confessional philosophical novel]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Press, 2011. 320 p. (In Russ.)*

D’yakonov I. M. *Puti istorii. Ot drevneyshego cheloveka do nashikh dney [Ways of history. From ancient times to the present day]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publisher, 1994. 384 p. (In Russ.)*

Zotov A. F. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya. Uchebnoe posobie. [Modern Western philosophy. Textbook.] Moscow, Prospekt Publ., 2012. 608 p. (In Russ.)*

Ishiguro K. *Ostatok dnya [The Remains of the Day]. St. Petersburg, Eksmo Publ., 2012. 317 p. (In Russ.)*

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of literary text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p. (In Russ.)*

Minina V. G. *Proizvedeniya Isiguro kak otrazhenie osnovnykh tendentsiy razvitiya sovremen-*

nogo britanskogo romana [Ishiguro's works as a reflection of the main trends in the development of the modern British novel]. 30 *Purishevskie chteniya. Tezaurus i lichnost' uchenogo* [The 30th Purishev Readings. The thesaurus and the personality of the scientist]. Ed. by M. A. Dremov. Moscow, MSPU Publ., 2018, pp. 77–78. (In Russ.)

Selitrina T. L. *Tekst-geroy-avtor (zametki o tvorchestve K. Isiguro)* [Text-Hero-Author (notes on K. Ishiguro's works)]. *Pamyat' i narrativ. Sbornik statey* [Memory and the narrative. Collected papers]. Ed. by S. N. Filyushkina, D. A. Chugunova. Voronezh, Nauka-Yunipress Publ., 2012, pp. 166–171. (In Russ.)

Sidorova O. G. *Britanskiy postkolonial'nyy roman posledney treti 20 veka v kontekste literatury Velikobritanii* [British postcolonial novel of the last third of the 20th century in the context of British literature]. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2005. 282 p. (In Russ.)

Patrick H. Hatton *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an Art of Memory]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004. 423 p. (In Russ.)

Shevchenko Yu. P. *Angliyskiy yumor: stereotip ili realnost' (roman K. Isiguro «Ostatok dnya»)* [English humor: the stereotype or reality (K. Ishi-

guro's novel 'The Remains of the Day']. *Antichnost'-sovremennost' (Voprosy filologii). Sbornik nauchnykh rabot. Vyp. 5.* [Antiquity-modernity (The issues of philology). Collection of scientific works. Issue 5]. Donetsk, 2017, pp. 421–429. (In Russ.)

Schmid W. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2008. 302 p. (In Russ.)

A companion to Narrative Theory. Ed. by James Phelan, Peter J. Rabinowitz. Malden, MA., Blackwell Publishing, 2005. 571 p. (In Eng.)

Conversations with Kazuo Ishiguro. Ed. by B. W. Shaffer and C. F. Wong. University Press of Mississippi, 2008. 224 p. (In Eng.)

Ishiguro K. *The Remains of the Day.* Vintage International ed., 1993. 245 p. (In Eng.)

Petry M. 'Narratives of Personal Pasts': Kazuo Ishiguro in the Context of Postmodern British Fiction. Available at: <http://www.gradnet.de/papers/pomo99.papers/Petry99.htm/>. (accessed 15.05.2018). (In Eng.)

Scanlan M. *Traces of another time. History and politics in postwar British fiction.* Princeton, New Jersey, Princeton University Press. 211 p. (In Eng.)

Shaffer Brian W. *Reading the Novel in English 1950–2000.* Malden, MA., Blackwell Publishing, 2006. 265 p. (In Eng.)

MEMORY AND NARRATIVE IN KAZUO ISHIGURO'S 'THE REMAINS OF THE DAY'

Tamara L. Selitrina

Professor in the Department of Germanic and Romanic Linguistics and Foreign Literature

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

3, Oktyabrskoy revoliutsii st., Ufa, 450025, Russian Federation. Selitrina@yandex.ru

SPIN-code: 8794-0210

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0357-2218>

ResearcherID: S-5226-2016

Submitted 18.05.2018

Russian literary critics usually regard Ishiguro's *The Remains of the Day* as a kind of travelogue telling about the phenomenon of 'Englishness' and English restraint. Some even mention the influence of Japanese mentality and Japanese philosophy on the image of the protagonist – Stevens, a butler. Based on the writer's own statements, the article shows that his objective was not to depict the everyday life of a typical English butler in the middle of the last century. On the contrary, Ishiguro tried to reveal two problems, vital and relevant in his view: the political and the psychological ones. The purpose of this article is to show on the material of the novel how memory and narrative intersect in the organization and comprehension of life experience, formalizing it into a verbal story of the protagonist. The category of narrative allows one to go deeper in revealing the process of semantic formation at the level of plot construction. Narrative gives a status of the event to the contents; moreover, there are two events: the event which is narrated and the event of the story itself. It is shown that one of the characteristic features of the art of narratology in Ishiguro's works is the plot event, the movement of the character across the border of the semantic field. The basis of the plot is a clash of misconception of a man and the universe with the true conception. The life and fate of Stevens, his understanding of the dignity of a person turned out to be imaginary and false, and the character can be related to Heidegger's *Das Man*, as he chooses unreal existence, mindlessly adapting to the established order and samples.

Key words: Kazuo Ishiguro; *The Remains of the Day*; political novel; psychological novel; memory; narrative; Yuri Lotman; Wolf Schmidt; contemporary English literature; image of a butler.

Научный периодический журнал «**Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология**» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («**Филология**» и «**Иностранные языки и литературы**»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т. п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей 10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук и не являющегося сотрудником вуза автора. Подпись рецензента заверяется в отделе кадров по месту работы. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 28 (Лаборатория региональной лексикологии и лексикографии, тел. (342)2396795), ауд. 111 (Лаборатория сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций, тел. (342)2396290).

Зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова*, администратор сайта – *Алексей Васильевич Пустовалов*, контент-редактор англоязычной версии сайта – *Екатерина Владимировна Исаева*.

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 10. Выпуск 4 / 2018

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицетова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 03.12.2018. Дата выхода в свет 18.12.2018
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 15,81. Тираж 500 экз. Заказ 241

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке